СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

6

1952

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР, ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

29-й ГОД ИЗДАНИЯ | № 6 | ИЮНЬ 1952

Прокуратура СССР
Инв № 1698/п.
ВНИИ криминалистики

БОРЬБА ЗА ИСКОРЕНЕНИЕ ХИЩЕНИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ — ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА СУДА И ПРОКУРАТУРЫ

Пять лет тому назад, 4 июня 1947 г., Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Этот указ имеет огромное политическое значение. «... Вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под интересы народного хозяйства, есть тот же шпион и предатель, если не хуже»,— учит товарищ Сталин (Соч., т. 8, стр. 136). Указ 4 июня 1947 г. определяет линию борьбы судебных и прокурорских органов с ворами и расхитителями народного добра.

Социалистическое государство с первых дней своего существования ведет неуклонную борьбу со всеми, кто покушается на социалистическую собственность. Великий Ленин рассматривал расхитителей народного добра как врагов социализма, вскормленных капиталистическим обществом. В 1918 году в статье «Как организовать соревнование» Ленин писал: «Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главные разряда п а р а з и т о в, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом» (Соч., т. 26, стр. 372).

Особое значение борьба за охрану социалистической собственности приобрела во второй главной фазе развития социалистического государства.

С изменением задач социалистического государства изменились и его функции. Охрана социалистической собственности становится одной из основных функций социалистического государства. На XVIII съезде партии товарищ Сталин сказал: «Отпала — отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплоатация уничтожена, эксплоататоров нет больше и подавлять некого. Вместо функции подавления появилась у государства функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра» (Вопросы

ленинизма, изд. 11, стр. 606). Правовым выражением образования этой новой функции социалистического государства было издание исторического закона 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Этот закон сыграл громадную роль в укреплении социалистической собственности. Товарищ Сталин в январе 1933 года в докладе об итогах первой пятилетки на объединенном пленуме ЦК и ЦКК сказал в связи с изданием закона 7 августа: «Допускать воровство и хищение общественной собственности, — все равно, идет ли дело о собственности государственной или о собственности кооперативной и колхозной, — и проходить мимо подобных контрреволюционных безобразий, — значит содействовать подрыву советского строя, опирающегося на общественную собственность, как на свою базу. Из этого исходило наше Советское правительство, когда оно издало недавно закон об охране общественной собственности. Этот закон есть основа революционной законности в настоящий момент. А обязанность строжайшего его проведения в жизнь является первейшим долгом каждого коммуниста, каждого рабочего и колхозника» (Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 393).

Сталинская Конституция провозглашает социалистическую собственность священной и неприкосновенной основой советского строя. Социалистическая собственность является источником богатства и могущества нашей родины, источником зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лиц, покушающихся на социалистическую собственность, Сталинская Конституция объявляет врагами народа.

Товарищ Сталин в 1933 г. указал:

«Основная забота революционной законности в наше время состоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом.

Вот почему борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами Советской власти, — является одной из основных задач партии» (Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 394).

Это указание товарища Сталина сохраняет свое полное значение и для настоящего времени.

В охране социалистической собственности кровно заинтересованы все трудящиеся нашей страны. Миллионы трудящихся самоотверженно работают над укреплением экономического могущества нашей родины — государственной и общественной собственности. В нашем обществе каждому обеспечено право на труд, возможность честно трудиться предоставлена каждому гражданину нашего общества. В процессе строительства социалистического общества в нашей стране изменился духовный облик советских людей. Это находит свое выражение, в частности, в заботе советских людей об укреплении социалистической собственности, в борьбе за повышение производительности труда, в отношении советских людей к труду, как делу чести, славы, доблести и геройства. Однако среди части советских людей еще живучи пережитки прошлого. Эгоистическое стремление обогатиться за счет плодов труда других является одной из опасных «традиций» старого мира. Эти пережитки капитализма в сознании отсталых людей порождают хищения государственного и общественного имущества.

Охрану социалистической собственности советское государство осуществляет различными средствами: организацией учета материальных ценностей, контролем над распределением средств, охраной отдельных объектов социалистической собственности, подбором надежных кадров,

в ведении которых находится государственное или общественное имущество, и т. д. Громадную активную роль в охране социалистической собственности имеют законы и в особенности указ 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

До издания указа 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» борьба с хищением государственного и общественного имущества велась, наряду с законом 7 августа 1932 г., на основе разнородных норм уголовных кодексов отдельных союзных республик, с различными по своему характеру диспозициями и карательными санкциями. Отсутствие единства в нашем законодательстве об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества тормозило успешность борьбы с посягательствами на социалистическую собственность, ослабляло активную роль советского уголовного закона. Указ 4 июня 1947 г., установив единство законодательства об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества и усилив ответственность за эти преступления, содействовал в значительной мере повышению активной роли суда и прокуратуры в борьбе с хищениями социалистической собственности. Указ 4 июня 1947 г. установил относительно более суровую ответственность за хищение государственного имущества сравнительно с хищением общественного имущества. В этом нашла свое выражение ведущая роль государственной собственности в системе социалистического хозяйства, посягательство на которую является поэтому особо опасным. Государственная собственность есть высшая форма социалистической собственности, выражающая принадлежность соответствующих объектов собственности всему народу, составляющая всенародное достояние.

Рост политической сознательности и материального благосостояния советского народа, наши общие успехи в борьбе с пережитками прошлого в сознании отсталых людей и неуклонная борьба органов суда и прокуратуры на основе указа 4 июня 1947 г. с хищениями государственного и общественного имущества дали свои результаты: из года в год значительно снижаются хищения государственного и общественного имущества. Однако достигнутые успехи не должны ослаблять нашей борьбы с хищениями государственного и общественного имущества.

От неуклонного и правильного применения указа 4 июня 1947 г. зависит успешность нашей борьбы за искоренение хищений государственного и общественного имущества.

Необходимо добиться, чтобы ни один расхититель государственного и общественного имущества не избежал суда и наказания по указу 4 июня 1947 г. Нетерпимым является вместе с тем и неосновательное привлечение граждан по указу 4 июня 1947 г., когда в действительности нет доказательств их виновности в совершении хищения или в их действиях нет состава преступления или имеется состав какого-либо другого преступления. Меткость нашей репрессии по делам о хищении государственного и общественного имущества — необходимое условие успешного осуществления активной роли указа 4 июня 1947 г. в охране основ советского строя. Меткость нашей репрессии при применении указа 4 июня 1947 г. прежде всего определяется качеством предварительного следствия, проведенного по делам о хищении государственного и общественного имущества.

Неудовлетворительное расследование хищения государственного и общественного имущества может вызывать неосновательное оправдание лица, виновного в совершении хищения государственного или обще-

ственного имущества, или, наоборот, неосновательное осуждение невиновного лица. Неудовлетворительное расследование хищения государственного или общественного имущества является одним из наиболее частых оснований отмены судебного приговора кассационной или надзорной инстанцией для направления дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Быстрое, эффективное и всестороннее расследование совершенного хищения государственного или общественного имущества с соблюдением всех требований уголовно-процессуального закона — залог успешной борьбы с хищениями государственного и общественного имущества. При этом расследование хищения государственного или общественного имущества должно выяснить и условия, способствующие хищению; недостатки в охране социалистической собственности, неправильная организация учета и т. д., чтобы поставить перед соответствующими органами вопрос об устранении этих недостатков.

Государственные интересы требуют, чтобы все случаи хищения государственного или общественного имущества влекли за собой ответственность по указу 4 июня 1947 г. До сих пор еще встречаются нетерпимые случаи, когда органы прокуратуры и суды ошибочно квалифицируют в обход закона хищения, совершенные должностными лицами, как злоупотребление своим служебным положением или как подлог в корыстных целях. Такая квалификация означает неправильную политическую оценку совершенного преступления и ведет к смягчению ответственности расхитителей государственного и общественного имущества.

Иногда в судебной практике встречаются и обратного рода ошибки, когда некоторые случаи злоупотребления должностным лицом своим служебным положением неосновательно квалифицируются по указу 4 июня 1947 г. Это имеет место, например, в тех случаях, когда должностное лицо использует свое служебное положение для получения материальных выгод за счет отдельных граждан, а не за счет государственного или общественного имущества, или тогда, когда должностное лицо незаконно распоряжается государственным имуществом в ложно понятых государственных интересах.

Следует рассматривать как хищение государственного или общественного имущества не только те случаи, когда должностное лицо обращает государственное или общественное имущество в свою пользу, но и те случаи, когда оно распоряжается им как своим и незаконно передает его в собственность других лиц.

Это особенно нужно иметь в виду в борьбе с разнообразными формами расхищения колхозного добра, наносящего большой вред делу укрепления и дальнейшего развития общественного хозяйства колхозов и ущемляющего интересы отдельных колхозников. Должностные лица колхозов, отпускающие бесплатно или за бесценок своим «друзьям и знакомым» продукты, скот и другое колхозное имущество, должны рассматриваться как враги колхозного строя, занимающиеся расхищением колхозного имущества. В некоторых областях продолжают иметь место факты растаскивания и разбазаривания общественного добра в колхозах, хищения колхозного имущества. Судебные и прокурорские органы обязаны уделить особое внимание охране колхозного имущества и усилить борьбу с его расхищением.

Борьба за ликвидацию хищений государственного и общественного имущества требует неуклонного привлечения к уголовной ответственности всех участников хищения, а также привлечения по соответствующим статьям Уголовного кодекса должностных лиц, которые в силу своего халатного отношения к охране социалистической собственности

или учету государственного или общественного имущества создают благоприятные условия для хищения этого имущества.

Помогать органам Советской власти в борьбе с хищениями государственного и общественного имущества является моральной обязанностью всех советских граждан. При определенных условиях, указанных в ст. 5 указа 4 июня 1947 г., эта обязанность становится правовой, и нарушение ее влечет за собой уголовную ответственность. По делам о хищениях государственного и общественного имущества некоторые прокуроры и судьи обращают недостаточно внимания на требование указа 4 июня 1947 г. о привлечении к ответственности недоносителей о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества (в крупных размерах, организованной группой или повторном).

Осуществление социалистического правосудия по делам о хищении государственного или общественного имущества имеет своей задачей не только покарать преступника, но и оказать воспитательное воздействие на окружающих, содействовать искоренению пережитков капиталистического прошлого в сознании отсталых людей и создать атмосферу морального бойкота и нетерпимости вокруг воров и расхитителей народного добра. Этому служит, в частности, и установление в указе от 4 июня 1947 г. уголовной ответственности за недонесение о хищениях государственного и общественного имущества. Товарищ Сталин указывал на необходимость для успешной борьбы с хищениями государственного и общественного имущества «...создать такую моральную атмосферу среди рабочих и крестьян, которая исключала бы возможность воровства, которая делала бы невозможными жизнь и существование воров и расхитителей народного добра...» (Соч., т. 8, стр. 136—137).

Советский народ под руководством великой партии Ленина—Сталина в послевоенные годы успешно выполнил план восстановления и развития народного хозяйства. Советский народ уверенно идет по пути к коммунизму. На основе нового подъема всего народного хозяйства неуклонно повышается материальный и культурный уровень трудящихся нашей страны. Новые гигантские стройки коммунизма поведут к огромному росту национального дохода СССР и значительному подъему жизненного уровня всех трудящихся.

Рост социалистической собственности является решающим условием движения всей страны по пути к коммунизму. Решительная борьба со всякими посягательствами на социалистическую собственность поэтому является долгом всех советских людей. Охрана социалистической собственности, борьба за искоренение хищений государственного и общественного имущества есть борьба за коммунизм, против капитализма. Ответственные политические задачи в этой борьбе выполняют советский суд и прокуратура. Указ 4 июня 1947 г. выражает волю всего советского народа решительно бороться с хищениями государственного и общественного имущества. Неуклонным применением указа 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» судебные и прокурорские работники выполняют свой долг перед советским народом, не жалеющим сил и труда для приумножения социалистической собственности — экономической основы советского строя, источника богатства и могущества нашей великой Родины.

ЗА ОПЕРАТИВНЫЕ ТЕМПЫ СЛЕДСТВЕННОЙ РАБОТЫ

Г. Александров

Быстрое, оперативное, целеустремленное расследование является решающим условием успешного раскрытия преступления и изобличения виновных в его совершении. Всякая затяжка следствия влечет недопустимый разрыв между моментом совершения преступления и моментом наказания виновного. В этих случаях в значительной мере теряется воспитательное значение наказания и не обеспечивается создание атмосферы нетерпимости к преступникам. Несвоевременное и медленное расследование приводит к тому, что в дальнейшем затруднено раскрытие преступления, выявление всех его участников; следственные органы нередко оказываются лишенными возможности обнаружить следы преступления, вещественные доказательства, а иногда и лиц, совершивших преступление, возместить ущерб, причиненный преступлением, найти похищенное.

Таким образом медлительность и неоперативность в расследовании являются серьезным и нетерпимым недостатком в следственной работе. Этот недостаток объясняется прежде всего безответственностью отдельных прокурорско-следственных работников, допускающих в расследовании необоснованную медлительность и волокиту, неорганизованность самой следственной работы, а также недостаточной требовательностью к подчиненным со стороны прокуроров, осуществляющих надзор за расследованием.

Следственному аппарату органов прокуратуры предъявляются серьезные требования. Не может быть терпимо такое положение, когда следствие в ряде случаев ведется в течение недопустимо длительных сроков. Работа следственного аппарата должна быть построена на таком организационном уровне, который обеспечивал бы быстроту и оперативность в расследовании преступлений.

В результате непрерывного роста материального благосостояния и культурного уровня трудящихся число преступлений в нашей стране резко сократилось и продолжает закономерно из года в год сокращаться. Резкое снижение числа преступлений в нашей стране, естественно, привело к сокращению количества уголовных дел, расследование по которым ведут следователи. Это создает условия резкого улучшения качества следствия. Кроме того, следственный аппарат серьезно пополнился молодыми специалистами, организованы государственные криминалистическая и бухгалтерская экспертизы, существенную помощь следователям оказывает Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики Прокуратуры СССР.

Таким образом имеются все необходимые условия для обеспечения быстрых, оперативных темпов расследования преступлений. И эта задача должна быть решена самими следователями, которым правительство и партия доверили эту важную и ответственную работу.

Каждому следователю, прежде всего, необходимо преодолеть в своем сознании терпимое отношение к медлительности и волоките в расследовании и понять, что следственная работа не может быть признана полноценной, если расследование затягивается на необоснованно длительные сроки. Нужно ликвидировать такую практику, когда многие следо-

ватели раньше всего заканчивают менее сложные дела, которые при всех условиях могут быть закончены в срок до одного месяца, и откладывают на длительный срок расследование по более сложным делам, главным образом, делам о хищениях государственного и общественного имущества. Подобная порочная практика преследует лишь цель создать видимость благополучия в следственной работе и приносит вред проведению успешной борьбы с наиболее опасными преступлениями. В результате такой порочной практики происходят накопление остатков сложных уголовных дел и необоснованная затяжка их расследования. Во многих случаях следователи, вместо того чтобы закончить следствие быстро и оперативно, выжидают приближения установленного срока следствия, а затем поспешно приступают к следственным действиям. Однако в ходе следствия неизбежно могут возникнуть различного рода случайности, и нередко, вследствие такой неправильной организации следственной работы, сроки нарушаются и допускается волокита в расследовании.

Для того, чтобы устранить эти недостатки, следователю необходимо организовать работу таким образом, чтобы он в первую очередь обеспечивал окончание наиболее сложных дел. Именно поэтому работа следователя должна строго планироваться. Разумеется, план не является самоцелью и нет необходимости составлять письменный план расследования по делу, по которому следователь ограничивается производством нескольких несложных следственных действий. Однако нетерпимым является положение, когда следователь вовсе не планирует свою работу, пускает ее на самотек. Планируя свою работу, следователь может заранее определить, когда и какие именно дела должны быть им закончены. Поэтому для правильной организации работы следователя крайне важно планирование.

Наряду с планированием расследования по отдельным делам, следователь должен составить общий план своей работы, и в нем предусмотреть очередность и сроки окончания имеющихся в его производстве дел. Такой план должен быть составлен в самом начале месяца, и его основу составят дела, находящиеся в остатке на первое число, с тем, чтобы все дела, поступающие в дальнейшем в течение месяца, также включались в этот план. Разумеется, планирование должно прежде всего обеспечить окончание в установленные сроки следствия по наиболее сложным делам. Окончание менее сложных дел может быть запланировано не в строгие календарные сроки, а в определенные периоды, например в течение десяти-пятнадцати дней.

Ведя расследование по сложному делу, следователь имеет возможность в свободные промежутки времени произвести необходимые следственные действия по менее сложным делам и обеспечить их своевременное окончание.

Планирование должно стать непреложным законом следственной работы, и обязанностью районных прокуроров и следственных отделов является неуклонное внедрение плана в работу следователя и повседневный контроль над выполнением этих планов.

Как показывает опыт работы отдельных районных прокуроров, планирование следственной работы является в то же время наиболее эффективным средством контроля над сроками расследования. Прокурор Кагановичского района г. Свердловска т. Ощепков осуществляет контроль над работой подчиненных ему следователей по имеющемуся у него сводному плану, в который включены все дела, находящиеся в производстве следователей района, и по каждому из них устанавливает срок окончания. Такой способ контроля представляет несомненные удобства,

Планирование работы следователя не является самоцелью, а служит средством обеспечения четкой организации работы следователя и его личной дисциплины. Разумеется, план сам по себе далеко еще не определяет качества работы следователя, и этой стороне дела должно быть уделено особое внимание. Нельзя допускать такого положения, чтобы поспешное расследование влекло поверхностное, неглубокое выяснение всех обстоятельств дела.

Поэтому сочетание быстрого и оперативного расследования с умелым разоблачением преступников является основой основ следственной работы.

Во многих случаях медлительность и затяжка в расследовании вызываются неоперативностью следователя, неуменьем быстро и четко организовать проведение отдельных следственных действий. Это прежде всего касается организации и проведения экспертиз, особенно часто применяющихся по делам о хищении государственного и общественного имущества. Некоторые следователи путают роли ревизии и бухгалтерской экспертизы. В результате в стадии следствия назначаются ревизии финансово-хозяйственной деятельности отдельных предприятий и организаций, иногда за длительный период времени, что неизбежно влечет затяжку следствия. Между тем назначение ревизий в процессе следствия может иметь место лишь в исключительных случаях, главным образом с целью ревизионной проверки отдельных хозяйственных операций, а не в целях ревизии всей финансовой и хозяйственной деятельности того или иного предприятия или организации. В случае возникновения необходимости в производстве подобных ревизий они должны назначаться прокурором, а задачей следователя является расследование конкретных фактов преступной деятельности.

Нередко следователи направляют на графическую экспертизу неправильно подготовленные материалы, что в свою очередь влечет задержку производства экспертиз. В этом деле должен быть наведен строгий порядок, а районные прокуроры и следственные отделы обязаны обеспечить контроль над организацией и проведением экспертиз.

Особое значение для повышения качества следствия имеет участковая система организации работы следователя. К сожалению, еще до сих пор отдельные прокурорско-следственные работники не поняли значения этого организационного мероприятия и осуществляют участковую систему во многих случаях формально. Между тем участковая система призвана поднять авторитет следователя, повысить его ответственность, сделать его работу более содержательной и целенаправленной. Задача районных прокуроров и следственных отделов состоит в том, чтобы по-настоящему обеспечить внедрение в следственную практику участковой системы и тем самым поднять уровень работы следователей.

Районный прокурор играет решающую роль в обеспечении правильной организации работы подчиненных ему следователей, в повышении уровня следственной работы, в обеспечении быстрого, оперативного расследования преступлений. Многие прокуроры выполняют эти задачи успешно, но есть немало районных прокуроров, которые слабо занимаются следственной работой, не организуют ее и не контролируют работу следователей. В результате у этих прокуроров положение со следственной работой из рук вон плохо, сроки следствия грубо нарушаются.

Выполнение задач, стоящих перед следственным аппаратом, невозможно без активного и повседневного участия районных прокуроров, в первую очередь отвечающих за состояние следственной работы. Существенную роль районный прокурор должен играть в организации портфеля следователя. Он обязан обеспечить выполнение закона о под-

следственности, своевременное изъятие и передачу следователям подследственных им дел. В то же время при недостаточной загрузке следователей прокурор должен изымать из органов милиции и другие дела, хотя бы и неподследственные следователям, и передавать им эти дела для более квалифицированного расследования. Районный прокурор обязан обеспечить своевременную проверку поступающих материалов и сообщений о совершенных преступлениях, чтобы до возбуждения уголовного дела и передачи его следователю были подготовлены все необходимые материалы. Нужно иметь в виду, что задержка проверки первичных материалов и решения вопроса о возбуждении уголовного дела всегда отрицательно отразится на качестве следствия. Районный прокурор должен обеспечить точное соблюдение следователями установленных сроков следствия и нести за это личную ответственность.

Подавляющее большинство прокурорско-следственных работников правильно понимает стоящие перед ними задачи по обеспечению высоких темпов следственной работы. Однако есть еще отдельные работники, которые считают, что поставленные перед ними задачи носят временный характер. Такое понимание вредно как для самой следственной работы, так и для этих работников. Речь идет о том, чтобы обеспечить такую организацию следственной работы, которая обеспечила бы быстрое, оперативное расследование преступлений в точно установленные сроки. Это требование должно быть воспринято как непреложный закон, определяющий дальнейшее содержание и стиль следственной работы. Медлительность, неоперативность в расследовании, а тем более волокита должны быть полностью и безоговорочно искоренены из следственной практики, чтобы, устранив эти серьезные недостатки, следственный аппарат органов прокуратуры приобрел возможность успешного проведения борьбы с преступлениями.

Во всем этом деле значительная роль должна быть отведена следственным отделам краевых и областных прокуратур, являющимся организаторами следственной работы. В следственных отделах должен быть организован такой контроль над положением дел в районных прокуратурах, который способствовал бы обеспечению необходимых темпов следственной работы, предупреждал бы волокиту в расследовании преступлений.

Все прокурорско-следственные работники должны обеспечить оперативные темпы следственной работы.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УКРЫВАТЕЛЕЙ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ[1]

Член суда ***В. Василец***

В журнале «Социалистическая законность» № 11 за 1950 год была опубликована статья т. Невельского «Ответственность за укрывательство по делам о хищениях социалистической собственности». Под таким же заголовком была опубликована в журнале «Социалистическая законность» № 5 за 1951 год и статья т. Павлиашвили. Вопросы, поднятые тт. Невельским и Павлиашвили, заслуживают внимания особенно для практических работников суда и прокуратуры.

Как известно, указы от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» изданы не только с целью установления единства уголовного законодательства за хищения социалистической собственности и личного имущества граждан, но и с целью усиления борьбы с этими преступлениями, искоренения их в социалистическом обществе, создавшем все условия для зажиточной и культурной жизни каждого гражданина.

«Допускать воровство и хищение общественной собственности, — учит товарищ Сталин, — все равно, идет ли дело о собственности государственной или о собственности кооперативной и колхозной, — и проходить мимо подобных контрреволюционных безобразий, — значит содействовать подрыву советского строя, опирающегося на общественную собственность, как на свою базу».

Из этого указания товарища Сталина и следует исходить при теоретическом обосновании уголовной ответственности расхитителей и их пособников, при квалификации и назначении наказания. Поэтому нам кажется странным стремление некоторых лиц цепляться за старые положения, которые в настоящее время должны считаться утратившими силу в связи с изменившейся обстановкой и изданием ряда других законодательных актов.

В связи с изданием указов от 4 июня 1947 г. появился ряд новых понятий, которые не были известны до их издания, как, например, понятие повторности, воровской шайки и т. д. И судебная практика восполнила и восполняет ряд вопросов.

Все это вместе взятое заставляет прийти к тому выводу, что расхождение в понятии укрывательства по уголовному законодательству РСФСР, с одной стороны, Украинской ССР и Грузинской ССР, с другой стороны, должно быть устранено прокуратурой и судами этих республик.

Согласно ст. 20 УК Украинской ССР «пособниками считаются лица, содействовавшие выполнению преступления советами, указаниями, устранением препятствий и иными способами, а также сокрытию преступника или следов преступления». Как видно из этой статьи, она непосредственно относит к пособникам (соучастникам) и лиц, которые содействовали сокрытию преступника или следов преступления.

---

[1] Печатается в порядке обсуждения. Редакция.

Указание ст. 19, ч. 2, УК Украинской ССР на то, что «укрывательство преступника или следов преступления, не являющееся содействием выполнению преступления, влечет за собою применение наказания только в случаях, специально указанных в кодексе», а равно указание ст. 72 УК Украинской ССР на то, что укрывательство, заранее необещанное, наказуемо только в случаях, если исполнителю за такое преступление может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок не ниже шести месяцев, должны быть признаны утратившими силу при квалификации преступлений, предусмотренных указами от 4 июня 1947 г. Если некоторые из судов и до сих пор продолжают квалифицировать укрывательство, заранее не обещанное, по ст. 72 УК РСФСР или как недоносительство, то они допускают серьезную ошибку, которая вытекает из недопонимания значения указов от 4 июня 1947 г.

Поэтому нельзя согласиться с т. Невельским, который, вместо того чтобы показать порочность и недопустимость такой квалификации, предлагает повысить лишь санкцию по ст. 72 УК РСФСР, устанавливающую уголовную ответственность за заранее необещанное укрывательство. Это, конечно, не выход из положения.

Мы считаем, что ст. 72 УК РСФСР не применима, если идет речь об уголовной ответственности за укрывательство преступлений, предусмотренных указами от 4 июня 1947 г. Очевидно, что Верховный суд СССР последовательно проводит ту точку зрения, что заранее необещанное укрывательство по признакам, которые предусмотрены указами от 4 июня 1947 г., является видом пособничества, т. е. соучастием, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

На каком же основании понадобилось т. Невельскому пользоваться ст. 72 УК Украинской ССР применительно к указам от 4 июня 1947 г.?

Тов. Павлиашвили в своей статье, как и т. Невельский, сетует на то, что в вопросе применения указов от 4 июня 1947 г. существуют расхождения в понятиях укрывательства по законодательству РСФСР и Грузинской ССР. Согласно ст. 17 УК Грузинской ССР укрыватель считается пособником в том случае, если он содействует выполнению преступления сокрытием преступника или следов преступления. Следовательно, и ст. 17 УК Грузинской ССР, как и ст. 20 УК Украинской ССР и ст. 17 УК РСФСР, относят укрывательство к пособничеству.

Указание ст. 80 Грузинской ССР, предусматривающей наказание за укрывательство, которое заранее не было обещано, не применимо в связи с изданием указов от 4 июня 1947 г. Заранее необещанное укрывательство должно квалифицироваться по ст. 17 УК и в Грузинской ССР. Этот вывод вытекает из самого текста указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», где прямо говорится, что он издан «в целях установления единства законодательства об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества и усиления борьбы с этими преступлениями».

Мы хотим остановиться на вопросе об уголовной ответственности за укрывательство применительно к указам от 4 июня 1947 г. По законодательству РСФСР «меры социальной защиты судебно-исправительного характера подлежат применению одинаково как в отношении лиц, совершивших преступление, — исполнителей, так и их соучастников подстрекателей и пособников. Подстрекателями считаются лица, склонившие к совершению преступления. Пособниками считаются лица, содействующие выполнению преступления советами, указаниями, предоставлением средств и устранением препятствий или же сокрытию преступника или следов преступления.

На точном основании ст. 17 УК РСФСР укрывательство должно рассматриваться как пособничество независимо от того, было ли это укрывательство обещано заранее, до совершения преступления, или оказано уже после совершения преступления лицом, которое заранее о преступлении не знало (УК РСФСР, комментарий, М., 1946, стр. 24).

Правда, ст. 18 УК указывает на то, что суд при определении меры наказания для каждого из соучастников обязан учесть степень их участия в данном преступлении, степень опасности этого преступления и участвовавшего в нем лица.

Однако такое понятие соучастников и степени их ответственности не проводит все же четкой грани между пособником (соучастником), вступившим в преступную связь с исполнителем заранее, т. е. по предварительному сговору до совершения преступления, и с пособником (соучастником), вступившим в преступную связь с исполнителем после совершения преступления, т. е. без предварительного сговора.

Указания ст. 18 УК, конечно, не могут устранить этих противоречий. Несомненно одно, что по действующему уголовному законодательству РСФСР пособник (соучастник) отвечает по той же статье, что и исполнитель преступления, со ссылкой лишь на ст. 17 УК. Но, как известно, социальная опасность лица, вступившего в преступную связь с исполнителем преступления заранее, т. е. по предварительному сговору, гораздо бóльшая, чем опасность лица, вступившего в преступную связь с исполнителем после совершения преступления, т. е. без предварительного сговора.

Несмотря на эту разницу, квалификация преступления остается без изменения, и суд вправе назначить, по точному смыслу закона, таким соучастникам одинаковое наказание, что, конечно, является неправильным. Поэтому это противоречие не может быть устранено и указаниями ст. 18 УК РСФСР.

Если ко всему этому добавить, что указы от 4 июня 1947 г. вводят повышенное наказание при наличии квалифицирующих признаков (крупный размер похищенного, повторность, совершение хищения организованной группой (шайкой), с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой смертью или тяжелым телесным повреждением), то станет очевидным несоответствие наказания вине.

Следовательно, согласно ст. 17 УК РСФСР нет разницы между укрывательством заранее обещанным, т. е. по предварительному сговору, и заранее необещанным, т. е. без предварительного сговора. На практике можно встретить немало примеров, когда суды, руководствуясь ст. 17 УК РСФСР, не видят принципиальной разницы между укрывателем (пособником), вступившим в преступную связь с исполнителем преступления по предварительному сговору (заранее обещанное укрывательство), и укрывателем, вступившим в преступную связь с исполнителем без предварительного сговора. Не видя этой принципиальной разницы, суды назначают нередко заниженное наказание укрывателю, вступившему в преступную связь с исполнителем преступления по предварительному сговору. Этой разницы, между прочим, не видит и т. Павлиашвили. Он, например, в своей статье прямо указывает: «Обычно, когда преступление совершает в сообществе несколько лиц, роли между соучастниками — исполнителями и укрывателями — распределяются заранее и при этом согласие укрывателей оказывать содействие членам преступного сообщества, часто молчаливое, не фиксируется в виде какого-либо акта или обещания, данного в присутствии свидетелей. Определить хронологически и документально, было ли укрывательство заранее обещано или нет, представляется невозможным. Поэтому теорети-

ческое определение заранее обещанного или заранее необещанного укрывательства, как не оправданное жизнью, практикой, превращается в нереальную, абстрактно-схоластическую форму, сбивающую с толку практических работников» («Социалистическая законность» 1951 г. № 5, стр. 31).

Такое утверждение на деле было бы упрощенчеством, недопустимым по советскому уголовному праву. Задача следствия и суда должна сводиться не к тому, чтобы в целях экономии времени и труда заниматься упрощенчеством, а, наоборот, во всяком деле установить материальную истину, установить каждое виновное лицо и степень его виновности и на основе всех данных в совокупности решить вопрос об уголовной ответственности каждого виновного и о размере наказания каждому виновному за содеянное. На это обстоятельство указал Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре», где прямо сказано, что «в случае признания подсудимого виновным приговор должен содержать конкретные указания, какие именно преступные деяния совершил подсудимый, время, место и способ совершения преступления, а также все иные обстоятельства, имеющие отношение к совершению преступления».

Следовательно, нельзя смешивать укрывательство, заранее обещанное, с укрывательством, заранее необещанным. Смешение этих понятий приведет к неправильной квалификации, а отсюда и к неправильному назначению наказания виновным.

По точному смыслу ст. 17 УК РСФСР заранее необещанное укрывательство должно рассматриваться как пособничество со всеми вытекающими отсюда последствиями. Укрывательство — деятельность умышленная и выражается в активном содействии совершению преступления или его сокрытию. Лицо, виновное в укрывательстве, должно нести уголовную ответственность по статье, по которой привлекается исполнитель преступления, со ссылкой на ст. 17 УК РСФСР.

По смыслу ст. 17 УК РСФСР укрыватель, вступивший в преступную связь с исполнителем заранее, т. е. до совершения преступления, по предварительному сговору, также обязан отвечать по статье, что и исполнитель, со ссылкой на ст. 17 УК. Как правило, на практике подобные действия такого укрывателя так и квалифицируются.

Такую квалификацию, на мой взгляд, нельзя признать правильной. Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 18 марта 1948 г. «О применении указов от 4 июня 1947 г.» «под организованной группой или шайкой следует понимать группу из двух или более лиц, предварительно сорганизовавшихся для совершения одного или нескольких хищений». По точному смыслу этого указания следует прийти к выводу, что к участникам шайки должны быть отнесены не только исполнители преступления, но и те, которые предварительно сорганизовались для совершения преступления, хотя непосредственно и не принимали участия в хищении.

Проф. Меньшагин правильно указывает, что «при краже, совершенной воровской шайкой, участники этой шайки могут при похищении выполнять и различные роли. Так, например, Птицын, Сажин и Грачев, договорившись между собой о совершении кражи, распределяют между собой роли: Птицын добывает орудия взлома запертой квартиры, из которой совершается похищение имущества, Сажин обещает скрыть похищенное имущество и выполняет свое обещание; непосредственное же похищение из квартиры совершается Грачевым. И в этом приведенном случае налицо будет кража, совершенная воровской шайкой (организованной группой), поскольку участники кражи имеют между собой пред-

варительную договоренность на совершение кражи, организуются между собой для совершения кражи» (В. Меньшагин, Усиление охраны личной собственности граждан, М., 1948 г., стр. 37).

Поэтому независимо от того, какую роль выполняет тот или иной участник предварительно соорганизовавшейся группы на хищение, действия всех квалифицируются как хищение, совершенное группой. Характерным для воровской шайки является то, что между всеми участниками существует предварительный сговор. Правильность такой квалификации вытекает непосредственно из постановления Пленума Верховного суда СССР от 18 марта 1948 г.

Для подтверждения такой квалификации можно привести и определение Верховного суда СССР от 16 апреля 1949 г. по делу Красовской и Петина. Верховный суд в этом определении указал, что «злоупотребление служебным положением, выразившееся в сокрытии растраты, совершенной другим должностным лицом, должно рассматриваться как соучастие в хищении; в тех случаях, когда такие действия совершены по предварительному сговору с растратчиком, действия обоих должны квалифицироваться как хищение, совершенное организованной группой». По данному делу было установлено, что Красовская, работая заведующей магазином, растратила 15 633 руб. Петин, работая главным бухгалтером, вступив в преступную связь с Красовской до совершения хищения, скрыл растрату Красовской путем исправления документов, зачислив 15 633 руб., как якобы сданные в банк Красовской. По делу не установлено, что Петин расхищал деньги. Он скрыл лишь, что было растрачено Красовской. Однако, поскольку между Красовской и Петиным существовало предварительное соглашение на хищение и сокрытие таким способом следов преступления, Верховный суд признал в действиях виновных наличие организованной группы («Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 8, стр. 16—17).

Следовательно, если органами расследования или судом будет установлено, что между участниками хищения была предварительная договоренность, то независимо от выполняемой роли каждым из них в отдельности действия всех следует квалифицировать как хищение, совершенное организованной группой (шайкой).

Приведем такой пример. Иванов, Петров, Сидоров и Климов, предварительно договорившись, решили совершить ограбление Громова. Было условлено, что Иванов будет один выполнять задуманное преступление, а остальные участия в ограблении принимать не будут, а обязаны выполнять иные роли: Петров — установить, когда будет потерпевший уходить со службы: Сидоров — сторожить на перекрестке дорог; Климов — скрыть похищенное и прятать его. Вечером Иванов, напав на Громова, путем насилия завладел деньгами потерпевшего и его личными вещами. Климов скрыл награбленное, а затем продал его на рынке. Деньги преступники разделили между всеми участниками. Однако преступление было раскрыто. Преступники были привлечены к уголовной ответственности; встал вопрос о квалификации. Было установлено, что завладел имуществом Громова один Иванов. Другие же преступники участия в ограблении не принимали, а выполняли иные роли. Поскольку в отношении потерпевшего было применено насилие, не опасное для жизни и здоровья Громова, казалось бы, следовало квалифицировать действия Иванова по ст. 2, ч. 1, указа «Об усилении охраны личной собственности граждан», ибо он являлся исполнителем, а действия Петрова, Сидорова и Климова по этой же статье, но с применением ст. 17 УК РСФСР. Но такая квалификация была бы неправильной, так как

в данном случае налицо разбой, совершенный шайкой, хотя роли, выполняемые каждым из участников, были различными.

Вот почему укрывательство, заранее обещанное, т. е. по предварительному сговору, должно квалифицироваться применительно к указам от 4 июня 1947 г., как совершенное в составе шайки.

В жизни именно так и бывает, что в качестве исполнителя выступает одно лицо, а другие участники, предварительно договорившись между собой, выполняют иные роли.

На практике зачастую допускаются и другого рода ошибки, а именно: укрывательство, заранее не обещанное, т. е. без предварительного сговора, квалифицируется по ст. 17 УК РСФСР и по статье, по которой привлекается исполнитель преступления, независимо от того, знал или не знал о квалифицирующих признаках укрыватель.

Например, Иванов согласился укрыть имущество, похищенное Петровым. Давая согласие, Иванов не знал, что укрываемое им имущество было похищено группой либо что оно является социалистической собственностью, отнято от потерпевшего путем угрозы, убийства и т. д. Так Верховный суд Латвийской ССР осудил Кузьмина по ст. 17 и ст. 59—3 УК РСФСР за то, что он скрыл имущество, награбленное бандой. Кузьмин был признан пособником, хотя о том, что имущество было изъято бандой, ему и не было известно. Только Верховный суд СССР отменил этот явно неправильный приговор («Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 11, стр. 30).

Поэтому в тех случаях, когда укрыватель, вступив в преступную связь с исполнителем после совершения им преступления, не был осведомлен о квалифицирующих обстоятельствах хищения, он обязан нести уголовную ответственность за то, на сокрытие какого имущества у него был направлен умысел. На такую квалификацию указал Верховный суд СССР в определении по делу Вяткиной и Холмогоровой. «Лицо, реализовавшее государственное или общественное имущество, несет ответственность по ст. 17 УК РСФСР и ст. 1, а не по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г., если это лицо, зная, что реализуемое имущество похищено, вместе с тем не было осведомлено, что хищение совершено при квалифицирующих обстоятельствах» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 3, стр. 3).

Итак, по моему мнению, укрывательство похищенного имущества по предварительному сговору с исполнителем преступления должно рассматриваться в отношении укрывателя как хищение, совершенное шайкой без ссылки на ст. 17 УК РСФСР. Укрывательство похищенного имущества без предварительного сговора должно рассматриваться в отношении такого укрывателя как соучастие в хищении и квалифицироваться по ст. 17 УК РСФСР и статье, по которой привлекается исполнитель, если только укрыватель знал о квалифицирующих обстоятельствах данного хищения.

ОГОВОР ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ

Заместитель прокурора Московско-Киевской ж. д. ***А. Рохленко***

Партия и правительство поставили перед органами юстиции задачу — обеспечить действенную неприкосновенность и сохранность социалистической собственности, полную ликвидацию всех видов как открытых, так и завуалированных случаев хищений социалистической собственности, а равно усиление охраны личной собственности граждан, требуют от следственных работников самых усовершенствованных методов расследования по делам, в частности, наибольшего применения на практике всего лучшего, что дает нам наша советская криминалистика. С другой стороны, на наш взгляд, прошедшие пять лет с издания указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан», более чем достаточный период для того, чтобы на основе обобщения практики по рассмотренным делам сделать ряд теоретических и практических выводов для улучшения качества расследования по делам этой категории, для усиления борьбы с расхитителями социалистической собственности.

В «Социалистической законности» совершенно правильно не раз поднимался вопрос о применении указов от 4 июня 1947 г. В связи с этим освещались вопросы: о составе преступлений, предусмотренных этими указами, о причинной связи, о вине, о соучастии, об ответственности за укрывательство и ряд других вопросов. Вместе с тем опыт применения указов от 4 июня 1947 г. выдвигает необходимость пересмотреть и вопрос об изменении отношения к показаниям сообвиняемых, об отношении к оговору по этой категории дел. Это особенно важно после издания указов от 4 июня 1947 г., так как для искоренения всех видов хищений нужно принятие мер к изобличению и наказанию не только организаторов или исполнителей преступления, но и всех прикосновенных к хищению лиц, в том числе пособников и попустителей, создавших обстановку для расхищения.

Ленин и Сталин поставили нам боевую задачу — искоренить воровство и принять меры к наказанию всех участников хищений. Наряду с той большой повседневной массово-воспитательной работой, которую проводят наши партийные и общественные организации, для выполнения этой задачи мы должны обеспечить строгое выполнение указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Следовательно, одна из основных задач следственных органов есть изобличение всех участников хищения и передача их в руки советского правосудия.

Учитывая особую опасность групповых хищений, ст.ст. 2, 4 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» устанавливают повышенную ответственность за групповые хищения, как и за крупные хищения. Эту же повышенную ответственность устанавливают также ст. 1, ч. 2, и ст. 2, ч. 2, указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Для изобличения всех участников преступной группы расхитителей следователи используют все виды доказательств: показания свидетелей, документы, вещественные доказательства, заключения экспертизы и др.

Не менее важное значение для изобличения всех участников преступных групп имеют показания обвиняемых, дающие наряду с иными объективными доказательствами по делу более полную картину преступления.

Поэтому умелый допрос обвиняемого, получение от него путем объективного расследования откровенных показаний о преступной деятельности как его самого, так и других лиц являются наиболее тяжелой, но очень важной задачей следователя. Следователь при этом всегда должен помнить, что по такому делу, где обвинение построено лишь на голых показаниях обвиняемого, не подкрепленных иными объективными доказательствами, обвинение это может всегда быть поколеблено, особенно при изменении обвиняемыми своих прежних показаний. Поэтому только показания обвиняемого, тщательно проверенные и подкрепленные иными доказательствами (показаниями свидетелей, вещественными доказательствами, экспертизой, и пр.), способы обеспечить изобличение и наказание подлинно виновных.

С учетом всего этого мы не должны пренебрегать важностью признаний самих обвиняемых, которые помогают полнее осветить обстоятельства преступления и изобличить всех участников преступных групп, тем более, что закон (ст. 58 УПК) прямо говорит, что «доказательствами являются показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого».

Не умаляя значения показаний обвиняемых, мы вынуждены признать, что очень нередки факты отказа обвиняемых в суде особенно по делам о преступлениях, предусмотренных указом от 4 июня 1947 г., от прежних своих показаний на предварительном следствии относительно своей и других лиц виновности, вопреки тому, что их прежние показания о виновности полностью были проверены и подтверждены иными объективными доказательствами по делу. Отдельные же суды часто без должной оценки причин отказа обвиняемого от прежних показаний, без оценки иных объективных доказательств по делу признают прежние показания обвиняемых за самооговор или оговор других лиц, не признают их полноценными доказательствами и нередко выносят необоснованные оправдательные приговоры.

Чем объяснить, что именно по делам о преступлениях, предусмотренных указами от 4 июня 1947 г., мы чаще встречаемся с неосновательным отказом обвиняемых в суде от прежних своих показаний на предварительном следствии? Этот вопрос, надо полагать, задает себе ряд практических следственных работников.

Нам кажется, что подобный отказ обвиняемых от прежних показаний в основном объясняется тем, что по делам, предусмотренным указами от 4 июня 1947 г., в отличие от других преступлений обвиняемые не только не заинтересованы в оговоре других лиц, а, наоборот, даже после собственного признания они принимают меры к укрывательству своих сообщников с расчетом, что если ему самому, обвиняемому, не удастся полностью уйти от ответственности за преступление, то во всяком случае, скрывая своих соучастников, он сумеет смягчить свою вину путем доказательств, на худой конец, своей виновности лишь по ст. 1 указа (а не по ст. 2 за групповое хищение).

На положение с оговором обвиняемых по делам, предусмотренным указом от 4 июня 1947 г., во-время не реагировали теоретические

БИБЛИОТЕКА

и практические правовые работники, поэтому для некоторых из них и явился неожиданностью ряд неосновательных отказов обвиняемых от прежних показаний, от оговоров, а обычные трактовка и оценка оговора обвиняемых по этой категории дел, без учета возможного изменения положения обвиняемого по этим делам, иногда помогали обвиняемым путем неосновательного отказа от прежнего признания и от прежних оговоров укрыть соучастников, избежать полной меры ответственности за свое преступление или смягчить свою вину и уйти от ответственности за групповое хищение путем ложного утверждения, что преступление совершил он один, т. е., что он виновен лишь по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г., а не по ст. 2 этого указа за групповое хищение.

Чтобы показать, сколь резко изменилось качество оговоров обвиняемых по делам, квалифицируемым по указам от 4 июня 1947 г., в отличие от других дел и насколько требуется изменить отношение к оговору обвиняемых по делам о хищениях, полезно осветить природу и источник оговора по делам иных категорий и сопоставить с оговором по делам о хищениях. Подобное сопоставление ясно показывает, что по делам о хищениях у обвиняемых не только, как правило, отсутствует корыстный мотив для оговора других обвиняемых, что такой оговор не только не облегчает положения обвиняемого, который дает показание о преступной деятельности других обвиняемых, но, наоборот, ухудшает его положение. Чтобы подтвердить, что это именно так, а не иначе, проследим существующее до сих пор отношение к оговору, т. е. к показаниям обвиняемых относительно виновности сообвиняемых.

Оговором процессуальная теория называет «утверждение одного из обвиняемых, что данное преступление совершил или в нем принимал участие другой обвиняемый» (проф. Чельцов, Уголовный процесс, стр. 321). При оговоре до сих пор всегда предполагали, что, выступая как бы свидетелем в отношении действий других лиц, подсудимый обязательно заинтересован в исходе дела.

В отношении оговора Верховный суд СССР в своих определениях неоднократно указывал, что если в деле нет иных доказательств совершения преступления данным лицом (кроме оговора сообвиняемого), такое доказательство не может считаться достаточным для обвинительного приговора, однако при этих обстоятельствах нельзя забывать, что Верховный суд СССР подчеркивает необходимость учитывать все обстоятельства дела, и, если они подтверждают сущность оговора, придавать ему значение доказательства.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Шарновой и других, осужденных по ч. 3, ст. 140 УК РСФСР, указано, что прекращение дела во второй инстанции по мотиву отказа обвиняемой от сделанного ею в первом показании оговора сообвиняемой неправильно, так как в деле имеется ряд других доказательств, устанавливающих правильность оговора и виновность осужденной в совершении аборта.

По ряду других дел Верховный суд СССР указал, что: «Суд должен особенно критически относиться к показаниям одного подсудимого против другого, направленным к устранению или смягчению собственной вины», что «недопустимо некритическое отношение к оговору одним подсудимым другого», что «показания сообвиняемого, заинтересованного в исходе дела, находящиеся в противоречии с другими доказательствами по делу, не могут быть положены в основу приговора». (Сборник постановлений и определений Пленума Верховного суда СССР 1938—1939 гг., стр. 62—63, 113, 114, по делам Караулова, Мишина, Лукьянова и др., см. также проф. Чельцов, Уголовный процесс, стр. 511).

Таким образом, Пленум Верховного суда СССР указывает, что суд должен особенно критически относиться к показаниям одного подсудимого против другого, направленным к устранению или смягчению собственной вины.

Как ни разнообразны мотивы, которые могут побудить одного обвиняемого оговаривать другого, все эти мотивы сводятся все-таки к желанию обвиняемого своим оговором устранить или смягчить собственную вину, и именно в этих случаях вполне правильно Верховный суд СССР предложил критически относиться к подобному оговору. До издания указов от 4 июня 1947 г., пока факт участия в групповом хищении не считался квалифицирующим обстоятельством и групповое хищение не влекло за собой более строгого наказания по большинству дел, обвиняемый путем оговора действительно иногда старался смягчить свою вину, либо отводя себе второстепенную роль, либо показывая, что похищенное распределялось между другими участниками, а этим снижалась доля похищенного самим обвиняемым, и это тоже прежде могло повлиять на меру наказания в смысле ее смягчения. Все это было правильно по преступлениям, не предусмотренным указами от 4 июня 1947 г.

А что касается дел о преступлениях, предусмотренных указами от 4 июня 1947 г., которые признают самый факт участия в групповых преступлениях отягчающим обстоятельством, то для обвиняемых пропал всякий смысл для оговора других лиц. Именно на это и обращал внимание Верховный суд СССР, ориентируя на критическое отношение к оговору. Сами обвиняемые по признакам указов 4 июня 1947 г. понимают изменившуюся роль оговора по этим делам по сравнению с другими.

Вот пример. За хищение кожи из вагона во время выгрузки на ст. Фаянсово в апреле 1950 года были привлечены к ответственности грузчики Гришин и Шильников, которые на предварительном следствии признались в хищении и показали, где они спрятали похищенные кожи. В судебном заседании линейного суда обвиняемый Гришин отказался от прежних показаний, заявив, что он купил кожи на рынке в Москве. Обвиняемый Шильников и на суде подтвердил факт совместного с Гришиным хищения кожи. На вопрос председательствующего, не оговаривает ли он Гришина, Шильников ответил: «Гришин дает сейчас суду неправдивые показания, что он со мной не крал кожи. Мне выгодно подтвердить, что я кожу крал один, я понимаю, что в таком случае у меня получится преступление по ст. 1 указа, так как отпадает группа, но я и прежде на следствии и сейчас даю откровенные показания, что действительно со мной кожу крал и Гришин, как он и признавал у следователя». Отказ Гришина от своих прежних показаний был явно неосновательным. Выдуманная им версия о том, что он купил кожу в Москве, была в суде опровергнута, Гришин и Шильников были судом осуждены по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г.

Признание Шильниковым в суде того обстоятельства, что ему невыгодно оговаривать Гришина, является очень характерным с точки зрения оценки оговора по данному делу. Практика показала, что очень часто, стараясь избежать ответственности по ст. 2 указа, обвиняемые сговариваются либо вообще не давать показаний о своей виновности, либо чтобы один из обвиняемых взял вину на себя, скрыв остальных участников, за что обещают помогать ему после осуждения.

В 1950 году прокуратура Конотопского участка вскрыла групповое хищение товаро-материальных ценностей из орса группой расхитителей при участии заведующего базой орса Пода, заведующего магазином

Швец и при попустительстве начальника орса Зотова. Обвиняемый Швец, арестованный первым, написал записку Зотову: «От всей души прошу, чтобы вы поняли, что не думал я этого, а рассчитывал совсем на другое, ибо было откуда. При сдаче магазина увеличение может быть на сумму 4600 руб. Поговорите с судьей относительно замены статьи... Спасите меня любыми средствами... Хоть изменить статью на малый срок. Одна надежда на вас».

Однако все расхитители были изобличены, и в связи с бесспорными доказательствами их виновности как на предварительном, так и на судебном следствии обвиняемые признали себя виновными. Все они были осуждены по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». По осуждении подсудимые сперва направили окружному суду кассационные жалобы, где они также подтвердили свою виновность и просили только о смягчении наказания, а потом вслед за этими кассационными жалобами они направили дополнительные жалобы, указывая, что они себя оговорили, и просили отменить приговор. Окружной суд отменил приговор, и дело было передано на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. При доследовании по делу виновность обвиняемых была подтверждена. Относительно отказа от прежних показаний обвиняемый Швец пояснил, что обвиняемый Зотов уговорил остальных отказаться от прежних показаний, убедив их в том, что в случае отказа их осудят или за недостачу по ст. 111 УК или, в худшем случае, если один возьмет всю вину на себя, по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г.

Сговор не давать показаний установлен также по делу группы расхитителей ценностей на одном заводе. По этому делу установлена взаимная договоренность обвиняемых Гавриленко, Сухорученко и других не выдавать сообщников, не оговаривать других, чтобы избежать ответственности по ст. 2 указа; во время судебного заседания конвоир перехватил записку одного обвиняемого к другим не выдавать друг друга и отказаться от прежних показаний.

Много и других фактов, подтверждающих, что обвиняемые, пытаясь избежать ответственности за групповые хищения, столковываются не оговаривать один другого или, если оговор уже имел место, отказаться от него под разными предлогами в суде. В случае же бесспорности доказательств сговор касается того, чтобы один из обвиняемых взял вину на себя и этим облегчил бы свою участь, так как его преступление станут квалифицировать по ст. 1 указа, а другие, избежав ответственности, обещают помогать ему после его осуждения.

Нам, практическим работникам, как и ученым-юристам, нельзя проходить мимо всех этих фактов. Весь опыт пятилетнего применения указов от 4 июня 1947 г. настоятельно требует изменения отношения к оговору вообще, к оговору по делам о хищениях.

По этим делам нельзя по старинке трактовать оговор обвиняемых как проявление их желания уйти от ответственности или смягчить свою вину. Практика показывает, что по делам о преступлениях, предусмотренных указом от 4 июня 1947 г., обвиняемые прилагают все усилия, чтобы скрыть соучастников, не останавливаясь для этого даже перед прямой клеветой на органы расследования, лишь бы достичь хотя бы перехода на ст. 1 указа и избежать ответственности по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. за групповое хищение. За последнее время имел место ряд определений Верховного суда СССР, в которых указано, что голословный отказ обвиняемого от прежних показаний, подтверждающихся иными доказательствами по делу, не может служить основанием даже

для обращения дела к доследованию. Например, Рязанским областным судом 9 мая 1950 г. в числе других был осужден Ракитин по ст. 59-3 УК РСФСР и по ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Определением Верховного суда РСФСР от 12 июня 1950 г. приговор в отношении Ракитина был отменен и дело о нем направлено на доследование по мотивам, что «осужденные Сорокин и Томилин на суде изменили свои показания, данные ими на предварительном следствии, в которых они изобличали Ракитина, и заявили, что Ракитин с ними в совершенных ограблениях участия не принимал... Сам Ракитин снял в судебном заседании самооговор».

Судебная коллегия Верховного суда СССР по протесту Генерального Прокурора СССР отменила определение Верховного суда РСФСР о возвращении дела на доследование и в своем определении указала: «Обвиняемый Ракитин на предварительном следствии, как в органах милиции, так и на допросах в прокуратуре, подробно рассказывал, при каких обстоятельствах были им вместе с Сорокиным и Томилиным совершены ограбления ларьков в Рязани. Такие же показания давали на предварительном следствии осужденные Сорокин и Томилин, которыми уличали друг друга в совершенных грабежах... Голословный отказ Ракитина от своих показаний, данных им на предварительном следствии, опровергается тем, что именно Ракитин в присутствии понятых... показал те палатки и ларьки, в которых ими 7 и 18 февраля 1950 г. были произведены ограбления».

Верховный суд СССР также указал, что самооговор Ракитина исключается еще и тем обстоятельством, что показания об участии в ограблении он давал еще будучи на свободе, и Ракитин в судебном заседании подтвердил, что все показания, данные им на предварительном следствии, записаны с его слов правильно и лично им прочитаны и подписаны, но в этих показаниях он оговорил себя, причем самооговор Ракитин объяснил не воздействием на него со стороны органов следствия в процессе допросов, а только боязнью возможности такого воздействия. Следовательно, утверждение Верховного суда РСФСР о том, что Ракитин на предварительном следствии мог дать показания, уличающие его вследствие нарушения органами расследования ст. 136 УПК РСФСР, является голословным и не находит себе подтверждения в материалах дела». («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 1, стр. 17).

Итак, голословный отказ обвиняемого Ракитина от данных им в отношении себя показаний и голословный отказ его сообвиняемых Сорокина и Томилина от оговора Верховный суд СССР не нашел достаточным даже для обращения дела к доследованию при наличии доказательств, подтверждающих, что их показания на предварительном следствии были правдивы, соответствовали объективной действительности.

Нам кажется неправильным огульное недоверие к оговору обвиняемых и самооговорам вообще, не исключая и тех, когда обвиняемые оговором отягчают свою вину. Подобную точку зрения можно объяснить тем, что определение процессуальной теорией оговора только как показания одного обвиняемого, уличающие другого обвиняемого, не является четким определением, так как в обыденной жизни мы привыкли понимать под оговором неправдивые, клеветнические показания на другое лицо, т. е. под оговором другого лица мы разумеем, что обвиняемый дает неправдивые показания в отношении другого лица, и в таких случаях говорим, что показания не заслуживают внимания,

так как в данном случае имеется оговор. Это же применимо и к самооговору, под которым в обыденной жизни привыкли понимать неправдивые о себе показания, и Верховный суд СССР по делу Ракитина указывает: «Сорокин и Томилин изменили свои показания, в которых они изобличали Ракитина, и заявили, что Ракитин был ими оговорен в целях сокрытия действительного соучастника». Следовательно, под словом «оговорен» явно имеется в виду «клевета», т. е. обвиняемые, изменив показания, объяснили, что они прежде оговорили Ракитина, что ими даны о нем неправдивые показания.

В этом же определении Верховный суд СССР указывает: «Самооговор Ракитина исключается... так как показания он давал будучи на свободе» («Судебная практика» 1951 г. № 1, стр. 18). Следовательно, и в слово «самооговор» Верховный суд СССР также явно вкладывает тот смысл, что Ракитин оговорил себя, т. е. дал о себе неправдивые показания.

Таким образом, процессуальная теория понимает под оговором во всех случаях дачу обвиняемым показаний в отношении других лиц, независимо от того, правдивы ли эти показания или нет, а под самооговором — дачу обвиняемым показаний о своей преступной деятельности. В обыденной жизни под оговором и самооговором разумеют неправдивые показания о других лицах или о себе. Такое же понимание оговора и самооговора принимает и Верховный суд СССР по делу Ракитина. В этом свете ученым-юристам надлежало бы, по нашему мнению, пересмотреть теоретическое определение оговора и самооговора.

Неправильно было бы утверждать, что по делам о преступлениях, предусмотренных указами от 4 июня 1947 г., вообще невозможен оговор клеветнический, т. е. неправдивые показания на сообвиняемых, что, коль скоро обвиняемый не заинтересован в обнаружении соучастников, то можно любой оговор без проверки принимать за чистую монету. Во-первых, даже свидетель, несущий уголовную ответственность за неправдивые показания, порой дает суду неправдивые показания, обвиняемый же, свободный от такой ответственности, может оговорить другого человека и по делам о хищениях из мести (скажем, ревизора или бухгалтера, которые производили ревизию, руководителя, который помог разоблачить). Будучи изобличенным в хищении в крупных размерах и привлеченным к ответственности по ст. 2 указа, обвиняемый уже без риска может оговорить другого человека, так как его собственные действия вследствие крупных размеров похищенного все равно квалифицируются по ст. 2 указа. Изобличенный другими обвиняемыми, в целях скрытия своей действительной вины, обвиняемый может давать неправдивые показания о том, кто первый его изобличил.

Таким образом, по делам о преступлениях, предусмотренных указами от 4 июня 1947 г., которые устанавливают повышенную ответственность за групповые хищения, оговор обвиняемыми других лиц не смягчает вины оговаривающих, а, наоборот, отягчает ее. Наряду с этим для предупреждения неосновательного привлечения к ответственности невиновных и по этим делам мы обязаны тщательно проверять, исследовать оговоры обвиняемых, во-время изобличая оговоры со стороны обвиняемых из мести или по иным низменным побуждениям, не допуская неосновательного привлечения граждан к ответственности и одновременно используя проверенные показания обвиняемых для изобличения и наказания всех участников хищения и их попустителей.

Задача полного искоренения хищений требует беспощадной борьбы с расхитителями, точного выполнения указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ПРИ СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Кандидат юридических наук ***Н. Загородников***

Судебной практике приходится встречаться с такими случаями, когда к ответственности привлекается лицо, совершившее два или более преступления, причем ни по одному из них виновный ранее не привлекался к уголовной ответственности и ни одно из них не поглощено давностными сроками уголовного преследования. Эти случаи, называемые совокупностью преступлений, при рассмотрении их в суде и главным образом при определении наказания за каждое из входящих в совокупность преступлений и за всю совокупность в целом вызывают известные трудности. Эти трудности усугубляются еще и тем, что освещение порядка назначения наказания по совокупности преступлений в учебниках по уголовному праву для вузов и для юридических школ, на наш взгляд, страдает неточностями и идет в разрез с судебной практикой. Между тем необходимо, чтобы суды всех инстанций при определении наказания по совокупности точно и единообразно исполняли уголовный закон, чтобы все вопросы применения наказания в этом случае разрешались в полном соответствии с законом и с той практикой, которая сложилась и справедливость и правильность которой подтверждена практической деятельностью органов социалистического правосудия.

Совокупность преступлений характеризует повышенную общественную опасность преступника, свидетельствует об упорном нежелании его подчиняться и соблюдать правила социалистического общежития, совокупность свидетельствует также о причинении более тяжелых последствий, о причинении большего ущерба (например, совершение кражи и хулиганства, кража личной и государственной собственности и т. п.),— все это вместе взятое учитывается судами при определении меры наказания.

В соответствии с законом (ст. 49 УК РСФСР) при совокупности преступлений суд обязан определить наказание по каждому из преступлений, образующих совокупность, и затем в конечном итоге должен определить наказание по статье, предусматривающей наиболее высокую санкцию.

Повышенная общественная опасность лица, обвиняемого в совершении нескольких преступлений, причинение при совершении двух или большего количества преступлений более серьезного ущерба и другие отягчающие обстоятельства, вытекающие из факта совокупности, учитываются при определении наказания за каждое из преступлений, образующих совокупность. Так, если то или иное лицо совершило халатность и должностной подлог, то суд, назначая в этом случае наказание за халатность, учитывает, что эта халатность совершена при отягчающих обстоятельствах: лицо, виновное в халатности, совершило еще подлог. При определении наказания за подлог суд также учитывает совокупность как отягчающее обстоятельство. Судебная практика показывает, что во всех случаях при совокупности назначается более суровая мера наказания, чем в других случаях при прочих равных условиях, но без совокупности.

Судебная практика, исходя из указаний закона, последовательно проводит принцип поглощения наказаний и не допускает при назначении наказания по совокупности ни сложения наказания, ни факультативного усиления наказания.

Поэтому никак нельзя согласиться с утверждением авторов макета учебника по советскому социалистическому уголовному праву (часть общая) о том, будто УК РСФСР говорит, что окончательное наказание назначается по статье, предусматривающей наиболее тяжкое наказание, о том, что УК РСФСР и УК других республик, употребляющие такую же форму, придерживаются системы факультативного усиления наказания в пределах, конечно, санкции, установленной в данной статье [1]. Такое заключение авторов макета, как нам кажется, противоречит закону (ст. 49 УК РСФСР) и идет вразрез с судебной практикой. На ошибочных позициях стоят и авторы учебника по советскому уголовному праву для юридических школ, которые утверждают, что при совокупности преступлений «порядок определения наказания — поглощения менее тяжкой санкции санкцией более тяжелой, с возможностью повышения окончательного наказания в пределах санкции, предусматривающей наиболее тяжкое из совершенных преступлений, — является обязательным для судов всех союзных республик» [2].

Судебная практика как раз не допускает при окончательном определении наказания выход за пределы мер наказания, определенных за отдельные преступления, образующие совокупность.

Характерно в этом отношении постановление Пленума Верховного суда СССР от 8 января 1942 г. по делу Сейфулина, в котором прямо подчеркнуто, что ст. 49 УК РСФСР устанавливает принцип поглощения, а не сложения наказаний.

«Приговором по настоящему делу Сейфулин признан, — говорится в этом постановлении, — виновным в том, что, являясь с декабря 1939 г. по сентябрь 1940 г. заведующим угольным складом на станции Кзыл-Жар, он систематически продавал со склада уголь разным организациям и частным лицам, обращая в свою пользу вырученные от продажи угля деньги, и присвоил таким путем 5112 руб. Кроме того, Сейфулину инкриминируется то, что он незаконно выдал рабочим угольного склада 1550 р. 50 к., приписывая в ведомостях уплату за не произведенные ими фактически работы. Рассмотрев настоящее дело, линейный суд Карагандинской железной дороги квалифицировал действия Сейфулина по ст. 109 и ч. 2 ст. 116 УК РСФСР, приговорив его по первой статье к трем годам лишения свободы, по второй — к двум годам лишения свободы, а по совокупности — к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах... Приговор линейного суда и оставившее его в силе определение Железнодорожной коллегии подлежат отмене по следующим основаниям. Линейный суд грубо нарушил ст. 49 УК РСФСР. Поскольку каждое из преступлений, инкриминированных Сейфулину, было совершено им до вынесения приговора по делу, суду надлежало в точном соответствии с требованиями ст. 49 УК РСФСР применить не принцип сложения, а принцип поглощения, т. е., определив наказание за каждое преступление в отдельности, назначить окончательное наказание по той статье, по которой определено большее наказание. В данном конкретном случае, поскольку по одной из статей было назначено три года лишения

[1] Подобная мысль высказана и в учебнике по общей части уголовного права, 1948, стр. 533.

[2] В. Меньшагин, З. Вышинская, Советское уголовное право, М., 1950, стр. 142 — 163.

свободы, а по второй — два года лишения свободы, наказание по совокупности должно быть определено в три года лишения свободы» [1].

В судебной практике можно найти ряд постановлений Пленума Верховного суда СССР и определений его коллегии, проводящих эту точку зрения.

Так Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР в своем определении от 16 апреля 1949 г. по делу Алешина и Борисова [2] указала, что при определении наказания за совокупность преступлений применяется принцип поглощения, а не сложения наказания. По приговору линейного суда был осужден Алешин по ч. 2, ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» к заключению в исправительно-трудовых лагерях на семь лет, по ст. 73, ч. 1, УК РСФСР — к лишению свободы на один год, а по совокупности преступлений — к заключению в исправительно-трудовых лагерях на восемь лет с поражением в правах на два года. Алешин признан виновным в том, что 24 октября 1948 г. в вагоне пассажирского поезда похитил у пассажира Елтышева мешок, в котором находилось десять пар керзовых сапог. Кроме того, Алешин, находясь под стражей по данному делу, вместе с другими лицами, оказал сопротивление работнику охраны, пытался бежать, но был задержан. Коллегия указала: «Приговор вынесен в соответствии с материалами дела, однако при определении наказания Алешину линейный суд нарушил ст. 49 УК РСФСР. Назначив наказание за каждое преступление в отдельности, линейный суд обязан был окончательно определить наказание по статьям УК, предусматривающим более тяжкое наказание, т. е. применить принцип поглощения, а не сложения наказания, как это сделал суд». Железнодорожная коллегия внесла в приговор линейного суда изменение и по совокупности преступлений окончательно определила наказание Алешину по ст. 1, ч. 2, указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» — заключение в исправительно-трудовой лагерь сроком на семь лет.

Судебной практикой решен вопрос о назначении по совокупности и дополнительных наказаний. При решении вопроса о назначении дополнительных наказаний суд вправе применить любое дополнительное наказание, на которое имеется указание в статьях, предусматривающих одно из прегуплений, входящих в совокупность, хотя бы окончательно суд определил наказание по статье, не предусматривающей это дополнительное наказание.

Например, суд, определяя наказание по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 1 указа от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» и ст. 107 УК РСФСР, определяет наказание по указу от 9 июня 1947 г. в двенадцать лет и по ст. 107 УК РСФСР в десять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. В этом случае суд, окончательно определив наказание по указу от 9 июня 1947 г. — заключение в исправительно-трудовых лагерях на двенадцать лет, может назначить дополнительное наказание — конфискацию имущества, предусмотренную ст. 107 УК РСФСР, хотя окончательно суд определил наказание по статье, не предусматривающей этого дополнительного наказания [3].

---

[1] Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного суда СССР 1942 г., стр. 40 — 41.

[2] „Судебная практика Верховного суда СССР" 1949 г. № 8, ст. 42.

[3] Подробно решен этот вопрос в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г. Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР 1924—1944 гг., М., 1946, стр. 79.

Судебной практике приходится встречаться со случаями совокупности преступлений, когда по одному или нескольким из них имеется вступивший в законную силу приговор, вынесенный после совершения преступлений, входящих в совокупность. Порядок определения наказания в этом случае определен не в материальном уголовном праве, а в процессуальном (ст. 465 УПК РСФСР) и также установлен принцип поглощения наказаний.

Основания для определения наказания в этом случае одинаковые, сущность совокупности этого вида, его юридическая природа одна и та же: все преступления совершены до вынесения, хотя бы по одному из них, приговора. Виновный при такого рода совокупности не был осужден, не получил через суд отрицательной оценки своего поведения, не был наказан. То, что осуждению за всю совокупность преступлений предшествует вынесение приговора по одному из преступлений, входящих в совокупность, не меняет ни содержания, ни общественной опасности как совершенных преступлений, так и самого преступника.

Если в этом случае стать на иную точку зрения и допустить в отличие от принципа поглощения наказаний принцип сложения наказаний (когда по одному из входящих в совокупность преступлений имеется приговор), значит искусственно создать возможность повышения наказания в зависимости от случайных обстоятельств (вынесение приговора), ни в какой степени не меняющих общественную опасность преступлений, образующих совокупность.

Поэтому ст. 465 УПК РСФСР, предусматривающая порядок определения наказания при совокупности преступлений, когда по одному из преступлений, входящих в совокупность, имеется вынесенный приговор, устанавливает принцип поглощения наказания. Причем ст. 465 УПК РСФСР предусматривает случаи совершения преступлений, входящих в совокупность, до вынесения хотя бы по одному из них обвинительного приговора. В этом случае наказание по совокупности определяется судом, вынесшим позднейший приговор, на основании принципа поглощения наказаний, причем, если предыдущим приговором было вынесено более тяжелое наказание, позднейший приговор считается поглощенным предыдущим приговором.

Это требование закона строго выполняется судебной практикой. Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР 6 января 1951 г. рассмотрела дело Вишневской [1], которая в апреле 1950 г., совершила преступление, предусмотренное ст. 59[3в] УК РСФСР, и в октябре того же года преступление, предусмотренное ст. 140, ч. 3, УК РСФСР. Однако Вишневская в октябре 1950 г. была привлечена к ответственности и осуждена только по ст. 140, ч. 3, к пяти годам лишения свободы. После этого Вишневская была предана суду за совершенное ею преступление в апреле 1950 г. по ст. 59[3в] УК РСФСР.

Суд первой инстанции, рассмотревший дело по обвинению Вишневской по ст. 59[3в] УК РСФСР, определил ей по этой статье наказание в два года лишения свободы. Это наказание суд, сославшись на ст. 49 УК РСФСР, частично присоединил к наказанию, определенному приговором, вынесенным в октябре 1950 г., по ст. 140, ч. 3, УК РСФСР, и в общей сложности определил наказание в шесть лет лишения свободы. Это решение суда, осуществившее частичное присоединение наказания, определенного по последнему приговору, к первому, противоречит закону, устанавливающему принцип поглощения наказаний при совокупности преступлений. Поэтому Железнодорожная коллегия совер-

[1] „Судебная практика Верховного суда СССР" 1951 г. № 4, стр. 22.

шенно основательно указала в своем определении: «Поскольку оба преступления, входящие в совокупность, были совершены до вынесения первого приговора, суд не вправе был применять принцип сложения наказаний, а должен был в соответствии со ст. 49 УК РСФСР и ст. 465 УПК РСФСР наказание по второму приговору как более мягкое поглотить наказанием по первому приговору». Принцип поглощения наказаний применяется так же и тогда, когда вынесенный приговор по одному из преступлений, входящих в совокупность, уже обращен к исполнению или частично уже исполнен.

Таким образом, вопрос об определении наказания по совокупности преступлений находит разрешение и в законодательстве и в судебной практике.

Более сложным представляется этот вопрос тогда, когда одно или несколько преступлений совершены после вынесения приговора в связи с ранее совершенным преступлением. Сложность этого случая (назовем его совокупностью приговоров) обусловливается еще и тем, что по этому поводу нет прямых указаний закона. Однако судебная практика выработала правила назначения наказания и при совокупности приговоров.

При решении вопроса о назначении наказания при совокупности приговоров, когда одно или несколько преступлений совершены после вынесения приговора, судебная практика исходит из того, что подобные случаи следует рассматривать как совершение преступлений при отягчающих обстоятельствах. Причем последний случай, т. е. совокупность приговоров, дает основание полагать, что это обстоятельство считается более отягчающим вину, чем совокупность преступлений.

Совершение преступления после осуждения свидетельствует о большей общественной опасности виновного. В первом случае, когда ни по одному из преступлений нет вступившего в законную силу приговора, виновный еще не получил отрицательной оценки своего поведения через суд, не получил осуждения от имени Советского государства. Виновный в этом случае не подвергнут еще наказанию и не предупрежден о недопустимости, преступности своего поведения.

Во втором случае (при совокупности приговоров) виновный уже по одному из преступлений наказан, его поведение получило отрицательную оценку, он осужден, и его поведение признано опасным для государства. Все это обязывает виновного искупить свою вину, сделаться полезным для социалистического государства. Совершением нового преступления виновный обнаруживает повышенную общественную опасность, упорное нежелание подчиняться правилам социалистического общежития, показывает, что назначение первого наказания не возымело своего необходимого воспитательного воздействия.

Совокупность приговоров при назначении наказания расценивается как отягчающее обстоятельство, как и при совокупности преступлений, но, исходя из того, что этот вид свидетельствует о повышенной общественной опасности, и учитывая известные процессуальные особенности, судебная практика установила иной порядок определения меры наказания.

При определении наказания при совокупности приговоров действует принцип поглощения наказаний в сочетании с возможностью в некоторых случаях сложения наказаний, определенных приговорами, входящими в совокупность.

Этот порядок определения наказания установлен постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 16 декабря 1933 г. и неоднократно подтверждался в постановлениях Пленума Верховного суда

СССР. В частности, в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 25 апреля 1947 г. по делу Александрова-Зацепина и др.[1] по этому вопросу указывается:

«Уголовное законодательство РСФСР не разрешает вопроса о порядке определения наказания по совокупности в тех случаях, когда последующее преступление совершено после вынесения приговора за первое преступление... Не разрешают этого вопроса и Основные начала уголовного законодательства». В РСФСР вопрос этот решается на основании постановления Президиума Верховного суда РСФСР от 16 декабря 1933 г. Согласно этому постановлению в случае совершения лицом, отбывающим наказание, нового преступления суд вправе либо присоединить к наказанию по новому приговору полностью или частично неотбытую часть наказания по первому приговору, либо применить к осужденному наказание только по новому приговору, поглотив неотбытую часть наказания по предыдущему. Естественно, что второй вариант возможен только в том случае, если неотбытая часть наказания по первому приговору по своему размеру меньше или во всяком случае не больше наказания по второму приговору, так как меньшим наказанием поглотить большее нельзя.

Таким образом, при совокупности приговоров суд имеет право либо поглотить приговором, предусматривающим более тяжелое наказание, менее тяжелое наказание, определенное другим приговором, либо присоединить к наказанию, определенному по одному приговору, часть или все наказание, определенное другим приговором. В последнем случае общий размер наказания не должен превышать наибольших размеров, установленных в законе для данного вида наказания.

Это положение находит отражение, в частности, в следующем постановлении Пленума Верховного суда СССР по делу Гусева[2].

По приговору суда от 26 декабря 1947 г., оставленному в силе определением Судебной коллегии Верховного суда СССР от 9 марта 1948 г., Гусев был осужден по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, а с присоединением наказания, неотбытого по прежней судимости, к одиннадцати годам и трем месяцам заключения в исправительно-трудовом лагере. Гусев был признан виновным в том, что, отбывая наказание по ранее вынесенному приговору, в ночь на 28 августа 1947 г., разобрав потолочное перекрытие материального склада, проник в склад, из которого совершил хищение товаров. Рассмотрев это дело, Пленум Верховного суда СССР нашел, что суд неправильно определил наказание за совокупность совершенных преступлений. Так как ни по одному из преступлений, входящих в совокупность, по закону не предусмотрено лишение свободы на срок свыше десяти лет, суд в силу ст. 28 УК РСФСР не мог по совокупности назначить наказание, превышающее этот срок. Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановил «во изменение приговора суда назначить по этому приговору наказание Гусеву в десять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях, без поражения в правах и без конфискации имущества с поглощением неотбытой части наказания по предыдущему приговору».

Таким образом, поглощение наказаний при совокупности приговоров допускается прежде всего в тех случаях, когда по последнему или пре-

[1] „Судебная практика Верховного суда СССР" 1947 г., вып. VI (XI), стр. 10.
[2] „Судебная практика Верховного суда СССР" 1949 г. № 8, стр. 10.

дыдущему приговору назначено наибольшее наказание для данного вида, и поэтому наказание по предыдущим приговорам или по последнему приговору не может быть присоединено и оно поглощается последним или предыдущим приговором, как это мы видели в только что приведенном постановлении Пленума.

Поглощение наказания возможно и в других случаях. Суд может, определяя наказание по последнему приговору, учесть наличие первого приговора и определить наказание, более суровое по своей тяжести соответствующее общественной опасности не только последнего, но и первого преступления, и этим последним поглотить наказание, определенное по ранее вынесенным приговорам.

Определение наказания в этом случае по последнему приговору осуществляется с учетом повышенной опасности личности совершившего преступление, как и при совокупности преступлений. Поэтому в случае отмены первого приговора из-за отсутствия состава преступления должен встать вопрос и об изменении последующего, так как последний был вынесен с учетом повышенной общественной опасности осужденного, проявленной фактом осуждения за первое преступление. Это положение находит прямое подтверждение в постановлении Пленума Верховного суда СССР по делу Лиховида [1], в котором как раз говорится о том, что при определении наказания по совокупности преступлений по двум приговорам суд, определяя поглотить неотбытую часть наказания по первому приговору, назначает все же по второму приговору наказание по совокупности с учетом повышенной общественной опасности осужденного; поэтому в случае отмены в надзорном порядке первого приговора с прекращением дела может быть поставлен на обсуждение вопрос о снижении наказания по второму приговору.

Принцип поглощения при совокупности приговоров в некоторых случаях не применим; в частности приговором, по которому назначено условное наказание, не может быть поглощено наказание, назначенное реально. Нецелесообразно применять принцип поглощения наказания, когда первым приговором поглощается последний (за исключением, конечно, случаев, когда по первому приговору назначено наибольшее наказание). В этом случае создается впечатление безнаказанности последнего преступления. На это обстоятельство неоднократно указывал Верховный суд СССР, в частности на это указывает определение Судебной коллегии Верховного суда СССР по делу Галкина [2]. «Галкин, отбывая наказание, совершил из лагеря побег, но в тот же день был задержан. Суд, рассматривая дело, не учел общественной опасности побегов и определил Галкину наказание в один год лишения свободы. Кроме того, поглотив этот срок наказанием по предыдущему приговору, суд тем самым оставил преступление Галкина за побег безнаказанным».

Таким образом, принцип поглощения наказания при совокупности приговоров может использоваться судебной практикой; однако суды обязаны в этом случае обеспечить достаточно эффективное воздействие на осужденного, не допуская того, чтобы у виновных создавалось впечатление безнаказанности преступления, по которому приговор поглощается.

Сложение наказаний при совокупности приговоров допустимо и целесообразно в тех случаях, когда санкции статей, предусматривающих совершенные виновным преступления, устанавливают не наиболее воз-

---

[1] „Судебная практика Верховного суда СССР" 1945 г., вып. 1, стр. 7.
[2] Сборник постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного суда СССР 1941 г., стр. 60.

можные размеры того или иного вида наказания или когда суд назначает наказание в связи с тем или иным преступлением в пределах ниже максимума того или иного наказания. В этих случаях сложение наказаний более четко показывает, что виновный осуждается и наказывается за каждое совершенное им преступление. Это, в частности, находит отражение в назначении наказания, выходящего за пределы санкций статей или размеров наказания, определенных судом за каждое преступление. Сложение наказания облегчает задачу определения наказания в вышестоящей инстанции, если один из приговоров отменяется и дело по нему прекращается.

Точное соблюдение судами всех инстанций порядка определения наказания по совокупности преступлений и при совокупности приговоров имеет большое практическое значение. Оно позволяет правильно определить меру наказания и тем самым осуществить наиболее эффективное карательное и воспитательное воздействие на виновного и на неустойчивых членов нашего общества.

Выполнению этих задач должно содействовать правильное, основанное на точном понимании закона и на тщательном изучении судебной практики теоретическое освещение вопросов назначения наказания по советскому уголовному праву.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ДЕЛ ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ[1]

А. Безуглов

Обсуждение на страницах журнала «Социалистическая законность» спорных вопросов пересмотра судебных решений и приговоров по вновь открывшимся обстоятельствам имеет значение как для установления единого научного истолкования рассматриваемого института в теории уголовного процесса, так и для его правильного применения на практике. Кроме того, эта дискуссия безусловно поможет в разработке проекта Уголовно-процессуального кодекса СССР.

Практика Прокуратуры СССР по надзору за соблюдением судами законности и судебная практика Верховного суда СССР показывает, что при возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам нередко возникают вопросы, вызывающие серьезные затруднения при их разрешении. Основной причиной такого рода затруднений является несовершенство действующего законодательства, регламентирующего порядок пересмотра судебных приговоров по вновь открывшимся обстоятельствам.

Рассмотрим, в чем эти затруднения.

Согласно УПК РСФСР вновь открывшимися обстоятельствами в числе других признаются преступные злоупотребления судей, постановивших приговор, лжесвидетельство и дача ложного заключения экспертом или подложность других доказательств, однако в силу ст. 375 Кодекса данные обстоятельства служат основанием к возобновлению дела лишь в том случае, когда они установлены вошедшим в законную силу другим судебным приговором. Каких-либо исключений из этого категорического требования закон не делает. Как же быть в тех случаях, когда обстоятельства, предусмотренные ст. 375 УПК РСФСР, установлены достоверно, но виновные в этом лица (судьи, допустившие злоупотребления при вынесении приговора, свидетели, давшие ложные показания, и т. д.) не могут быть привлечены к уголовной ответственности и осуждены вследствие: а) истечения давности уголовного преследования (п. 4 ст. 4 УПК РСФСР); б) акта об амнистии (п. 6 ст. 4 УПК); в) невменяемости виновного (ст. 11 УК РСФСР); г) недостижения виновным возраста уголовной ответственности (ст. 12 УК РСФСР — это не относится к судьям и экспертам).

На поставленный вопрос УПК РСФСР ответа не дает. Ничего не сказано по этому поводу как в учебной литературе, так и в опубликованных в журнале статьях В. Тадевосяна (1951 г. № 7) и Л. Поволоцкого (1952 г. № 1). А между тем этот вопрос заслуживает серьезного внимания ученых-процессуалистов и практических работников.

Мне представляется, что путь к разрешению поднятого вопроса можно найти в УПК Украинской ССР, ст. 367 которого гласит: «злоупотребление судей, лжесвидетельство и дача ложного заключения экспертом или подложность других доказательств являются основанием к возобновлению дела лишь в том случае, если эти обстоятельства установлены вступившим в законную силу судебным приговором или в ином законном порядке. Однако как в этой, так и в других статьях УПК

[1] Печатается в порядке обсуждения. Редакция.

Украинской ССР не сказано, какова же сущность этого «иного законного порядка» и в каких случаях он применяется.

Было бы правильным оговорить в законе, что «иной порядок» установления вновь открывшихся обстоятельств, предусмотренных ст. 367 УПК Украинской ССР (ст. 375 УПК РСФСР), применяется лишь в тех случаях, когда в отношении виновных не может быть вынесен обвинительный приговор (о чем говорилось выше). К этим случаям нужно отнести и смерть виновных, хотя по действующему законодательству допускается осуждение умершего. В кодексе, кроме ссылки на иной законный порядок (как это имеет место в УПК Украинской ССР), должны быть специальные нормы, регламентирующие этот порядок.

В действующих уголовно-процессуальных кодексах союзных республик нет прямого ответа на вопрос, имеет ли право верховный суд союзной республики пересмотреть свой приговор по вновь открывшимся обстоятельствам. Ничего не сказано по этому поводу и в статьях т.т. Тадевосяна и Поволоцкого.

Я считаю, что суд в принципе не может пересмотреть свой приговор в тех случаях, когда по делу состоялось решение вышестоящего суда (кассационное определение или же определение Верховного суда СССР или верховного суда союзной республики, рассмотревших данное дело в порядке надзора), следовательно, и приговор верховного суда союзной республики, когда он уже был предметом пересмотра. В порядке надзора приговор может быть пересмотрен по вновь открывшимся обстоятельствам лишь Судебной коллегией Верховного суда СССР или Пленумом Верховного суда СССР, когда дело в порядке надзора рассматривалось Пленумом Верховного суда СССР.

Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам — исключительный порядок пересмотра приговоров, вступивших в законную силу, и должен быть сосредоточен в немногих, высококвалифицированных судебных органах, какими являются Верховный суд СССР и верховные суды союзных республик, что будет способствовать борьбе за стабильность судебных приговоров.

В УПК РСФСР нет нормы, определяющей самый порядок деятельности Верховного суда РСФСР и тот круг прав, который он имеет при пересмотре приговора в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Правда, из смысла ст. 379 УПК РСФСР видно, что Верховный суд РСФСР может отменить приговор суда и передать дело на новое рассмотрение.

Вот и все, что сказано в УПК РСФСР по данному вопросу.

Проф. Строгович в своей книге «Уголовный процесс» (изд. 1946 г.) по этому поводу писал: «Рассмотрение дела по вопросу о его возобновлении в соответствующей судебной инстанции (в верховном суде союзной республики или в Верховном суде СССР) происходит в том же порядке, в каком дело рассматривается в порядке судебного надзора. Но при рассмотрении дела по вопросу о его возобновлении суд может либо отменить приговор и все иные судебные определения по делу и дело направить на новое рассмотрение в суд первой инстанции, либо отменить приговор и прекратить дело, либо оставить приговор в силе (при несогласии с предложением прокуратуры), но не может вносить в приговор изменения. Это положение вытекает из того, что судебные инстанции, рассматривающие дело в этом порядке, пользуются данными, которых не было в поле зрения суда первой инстанции, которые не были ему известны, когда он выносил приговор. Естественно, что нельзя изменить приговор на основе тех обстоятельств, которые не расматривал суд, вынесший этот приговор (стр. 496).

Мне представляется, что в приведенном высказывании проф. Строговича имеется весьма существенное противоречие, а именно: он считает возможным предоставить соответствующему суду право на основании вновь открывшихся обстоятельств не только отменить приговор, но и прекратить дело. Это значит, что суд, пользуясь данными, которых не было в поле зрения суда первой инстанции, которые не были ему известны, когда он выносил приговор, может решить вопрос о невиновности данного лица в отношении предъявленного ему обвинения в целом.

Спрашивается, если на основании этих, ранее не известных данных суд может решить вопрос о невиновности лица в отношении всего предъявленного обвинения, то почему этот же суд на основании такого же рода обстоятельств не может решить вопроса о невиновности лица в части предъявленного обвинения или же виновности его в более легком преступлении, когда обращение дела на новое рассмотрение не вызывается необходимостью, так как это не даст ничего нового по сравнению с тем, что уже имеется в распоряжении суда?

Допустим, А. был осужден по ст. 142, ч. 1, УК РСФСР за то, что нанес Б. телесные повреждения, которые по заключению судебно-медицинского эксперта С. отнесены к разряду тяжких телесных повреждений. После вступления приговора в законную силу выяснилось, что врач в угоду потерпевшему дал ложное заключение. Это подтвердилось и повторно назначенной судебно-медицинской экспертизой, которая констатировала, что Б. были нанесены легкие телесные повреждения, причинившие расстройство здоровья, т. е. предусмотренные ст. 143, ч. 1, УК РСФСР. Дача экспертом С. ложного заключения была установлена обвинительным судебным приговором в отношении С., где суд прямо констатировал, что С. дал заключение о нанесении Б. тяжких телесных повреждений, тогда как фактически они должны были быть отнесены к разряду легких телесных повреждений. В связи с вновь открывшимся обстоятельством должен быть пересмотрен приговор в отношении А. Спрашивается, как должен поступить суд в таком случае? Мне представляется, что не было бы ошибки, если этот суд, не обращая дела на новое рассмотрение, просто изменил бы приговор, переквалифицировав действия А. со ст. 142, ч. 1, УК на ст. 143, ч. 1, УК РСФСР, определив соответствующее, более мягкое наказание.

Можно было бы привести еще ряд примеров, которые подтверждают положение о том, что суд, пересматривая приговор по вновь открывшимся обстоятельствам, может не только отменять приговоры, но и изменять их в сторону смягчения. И поэтому нужно признать правильной редакцию ст. 370 УПК Украинской ССР, которая говорит, что Судебная коллегия Верховного суда Украинской ССР, рассматривающая заключение прокурора о необходимости возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам, действует в порядке ст. 346 УПК Украинской ССР, которая определяет права суда при рассмотрении дела в кассационном порядке.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Б. Тетерин

Единственным документом, отражающим порядок и степень исследования обстоятельств дела в судебном заседании, по которому можно проверить обоснованность приговора материалами судебного следствия, является протокол судебного заседания.

Отсюда очевидно значение протокола судебного заседания как основного документа для проверки обоснованности приговора.

Верховный суд СССР не раз подчеркивал, что приговор, не обоснованный надлежащим документом в виде протокола судебного заседания, не может быть оставлен в силе (определение Судебной коллегии по уголовным делам по делу Товберидзе, определение по делу Оянова и Жансеитова, определение Железнодорожной коллегии по делу Карпова и др.).

Исходя из того значения, которое придает протоколу Верховный суд СССР, надо признать, что для кассационной инстанции протокол не менее важный документ, чем приговор, обоснованность которого проверяется. Важен протокол судебного заседания и для суда первой инстанции, рассматривающего конкретное уголовное дело.

Обсуждая в совещательной комнате доказательства по делу, судьи должны дать им оценку в их совокупности. Внутреннее убеждение советского судьи должно быть основано только на тех обстоятельствах, которые были предметом исследования на судебном следствии. Человеческая память бессильна охватить и удержать все факты и эпизоды в изложении отдельных участников процесса, и поэтому фиксирование этих обстоятельств в протоколе, непосредственно в ходе заседания, и ознакомление с этими записями в совещательной комнате при обсуждении отдельных обстоятельств значительно способствуют более правильной оценке доказательств по делу и вынесению приговора, основанного на материалах судебного следствия.

Кроме того, наличие в совещательной комнате протокола судебного заседания дает возможность судьям, постановляющим приговор, сопоставить материалы предварительного и судебного следствия и более критически подойти к оценке отдельных доказательств, бывших предметом их рассмотрения в суде.

Особенно важен для суда первой инстанции протокол по сложным групповым делам, связанным с исследованием нескольких эпизодов. Рассмотрение таких дел в суде первой инстанции длится порой несколько дней, а то и недель. Зачастую непосредственно в ходе исследования конкретных обстоятельств бывает необходимо обратиться к показаниям, уже прежде данным суду отдельными участниками процесса, для устранения возникших или имевшихся в них противоречий. И в этом случае суд использует протокол судебного заседания.

Велико значение протокола судебного заседания и для органов предварительного следствия в случае вынесения судом определений в порядке ст. ст. 314—315 УПК РСФСР, т. е. о привлечении к ответственности лиц, уличенных в даче суду или следователю заведомо ложных показаний, а также о привлечении к ответственности лиц, в отно-

шении которых в ходе судебного разбирательства суд усматривает наличие указаний на совершение ими преступления.

В свете своего большого значения протокол судебного заседания должен отвечать определенным требованиям, невыполнение которых лишает его характера одного из основных судебных документов.

Основное и решающее условие, определяющее качество протокола судебного заседания, — это полнота содержания.

Изложение в протоколе не только порядка судопроизводства, но и существа дела вполне соответствует советскому принципу проверки законности и обоснованности приговоров, изложенному в ст. 15 Закона о судоустройстве.

Изложение в протоколе показаний всех участников процесса, данных ими в судебном заседании, делает этот документ необходимым для самого суда первой инстанции, постановляющего мотивированный и обоснованный приговор на основании данных, рассмотренных в судебном заседании и, следовательно, записанных в протоколе судебного заседания.

Существующий порядок и методы изготовления протоколов судебных заседаний в определенной степени обусловливают и полноту его содержания. Чем подробнее и точнее будет воспроизведено в протоколе все происходящее в процессе рассмотрение дела, тем лучше будет протокол. Однако на практике изготовление такого протокола, без превращения его в стенограмму, невозможно.

Поэтому законодатель в ст. 80 УПК РСФСР установил перечень вопросов, подлежащих обязательному освещению в протоколе судебного заседания. Этот перечень следует рассматривать как минимум, без выполнения которого протокол не может быть признан полноценным судебным документом.

Какие же основные моменты судебного разбирательства должны найти отражение в протоколе судебного заседания?

Прежде всего в протоколе обозначаются место и время заседания суда, т. е. в протоколе должны быть указаны число, месяц и год судебного разбирательства, где происходило заседание суда, т. е. в каком городе или населенном пункте и в каком помещении: в помещении ли суда, в клубе ли и т. п. Указываются наименование суда, рассматривающего дело, и фамилии председательствующего, народных заседателей, секретаря, ведущего протокол, и представителей обвинения и защиты.

В отношении представителя обвинения целесообразно указывать его должность и классный чин (в гражданских судебных органах). В отношении представителя защиты целесообразно указать его принадлежность к определенной коллегии адвокатов (в случае участия защиты по назначению в порядке ст. 55 УПК) или же иные полномочия, дающие ему право на ведение защиты по данному делу в суде (в случае допуска защиты в порядке ст. 55 УПК). Если по делу участвует несколько защитников, то в протоколе должно быть указано персонально, кого из подсудимых защищает каждый защитник. Здесь же должен быть назван гражданский истец и фамилия его представителя (при наличии в рассматриваемом деле гражданского иска), а также полномочия (доверенность), на основании которых он допущен к участию в деле. В протоколе должно быть указано, кому из подсудимых предъявлен гражданский иск и на какую сумму.

В протоколе обозначается слушаемое дело, т. е. указываются фамилии, имена и отчества всех подсудимых и уголовный закон, по которому они преданы суду.

В протоколе указывается время открытия заседания, а также время объявляемых перерывов и время его закрытия. Статья 80 УПК РСФСР не требует указания в протоколе времени перерывов судебного заседания. Однако практика подсказывает, что для проверки соблюдения судом требования непрерывности судебных заседаний, изложенного в ст. 258 УПК РСФСР, целесообразно указывать в протоколе время и перерывов, объявляемых как для отдыха, так и на время удаления суда в совещательную комнату для обсуждения вопросов, возникших в ходе судебного разбирательства, и для постановления приговора.

Далее в протоколе означаются все действия суда в том именно порядке, в каком они имели место. В частности, записывается доклад секретаря о явке вызванных в суд лиц с указанием, кто из них явился и кто не явился и по каким причинам, если они известны. В отношении подсудимого необходимо указать, находился ли он до суда на свободе или доставлен в суд под стражей, в последнем случае срок предварительного заключения.

В протокол заседания заносится удостоверение председательствующего в личности подсудимых. По делам о хищениях и растратах, о взыскании алиментов на детей в протоколах необходимо обязательно указывать, кроме общих анкетных данных, также и последнее место жительства подсудимых, род занятий или специальность, последнее место работы и место нахождения их имущества (приказ НКЮ РСФСР от 4 июня 1940 г № 63). Показания подсудимых по их биографическим данным записываются от первого лица. При участии в деле переводчика в протокол заносятся его краткие биографические данные, устанавливаемые председательствующим, и отражается предупреждение переводчика об ответственности за заведомо ложный перевод.

В протокол заносятся разъяснение свидетелям их обязанностей в суде, предупреждение их об ответственности за ложные показания и удаление свидетелей из зала суда.

При неявке отдельных свидетелей в протоколе отражаются мнения сторон о возможности рассмотрения дела в их отсутствие. Если стороны считают возможным рассмотрение дела в отсутствие неявившихся свидетелей и суд пришел к такому же убеждению, суд выносит определение в протокольном порядке, т. е. в протокол заносится текст вынесенного судом определения. Когда мнения у сторон и суда по вопросу о возможности рассмотрения дела в отсутствие неявившихся свидетелей разойдутся, суд выносит мотивированное определение в совещательной комнате, и в протоколе тогда отражаются лишь действия суда (например: суд удалился на совещание, после которого председательствующий огласил определение; определение приобщено к настоящему протоколу).

Аналогичным порядком в протоколе записываются все действия суда в отношении экспертов, если они вызывались в суд.

В протокол заносятся все действия председательствующего по разъяснению сторонам их процессуальных прав в ходе судебного разбирательства и их ответы в этой части.

При заявлении сторонами ходатайств последние вносятся в протокол по возможности дословно, в протокол должны быть внесены мотивы стороны, заявившей ходатайства, и мнение противной стороны относительно этих ходатайств.

При вынесении судом определения без удаления в совещательную комнату (при положительном разрешении вопроса об удовлетворении ходатайства) это определение записывается в протокол полным текстом. Если же суд выносил определение в совещательной комнате в виде

отдельного судебного документа, то в протоколе отражаются только действия суда, без приведения текста определения.

В протокол заносится разъяснение председательствующего сторонам их права заявить отвод составу суда, секретарю, прокурору, экспертам, переводчикам и их ответы по этому вопросу.

В УПК не предусмотрен порядок оформления решения вопроса об отводах, заявленных кому-либо из перечисленных выше лиц. Однако, исходя из смысла ст. ст. 43—49 УПК, следует полагать, что суд должен выносить по этому вопросу мотивированное определение и, следовательно, в соответствии с требованиями постановления Пленума Верховного суда СССР от 15 апреля 1943 г. № 8/м/3/у, такое определение суд должен выносить в совещательной комнате в виде отдельного документа. В протокол же должен быть занесен только заявленный отвод, его мотивы и обоснования и действия суда по решению этого вопроса. Материалы судебного следствия, по мере выполнения председательствующим и сторонами определенных процессуальных действий, следует излагать в протоколе в следующем порядке.

В протоколе записываются действия председательствующего (или секретаря) по оглашению обвинительного заключения и определения подготовительного заседания суда, разъяснение подсудимым сущности предъявленного им обвинения и ответы подсудимых о том, признают ли они себя виновными и желают ли давать суду показания.

В протокол заносятся мнения сторон о порядке исследования дела по судебному следствию и записывается полный текст определения суда по этому вопросу. В определении должны быть точно поименованы все подсудимые и свидетели по фамилии и записан установленный судом порядок их допроса.

Показания подсудимых и свидетелей записываются в протоколе от первого лица и по возможности дословно. Однако это не значит, что секретарь должен писать буквально все, что говорят подсудимый и свидетель. В протоколе показания подсудимых и свидетелей должны быть изложены так, чтобы в них нашли отражение все конкретные обстоятельства и факты, о которых показал суду подсудимый или свидетель, имеющие прямое отношение к делу. Все постороннее, не имеющее прямого отношения к делу, в протокол вносить незачем. Конечно, не каждый секретарь и не по любому делу может определить, что нужно обязательно записать в протокол, а что можно и не записывать. Однако это уже вопрос опыта секретаря, судебных заседаний.

По изложении показаний подсудимых и свидетелей по существу дела в протокол вносятся их ответы на вопросы председательствующего, народных заседателей, прокурора, защитника гражданского истца и экспертов, если они участвуют в деле. Текст вопросов в протокол не заносится, но ответы подсудимых и свидетелей излагаются в такой форме, чтобы из их содержания можно было понять и смысл предложенных вопросов.

При участии экспертов в протоколе записывается обсуждение вопросов, поставленных на их разрешение, а затем и самые вопросы в окончательной редакции, принятой судом. Заключение экспертов, по оглашении его в суде, должно быть изложено ими в письменной форме и приобщается к протоколу судебного заседания. В протоколе записываются только устные ответы экспертов на вопросы суда и сторон, даваемые ими по оглашении своего письменного заключения.

Все определения, не требующие по закону специальной мотивировки, выносимые судом без удаления в совещательную комнату, заносятся в протокол полным текстом. Все иные определения, которые по прямо-

му указанию закона или по характеру решаемых вопросов должны быть подробно мотивированы, выносятся судом в совещательной комнате и приобщаются к протоколу в виде отдельного документа, подписанного всем составом суда. В этом случае в протоколе отражаются действия суда по вынесению определения и отмечается, что определение приобщено к протоколу.

Перед окончанием судебного следствия в протоколе обязательно должны быть записаны ответы сторон, имеют ли они чем-либо дополнить судебное следствие и, если имеют, чем именно.

В соответствии со ст. 80 УПК РСФСР содержание прений сторон в протокол не заносится, а лишь отмечается, в каком порядке они имели место.

Циркуляр НКЮ РСФСР № 136 1926 года несколько изменил этот порядок. В соответствии с этим циркуляром в протоколе должны быть записаны не только порядок прений сторон, но и конечные выводы, к которым пришли стороны (осуждение, оправдание, мера наказания, размер гражданского иска). Если стороны ходатайствуют о занесении в протокол выдержки из речей другой стороны, такое ходатайство должно быть удовлетворено, и в протокол должно быть занесено все, о чем сторона ходатайствовала.

Советским уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено приобщение к протоколу текстового изложения речей представителей обвинения и защиты, выступающих в суде. Однако целесообразно было бы установить приобщение к делу этих документов. Приобщение к протоколу судебного заседания текстуального изложения речей сторон сильно повысило бы ответственность сторон за качество выступлений в суде. Кроме того, это дало бы возможность прокурорам и адвокатам, выступающим в суде второй инстанции, которые иногда не являются участниками рассмотрения дела в суде первой инстанции, при кассационном рассмотрении дела эффективнее поддержать точку зрения представителей обвинения или защиты, выступавших в суде первой инстанции. Приобщение к протоколам текстового изложения речей сторон дало бы также возможность обобщать критику выступлений в судах прокуроров и адвокатов. Практическое решение этого вопроса не вызывает каких-либо реальных затруднений, так как каждый добросовестный прокурор и адвокат сейчас заранее готовятся к выступлению в суде и в момент выступления имеют на руках полный текст речи. В новом общесоюзном уголовно-процессуальном законе следовало бы установить обязательность текстуального изложения речей прокурора и адвоката и передачу их суду для приобщения к протоколу судебного заседания.

По окончании прений сторон в протоколе отмечается, обменивались ли стороны репликами, содержание которых в протокол не заносится.

В протокол заносится краткое содержание последнего слова подсудимых. Незанесение в протокол последнего слова подсудимого служит безусловным поводом к отмене приговора, и судебная практика в этом вопросе не делает никаких скидок на неопытность или невнимательность секретаря.

После отражения действий суда по вынесению и объявлению приговора в протокол должно быть занесено разъяснение председательствующего осужденным сущности приговора, а также срока и порядка его обжалования. В протокол заносится полный текст определения суда об избрании или изменении меры пресечения осужденным до вступления приговора о них в законную силу или об освобождении из-под стражи оправданных.

Таков далеко не полный перечень вопросов, подлежащих освещению в протоколе судебного заседания.

При изложении протокола судебного заседания следует помнить, что его полнота есть основное условие его качества.

Однако высокое качество протокола обеспечивается не одной полнотой его содержания, т. е. достаточно точной записью всего происходившего во время заседания суда, но также культурным, юридически и стилистически грамотным его изложением, в выражениях ясных, кратких и понятных не только лицу, писавшему протокол, но также и читающему его.

Вопросы языка и стиля изложения судебных документов в работе секретаря по изготовлению протокола судебного заседания заслуживают большего внимания и на практике до сих пор заставляют желать лучшего.

Особенно остро поставлен вопрос о повышении качества протоколов судебных заседаний на совещании актива работников юстиции в апреле 1948 года. На этом совещании заместитель Министра юстиции СССР т. Зайдин отметил, что борьба за хороший протокол — это борьба за обоснованность приговора.

Верховный суд СССР, рассматривая уголовные дела в порядке надзора и в качестве суда второй инстанции, последовательно и неуклонно проводит большую работу по повышению качества протоколов судебного заседания, по мобилизации внимания судей на недопустимость небрежного, неграмотного и поверхностного изложения протоколов. Руководящие указания 47 и 52 Пленумов Верховного суда СССР в части порядка оформления, качества и сроков изготовления протоколов судебных заседаний являются тем критерием, по которому определяется соответствие изготовляемых протоколов назначению.

К сожалению, в практике нашей судебной работы еще много примиренчества и пренебрежительного отношения к протоколам судебных заседаний.

Основные недостатки в оформлении протоколов объясняют обычно тем, что секретари, не успевая записать все необходимое во время судебного заседания, пропускают существенное в показаниях допрашиваемых лиц, оставляют в протоколах чистые места, надеясь после заполнить их по памяти, а впоследствии, упустив те или иные моменты, обращаются к материалам предварительного следствия. В результате показания отдельных лиц, занесенные в протокол, теряют логический смысл, получаются путаными, а иногда записи в протоколах и вовсе противоречат тому, что показывал в суде тот или иной подсудимый или следователь.

Председательствующий, проверяя протокол перед его подписанием, естественно, пытается исправить его, привести показания подсудимых и свидетелей, занесенные в протокол, в соответствие с теми показаниями, которые они давали в суде. В результате в протоколе появляются вычеркивания и исправления, порой даже надлежащим образом не оговоренные. Такой протокол утрачивает ценность судебного документа, и в таких случаях вышестоящий суд отменяет приговор по делу за нарушением ст. 80 УПК.

В протоколах нередко имеет место сокращение слов и даже целых выражений, которые превращают протокол в нагромождение всяких условных наименований и знаков, понятных только писавшему протокол, да и то не всегда. Сокращение слов и выражений в протоколе вообще не допустимо. Внешнее оформление протокола неразрывно связано с качеством его содержания, и, как правило, неряшливое и неаккуратное

оформление протокола свидетельствует также и о поверхностном его изложении.

Необходимым требованием, без соблюдения которого протокол не может быть признан судебным документом, является изложение протокола именно на том языке, на каком велось судебное разбирательство.

Изготовление протокола судебного заседания не на том языке, на котором велось судебное заседание, а следовательно, не на национальном языке союзной или автономной республики или автономной области, составляет нарушение ст. 110 Конституции СССР и служит безусловным поводом к отмене приговора. Судебная практика Верховного суда СССР подтверждает этот вывод (см., например, определение судебной коллегии по уголовным делам от 10 апреля 1943 г. по делу Будкина).

Следующим весьма важным требованием к протоколу судебного заседания является своевременность его изготовления.

Протокол, изготовленный через трое суток по вынесении приговора, сильно утратит свою ценность для суда первой инстанции. Кроме того, изготовленный не непосредственно в судебном заседании, а после него, протокол потеряет также и какую-то долю непосредственности в изложении, и, следовательно, даже при самом добросовестном отношении к протоколу секретарь в известной степени изложит в нем не только то, что имело место в судебном заседании, а также и свое мнение, не всегда объективное, сложившееся уже по рассмотрении всего дела.

По мнению проф. М. С. Строговича протокол судебного заседания необходим кассационной и надзорной инстанции, а не первой инстанции (М. Строгович, Уголовный процесс, 1944, стр. 230). Исходя лишь из этой точки зрения, еще можно было бы допустить изготовление протокола не непосредственно в судебном заседании, а в известной срок после него. Однако практика судебных органов свидетельствует, что протокол нужен суду первой инстанции для обоснования приговора не меньше, чем суду второй или надзорной инстанции, проверяющему эту обоснованность. Поэтому возникает вопрос об обязательности изготовления протокола непосредственно в судебном заседании.

Постановление 52 Пленума Верховного суда СССР от 28 октября 1935 г., определяя порядок изготовления протоколов по гражданским делам, указывает: «... Протоколы должны быть обязательно составлены во время судебного заседания...» Это принципиальное положение вполне соответствует потребностям судебной практики и должно быть распространено на протоколы судебных заседаний по уголовным делам. Инструкция НКЮ СССР № 59 от 30 июня 1943 г. подтверждает этот вывод и обязывает секретаря судебных заседаний сдать оформленное дело, т. е. с законченным протоколом судебного заседания, не позже следующего за судебным заседанием дня. Это требование инструкции означает, что протокол должен быть изготовлен в самом судебном заседании в день слушания дела.

Практически изготовление протокола в ходе судебного заседания не очень сложно. Однако для этого необходимо соблюсти ряд условий, основными из которых являются: наличие у секретаря судебного заседания некоторого минимума специальных и политических знаний, предварительное его ознакомление с обстоятельствами рассматриваемого дела по материалам предварительного следствия, ведение судебного заседания председательствующим по заранее намеченному плану, с которым секретарь должен быть ознакомлен.

Только юридически и политически грамотный секретарь может обеспечить составление высококачественного протокола непосредственно в судебном заседании. Поэтому секретарю необходимо иметь, кроме со-

ответствующей образовательной подготовки, минимум и политических и специальных знаний.

Секретарь судебного заседания, получив дело, по которому ему придется вести протокол, должен предварительно ознакомиться с обстоятельствами дела по материалам предварительного следствия. Секретарю нет надобности изучать все материалы дела, как это делает председательствующий. Он должен ознакомиться только с основными следственными документами, такими, например, как обвинительное заключение. При этом секретарь должен уяснить себе место и время происходящих событий, т. е. наименование городов или иных населенных пунктов, приблизительные даты происходящих событий, фамилии участников этих событий, как присутствующих в суде, так и отсутствующих. По делам с технической спецификацией или незнакомой терминологией секретарь должен заранее расшифровать не знакомые ему термины и выражения, чтобы во время судебного заседания правильно понять и изложить в протоколе показания и объяснения лиц, пользующихся этой терминологией.

Немало облегчит изготовление протокола и предварительное ознакомление секретаря с планом проведения судебного следствия, который, как правило, составляет каждый председательствующий до судебного заседания. Ознакомление секретаря с этим планом дает ему возможность заранее сориентироваться в том порядке, в каком намечается исследование обстоятельств дела в ходе судебного следствия.

Большую помощь секретарю в ведении протокола непосредственно в судебном заседании может оказать председательствующий путем проведения судебного следствия по строго намеченному плану, с последовательным и глубоким исследованием обстоятельств дела. Оттеняя и как бы констатируя отдельные, самые важные моменты в показаниях подсудимых и свидетелей, председательствующий тем самым может обратить внимание секретаря на занесение в протокол тех важных моментов, которые впоследствии явятся обоснованием приговора.

Протокол судебного заседания — сложный судебный документ. Изготовить такой документ без надлежащей общеобразовательной, юридической и политической подготовки трудно.

Поэтому ведение протокола в суде может быть поручено только специальному судебному работнику — секретарю судебных заседаний.

По смыслу ст. ст. 48, 79, 80, 262, 317 УПК РСФСР секретарь судебных заседаний является самостоятельной процессуальной фигурой. Ему, в соответствии со ст. 48 УПК РСФСР, может быть заявлен отвод по мотивам, указанным в ст. ст. 43 и 45 УПК РСФСР. В отсутствие секретаря председательствующий не может открыть судебного заседания (ст. 262 УПК РСФСР). Закон не запрещает секретарю участвовать в рассмотрении дела, в судебном заседании по которому он уже секретарствовал и приговор по которому отменен. Однако на практике обычно избегают поручать ведение протокола секретарю, который его уже вел при первичном рассмотрении дела.

Инструкция НКЮ СССР от 30 июня 1943 г. № 59 прямо указывает, что ведение протокола может быть поручено только секретарю судебных заседаний, и строго ограничивает круг его обязанностей.

Подбору и укомплектованию штатов судов надлежаще подготовленными секретарями судебных заседаний до сих пор не уделяется должного внимания. В большинстве случаев в судебных органах дело подбора и укомплектования штатов судебными секретарями предоставлено самотеку. В результате секретарями судебных заседаний в народных судах, да и в большинстве вышестоящих судов, работают лица, имеющие

неполное среднее образование, не говоря уже о специальном юридическом образовании. Такое положение с кадрами секретарей судебных заседаний вызывает нарекания судей в адрес управления кадров Министерства юстиции СССР, до последнего времени не организовавшего централизованной системы обучения и подготовки секретарей судебных заседаний для наших судов. Если взять любую другую отрасль нашего государственного управления или народного хозяйства, то мы найдем там различные курсы, школы, училища, подготавливающие специалистов со средним образованием для работы в этих отраслях. В системе же Министерства юстиции таких учебных заведений до сего времени не было.

Создание в системе Министерства юстиции специальных учебных заведений послужило бы решению проблемы укомплектования кадров секретарей судов.

Процессуальное и должностное положение секретаря судебных заседаний должно быть строго определено. Он должен быть избавлен от канцелярской работы, не имеющей прямого отношения к уголовным делам, по которым он должен обеспечить ведение протокола судебного заседания. Все технические функции по вызову подсудимых, свидетелей и иных участников процесса следует поручать секретарю суда и должны только контролироваться секретарем судебных заседаний, все внимание которого сосредоточивается на ведении протоколов судебных заседаний.

Большая ответственность за качество протокола судебного заседания лежит на судье, председательствующем по делу. В постановлении 47 Пленума Верховного суда СССР обязанности председательствующего в части обеспечения изготовления протокола изложены так: «...Председательствующий обязан в каждом отдельном случае обеспечить ведение протокола достаточно подготовленным к этому лицом, следить во время самого процесса за полнотой и точностью записей в протоколе всех объяснений и показаний допрашиваемых лиц, во-время проверять и корректировать протокол, ни в коем случае не допускать такого ведения и технического выполнения протокола, при котором последующее прочтение и использование его является невозможным или затруднительным, и удостоверить протокол своей подписью после тщательной проверки его правильности, точности и полной доброкачественности...».

Таким образом, председательствующий обязан не только формально скрепить своей подписью протокол судебного заседания, но должен отнестись к протоколу со всей внимательностью и лично проверить правильность изложения в протоколе всего происходящего в процессе рассмотрения дела. Только после подписания протокола председательствующим протокол приобретает силу и значение судебного документа (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 28 мая 1948 г. по делу Оянова и Жансеитова).

Окончательная редакция протокола судебного заседания принадлежит председательствующему. В любом случае секретарь должен выполнять указания председательствующего о внесении изменений в протокол и подписать его, даже если он и не согласен с этими указаниями председательствующего.

Однако не следует это положение понимать так, что председательствующий вправе внести в протокол любые изменения или даже обязать секретаря написать протокол полностью под свою диктовку. Секретарь является самостоятельной процессуальной фигурой и лично ответствен перед законом за правильное и добросовестное ведение протокола. В известной степени самостоятельность секретаря обеспечивается

тем, что он не несет ответственности за приговор и, следовательно, лишен личной заинтересованности в соответствии протокола приговору. Председательствующий, наоборот, заинтересован в том, чтобы приговор был обоснован протоколом. Поэтому при несогласии секретаря с изменениями, внесенными в протокол, этот вопрос должен быть решен применительно к ст. 81 УПК РСФСР, т. е. путем подачи замечаний на протокол и рассмотрения этих замечаний судом в распорядительном заседании (постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Зубкова от 25 июня 1940 г.). Такие замечания могут быть поданы в течение трех суток с момента изготовления протокола и его подписания.

Естественно, что срок на подачу замечаний должен быть меньше кассационного срока или, в крайнем случае, равен ему, ибо сторона, желающая обжаловать приговор, имеет полное право обосновать свою жалобу протоколом, с которым она ознакомилась и полностью согласна. Таким образом, ст. 81 УПК РСФСР как бы косвенно предусматривает, что протокол должен быть изготовлен непосредственно в самом заседании и подписан в день слушания дела, иначе, например, у прокурора кассационный срок на подачу протеста истечет до изготовления и подписания протокола и он будет лишен возможности обосновать свой протест протоколом судебного заседания.

УПК РСФСР точно не установил, в каком порядке должны быть рассмотрены замечания на протокол, не указал, что суд обязан обсудить замечания и вынести по ним свои определения. Постановлением Пленума Верховного суда РСФСР от 7 апреля 1924 г. порядок рассмотрения замечаний на протокол несколько уточнен. Согласно этому порядку председательствующий при согласии с замечаниями удостоверяет их правильность. При несогласии же председательствующего с поданными замечаниями они вносятся на рассмотрение распорядительного заседания суда с обязательным участием председательствовавшего по делу в судебном заседании и, по возможности, хотя бы одного из участвовавших при рассмотрении дела народных заседателей. Замечания на протокол во всяком случае подлежат приобщению к делу.

Такой порядок рассмотрения замечаний на протокол наиболее отвечает насущным требованиям судебной практики.

Замечания на протокол в порядке ст. 81 УПК РСФСР рассматриваются судом в нормальном составе, т. е. под председательством того лица, которое выполняло функции председательствующего в судебном заседании, и с участием двух народных заседателей, из которых хотя бы один участвовал в рассмотрении дела в судебном заседании. Правильность и законность такого порядка рассмотрения замечаний на протокол у практических работников сомнений не вызывает. В УПК других союзных республик, как, например, Армянской, Грузинской, Белорусской ССР, предусмотрен аналогичный порядок рассмотрения замечаний на протокол. УПК Украинской ССР и УПК Узбекской ССР предусматривают несколько иной порядок. В соответствии со ст. 79 УПК Украинской ССР замечания на протокол рассматривает единолично председательствующий и со своими пояснениями приобщает эти замечания к делу. Ст. 102 УПК Узбекской ССР обязывает председательствующего дать свой отзыв по поданным замечаниям, который вместе с замечаниями на протокол также подлежит приобщению к делу. Наиболее правильным, обеспечивающим наибольшую объективность рассмотрения замечаний, представляется порядок, установленный в УПК РСФСР.

УСИЛИТЬ БОРЬБУ С ВОЛОКИТОЙ

А. Ренев

В нашем социалистическом обществе, уверенно идущем по пути к коммунизму, важно, чтобы механизм государственного аппарата работал четко на уровне стоящих перед ним политических задач.

Об исключительной значимости государственного аппарата и о борьбе с косностью, бюрократизмом и волокитою товарищ Сталин еще в 1932 году в статье, посвященной задачам бюро жалоб, писал: «Ленин говорил, что без аппарата мы давно бы погибли, а без систематической упорной борьбы за улучшение аппарата — мы наверняка погибнем. Это значит, что решительная и систематическая борьба с косностью, бюрократизмом, волокитой в наших аппаратах является одной из существенных задач партии, рабочего класса и всех трудящихся нашей страны» (Соч., т. 13, стр. 135).

Известно, что наша партия, исходя из таких указаний Ленина и Сталина, ведет решительную борьбу против бюрократов и волокитчиков, изгоняя их с руководящих постов из аппаратов. Только такая борьба наряду с другими мероприятиями создала условия для укрепления советского аппарата, сделав его в соответствии со Сталинской Конституцией поистине всенародным, самым демократическим в мире.

Известно, что наш государственный аппарат стал образцом для стран народной демократии.

Наш советский народ выполнял все сталинские пятилетние планы народного хозяйства в срок и даже досрочно.

Это обстоятельство указывает на активную роль государственного аппарата в социалистическом строительстве, на правильность партийного руководства и на трудолюбие нашего народа, считающего в условиях советской действительности труд делом чести, делом славы, делом доблести и геройства.

Само собой разумеется, что в плановом хозяйстве Советского государства проволочка в любом вопросе является тормозом в продвижении вперед. Следовательно, нужно поставить дело так, чтобы эти проволочки, а вернее волокита, не имели бы у нас места. В самом деле, марксистско-ленинская философия, обогащенная учением товарища Сталина, учит нас тому, что каждое явление в обществе находится во взаимосвязи, взаимообусловленности и что изолированного в обществе ничего нет. Отсюда следует, что борьбу с преступностью надлежит рассматривать как часть общей задачи, направленной на искоренение так называемых родимых пятен, сохранившихся от старого капиталистического общества и тормозящих строительство коммунизма. Поэтому от умелой борьбы с преступностью мерами уголовного наказания зависит успех и в социалистическом строительстве.

Вот почему очень важно в прокурорских и судебных органах поставить дело так, чтобы, наряду с охраной прав граждан, гарантированных Сталинской Конституцией, эти органы повели решительную и наступательную борьбу с преступностью, в первую очередь против расхитителей социалистической собственности, являющейся священной и неприкосновенной.

Практика показала, что судебные и следственные органы в этом направлении проделали значительную работу, чем содействовали резкому снижению преступности в нашей стране, в противовес капиталистическим странам, где преступность растет соответственно происходящему процессу политического загнивания этого буржуазного общества.

Данные о сокращении преступности не должны успокаивать работников советской прокуратуры, наоборот, они должны поднимать нашу бдительность и активность, которую мы обязаны направить на искоренение в стране преступности вообще.

Такую задачу можно выполнить, наряду с другими мероприятиями, при условии, если в своем собственном хозяйстве мы, прокуроры, наведем должный порядок. Я имею в виду повышение качества в расследовании по делам, а главное искоренение волокиты.

На состоявшемся в апреле с. г. активе Прокуратуры СССР Генеральный Прокурор СССР Г. Сафонов справедливо критиковал работников Главной прокуратуры железнодорожного транспорта, а особенно работников Главной прокуратуры морского и речного флота за то, что в этих прокуратурах некоторая часть дел заканчивается в сроки свыше двух месяцев, т. е. с нарушением установленного законом срока. Он справедливо потребовал от руководителей этих прокуратур устранения такого положения и предупредил о серьезной ответственности за это.

Работники Главной прокуратуры морского и речного флота СССР, обсудив этот очень важный вопрос в свете требований Генерального Прокурора СССР, пришли к выводу, что, помимо всего, волокиту порождают нечеткость и бесконтрольность в самой организации дела, так как сугубо субъективные обстоятельства, влекущие волокиту, многие наши работники часто прикрывают некоторыми объективными трудностями: разбросанностью поднадзорных предприятий, нахождением плавающего состава флота на линии и пр., а между тем такие трудности встречаются по незначительному числу дел.

Волокита в 1951 году допускалась на водном транспорте по некоторым делам о хищениях, особенно о хищениях в торговых организациях, а также об авариях и непроизводительных простоях флота.

Вскрыто было также, что направляемые государственными органами в прокуратуру материалы о растратах, недостачах ценностей длительное время находились на проверке, а так как эти проверки в своем большинстве проводились неудовлетворительно, то для следствия такая плохая работа создавала в свою очередь дополнительные трудности и тем самым порождалась волокита.

Неудовлетворительность проверок в основном заключалась в том, что вызываемых для объяснения лиц в прокуратурах не опрашивали и они «без руля и без ветрил» писали, что хотели, а иногда эти объяснения давались лицами, не обладающими должной грамотностью, и поэтому вовсе никакой ценности не представляли.

Много было в практике и таких фактов, когда в соответствии с требованиями НКЮ СССР и Прокурора СССР от 23 февраля 1939 г. за № 49/1-А-21 переданные в прокуратуру материалы ревизий и другие возвращались соответствующим организациям для дооформления и эти материалы там задерживались месяцами, а за это время некоторые важные письменные доказательства уничтожались, люди, подлежащие допросам, разъезжались, а растратчики и другие преступники скрывались. Разумеется, возвращая материалы, прокуроры должны были установить срок для устранения недостатков и осуществлять над этим контроль.

Теперь установлен иной порядок проверки материалов о преступлениях. Прокурор бассейна, по получении сообщений о преступлении, обязан не только лично контролировать движение этих материалов, а и давать конкретные указания по вопросам: что нужно проверить, как проверить, в какой срок.

Оперативные работники, которым поручается проверка материалов, должны скреплять своей подписью все документы, добытые проверкой, и составлять справку о достаточности собранных проверкой материалов для возбуждения уголовного дела. Это усиливает ответственность работника прокуратуры за порученное ему дело; следовательно, этот порядок повысит качество следствия и ускорит расследование по делам.

В чем причины волокиты в расследовании по некоторым делам в нашей системе и что следует предпринять для искоренения этой волокиты?

Ряд следователей не составлял планов расследований, что приводило к разбросанности в работе, к необходимости восполнения сделанного и т. п. Отсутствие планирования, несвоевременность возбуждения дел особенно недопустимы на водном транспорте, где работники, подлежащие допросу, находятся в плавании, а совершившие преступления нередко увольняются, уезжают к месту жительства в другие районы и пр.

При таком положении лишь планирование и наибольшая оперативность повысят качество следствия и сократят сроки расследования. Поэтому составление планов расследования дел является обязательным для всех, и отступление от такого правила должно рассматриваться как нарушение установленной дисциплины.

Почти половина всех дел у нас сопровождается назначением экспертиз (судоводительских, графических, бухгалтерских и др.). Практика показала, что часто проводимые повторные экспертизы объясняются тем, что следователи не продумывают вопросов, которые ставятся на разрешение экспертов, а это ведет к волоките. Нужно, чтобы назначение экспертизы и вопросы, которые подлежат ее разрешению, более внимательно продумывались не только следователем, но и участковым прокурором, который обязан утвердить такое постановление. Исключение из этого правила допустимо, когда следователь находится в командировке или когда на участке нет прокурора вообще.

Необходимо искоренить случаи необоснованного принесения частных протестов на определения линейных судов о доследовании по делам, что является также источником волокиты. Нельзя приносить протесты на разумные требования судов о восполнении пробелов предварительного следствия.

У нас немало случаев, когда безосновательно опротестовываются определения линейных судов, находящихся на побережье Тихого океана, в Сибири и прочих отдаленных местах. Дела с такими необоснованными протестами идут в Москву, на что тратится много времени, а волокита тем временем растет. Нужно положить конец такой нездоровой, я бы сказал, антигосударственной практике.

Немаловажное значение в числе причин, порождающих волокиту, имеет и то, что многие следователи нашей системы, имея небольшую нагрузку, не ведут одновременно следствие по нескольким делам, а тем самым упускается возможность своевременного сбора и закрепления доказательств.

Есть в практике случаи, когда некоторые прокуроры, вместо наказания волокитчиков из следователей, становятся на недопустимый путь передачи «заволокиченных» дел другим работникам. Подобная практика

в системе Главной прокуратуры морского и речного флота была распространена в Ленинграде, где бывший прокурор бассейна Т. Пономарев, исходя из неправильных соображений — поддержания «нормальных» отношений с работниками-волокитчиками, разгружал последних, передавая заволокиченные ими дела другим работникам и оставляя волокитчиков безнаказанными. В результате получалась своеобразная обезличка, влекущая, как известно, всегда и безответственность.

Помимо таких причин, прямо ведущих к волоките, у нас имеют место факты волокиты и в результате безответственности и распущенности отдельных работников, проявляющихся по их лености. Объяснения таких работников о созданной волоките обычно сводятся к объективным условиям работы на транспорте. Плохо то, что подобные объяснения не проверяются, а слепо принимаются на веру. Однако в 1951 году нам удалось выявить несколько обманщиков-волокитчиков и примерно их наказать. В нашей среде был разоблачен бездельник Тяпушкин, старший следователь в Семипалатинске. Своей бездеятельностью он помог расхитителям социалистической собственности скрыться, а так как он не следил даже, как положено, и за хранением дел, находившихся у него в производстве, то оказалось, что из некоторых дел пропали вещественные доказательства, что создало крайние трудности для окончания этих дел. Тяпушкин пользовался абсолютной бесконтрольностью бывшего прокурора бассейна Плеханова, штамповавшего отсрочки и ходатайства об отсрочках, не вникавшего в работу бездельника-волокитчика. Только ревизией было вскрыто преступление Тяпушкина, и он областным судом был осужден за волокиту.

Волокита — *основное зло, ослабляющее борьбу с преступностью.* Нужно объявить решительную войну волокитчикам всеми возможными мерами.

Еще в 1921 году В. И. Ленин указал в письме на имя Наркома юстиции Д. И. Курского в связи с обращением проф. Графтио, что в отношении волокитчиков нужно «...добиться ошельмования виновных и в прессе и строгим наказанием...» (Соч., т. 35, стр. 444).

Мы должны положить конец распущенности, порождающей волокиту, рассматривая волокиту и волокитчиков как зло, тормозящее наше движение вперед.

Долг каждого оперативного работника заключается в том, чтобы проверить свою работу и принять меры к искоренению волокиты.

Наши товарищи, выезжающие с ревизиями на периферию, обязаны не только констатировать те или другие факты волокиты, но и на месте совместно с ревизуемыми принимать действенные меры к ее устранению и одновременно выявлять конкретных носителей зла.

В ПОМОЩЬ НАРОДНОМУ СУДЬЕ И НАРОДНОМУ ЗАСЕДАТЕЛЮ

СУДЕБНОЕ РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Одной из важнейших задач советского суда является охрана личности, чести и достоинства граждан СССР от всяких посягательств.

В Советском государстве нет эксплуатации человека человеком, навсегда покончено с безработицей, созданы все условия для всестороннего развития и расцвета человеческой личности. Лишь «...социалистическое общество, — сказал товарищ Сталин,— представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности» [1].

Советский общественный социалистический строй породил совершенно новые отношения между людьми. За годы Великой Октябрьской социалистической революции неизмеримо выросло сознание гражданина нашей страны, чувство личного достоинства — законное чувство гражданина страны социализма.

Однако еще не изжиты в сознании отдельных членов нашего общества пережитки капитализма, выражающиеся, в частности, в проявлении неуважения к личности своих сограждан.

На рассмотрение суда поступают дела об оскорблениях, клевете, нанесении побоев и телесных повреждений. Своевременное и правильное рассмотрение этих дел имеет большое общественно-политическое значение, способствует преодолению пережитков капитализма в сознании людей, воспитывает граждан в духе строгого соблюдения правил социалистического общежития, коммунистического отношения граждан друг к другу. Все это определяет значение вопросов, связанных с рассмотрением судами дел частного обвинения.

К делам частного обвинения по законодательству РСФСР относятся дела об оскорблении, клевете, легких телесных повреждениях, не причинивших расстройства здоровью, и дела о нанесении побоев. Законодательство ряда других союзных республик относит к делам частного обвинения и дела о некоторых других преступлениях: самоуправство (УПК Украинской ССР, Узбекской ССР и Грузинской ССР), самовольное использование литературных, музыкальных и иных художественных или научных произведений с нарушением закона об авторском праве (УПК Узбекской ССР), самовольное использование чужих товарных фабричных и ремесленных знаков (УПК Узбекской ССР), обманное вовлечение женщины в половую связь с применением регистрации брака (УПК Грузинской ССР).

Основная особенность дел частного обвинения — возбуждение их не иначе, как по жалобе потерпевшего — неодинаково выражена в законодательстве союзных республик.

В ст. 10 УПК РСФСР указано, что дела о преступлениях, предусмотренных ч. 2, ст. 143, ч. 1, ст. 146, ст. ст. 159, 160 и 161 УК, возбуждаются не иначе, как по жалобе потерпевшего, а в ст. 4 УПК РСФСР (п. 3) указывается, что уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжаемо и подлежит прекращению во всякой стадии процесса за отсутствием жалобы потерпевшего по делам о преступлениях, возбуждаемых не иначе, как по таким жалобам.

Законодательство ряда других союзных республик, основываясь на ст. 6 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» и примечании к ней, допускает в некоторых случаях возбуждение дел частного обвинения также прокурором, по его инициативе, при отсутствии жалобы потерпевшего. Так, в ч. 2, ст. 10 УПК Грузинской ССР указано: «если прокуратурой признано будет необходимым вступить в дело, в целях охраны публичного интереса, то дело может быть возбуждено последней помимо жалобы потерпевшего». Таков же смысл в ст. 10 УПК Белорусской ССР и примечания к ст. 10 УПК УССР. УПК Узбекской ССР (ч. 4, ст. 8) идет в этом отношении еще дальше, допуская возбуждение производства по делам частного обвинения, имеющим общественное значение, без жалобы потерпевшего, не только по инициативе прокурора, но и по инициативе следователя и народного суда, а УПК Туркменской ССР (ст. 39) — по инициативе прокурора, следователя и судьи.

Необходимо подчеркнуть, что наличие жалобы потерпевшего, являясь, как правило, условием возбуждения дел частного обвинения, ни в какой мере не означает, что народный судья не должен проверить достаточность оснований для возбуждения уголовного дела и предания обвиняемого суду.

Здесь полностью сохраняет свою силу ст. 28 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, согласно которой народный судья по поступившим жалобам и заявлениям, в зависимости от обстоятельств, выносит постановление о возбуждении уголовного преследования или об отказе в этом.

Потерпевший, как и всякий другой заявитель, может обжаловать отказ в произ-

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 602.

водстве дознания или предварительного следствия (ст. 95 УПК РСФСР).

Вполне понятно, что народному судье в ряде случаев при приеме жалобы потерпевшего трудно разрешить вопрос о достаточности или недостаточности оснований для возбуждения уголовного дела и предания суду, поскольку по этим делам, как правило, не ведется предварительного расследования. Однако в некоторых случаях уже из самой жалобы потерпевшего явствует, что в действиях лица, на которое подана эта жалоба, нет состава преступления. В этом случае народный судья должен отказать в возбуждении уголовного дела.

Отказ в возбуждении дела частного обвинения может последовать и при наличии ряда других оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Полностью сохраняют свою силу положения ст. ст. 3 и 4 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик о недопустимости возбуждения уголовного дела при наличии вступившего в законную силу приговора по обвинению в том же преступлении, за смертью обвиняемого, за истечением давности [1], вследствие акта об амнистии, если таковая исключает наказуемость совершенного обвиняемым. Кроме того, конечно, уголовное дело не может быть возбуждено и в случаях недостижения обвиняемым возраста уголовной ответственности.

В связи с применением ст. 3 УПК РСФСР следует остановиться на тех случаях, когда потерпевшими от преступления являются несколько лиц; например, когда распространение заведомо ложного измышления одновременно позорит нескольких лиц, каждый из которых является потерпевшим от этого преступления. По закону каждый из потерпевших вправе подать жалобу с требованием о привлечении виновного к уголовной ответственности за клевету.

Как справедливо отмечает проф. М. А. Чельцов, «нет никакого основания требовать согласия всех потерпевших на возбуждение преследования» [2], поскольку каждый из потерпевших самостоятелен в осуществлении своего права подать жалобу. Если дело возбуждено по жалобе одного из потерпевших, другие потерпевшие могут присоединиться к начатому уже делу. Но вот на практике может возникнуть вопрос, как быть в таких случаях, когда после вынесения судом приговора по такому делу, возбужденному по жалобе одного из потерпевших, поступает жалоба других потерпевших от этого преступления,— может ли быть возбуждено в таких случаях новое уголовное дело? Следует согласиться с проф. М. А. Чельцовым, что вопрос этот должен быть разрешен отрицательно, что «так как предметом обвинения является одно преступное деяние, то приговор суда, состоявшийся по одной из жалоб, устраняет на основании ст. 3 УПК дальнейшее преследование» [1]. По-иному решается этот вопрос, если дело, начатое по жалобе одного из потерпевших, прекращено судом за примирением сторон (ст. 10 УПК РСФСР) или вследствие неявки в суд к рассмотрению дела потерпевшего или представителя его интересов (ст. 270 УПК РСФСР). Поскольку каждый из потерпевших не связан волей другого потерпевшего по поводу примирения (выражаемого в прямой форме или косвенно — неявкой в судебное заседание для поддержания обвинения), следует считать, что в таких случаях прекращение дела не является препятствием к возбуждению такого же дела по жалобе другого потерпевшего.

В этой связи необходимо остановиться и на случаях, когда дело прекращено производством за отсутствием жалобы потерпевшего, а затем в суд поступает такая жалоба. В этих случаях прекращение дела за отсутствием жалобы потерпевшего не создает препятствий для осуществления потерпевшим, ранее не выражавшим своего отношения к этому вопросу, его права на подачу жалобы и для возбуждения по этой жалобе уголовного дела. Определение суда о прекращении дела лишь по мотивам отсутствия жалобы потерпевшего не может ограничивать права потерпевшего на возбуждение дела частного обвинения. Именно эта мысль выражена в постановлении Пленума Верховного суда СССР по делу Р. Хотя дело Р. является делом частно-публичного обвинения, но соображения, высказанные Пленумом Верховного суда СССР по этому делу, распространяются и на дела частного обвинения. В постановлении указано: «Прекращая дело производством, военный трибунал не касался обстоятельств дела по существу и мотивировал прекращение исключительно отсутствием жалобы потерпевшего, как необходимого условия для права на возбуждение дела. Однако, поскольку закон нигде не ограничивает права потерпевшего на подачу жалобы по делам частного обвинения определенным сроком, за исключением общих сроков давности, указанных в ст. 14 УК РСФСР, и не ставит никаких иных условий, ограничивающих это право потерпевшего, следует признать, что наличие определения суда о прекращении дела за отсутствием жалобы потерпевшего не является препятствием для подачи последним жалобы. С другой стороны, последующая подача потерпевшим жалобы не опорочивает ранее вынесенное

[1] УПК Украинской ССР (ст. 11) устанавливает для возбуждения дел частного обвинения сокращенный трехмесячный срок со дня совершения преступления.

[2] Проф. М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, Госюриздат, 1951 г., ст. 102.

[1] Там же.

судом вполне законное определение о прекращении дела, так как эта последующая подача жалобы не только не устраняет, а подтверждает факт отсутствия такой жалобы при рассмотрении дела, что и явилось законным и безусловным основанием к прекращению дела. Поэтому необходимо признать, что для производства расследования по делу частно-публичного обвинения после подачи жалобы потерпевшим не требуется предварительной отмены определения суда о прекращении дела за отсутствием такой жалобы и, наоборот, отмена такого определения как вполне законного, является неправильной»[1].

Вопрос о делимости обвинения может возникнуть и в несколько ином разрезе в случаях, когда преступление совершено несколькими лицами, когда, например, в распространении клеветнического измышления участвовало несколько лиц.

В таких случаях налицо делимость обвинения, понимая под этим право потерпевшего возбуждать уголовное дело по своему усмотрению лишь в отношении некоторых из правонарушителей[2], хотя бы потому, что за ним до вступления приговора в законную силу остается право примирения. Но само собой разумеется, что при вступлении прокурора в дело частного обвинения в целях охраны государственного или общественного интереса подлежат ответственности и соучастники преступления независимо от воли потерпевшего.

Законодательство РСФСР (ст. 10 УПК) и Армянской ССР (ст. 10 УПК) запрещает прекращение дел частного обвинения на основании примечания к ст. 6 и ст. 8 УК РСФСР, т. е. по таким мотивам, как явная малозначительность совершенного действия и отсутствие вредных последствий, или в силу того, что преступление к моменту рассмотрения дела потеряло характер общественно-опасного или лицо, совершившее его, не может быть признано общественно-опасным.

Это запрещение прекращать дела частного обвинения по основаниям, указанным в примечании к ст. 6 и в ст. 8 УК РСФСР, означает, что по указанным основаниям не может последовать и отказ в возбуждении уголовного дела.

Выше мы уже указывали на некоторую затруднительность проверки обоснованности обвинения при возбуждении дел частного обвинения и предании обвиняемых суду по этим делам. Затруднительность такой проверки обязывает судью использовать в необходимых случаях процессуальные возможности, которые предоставляет ему закон — ст. 256 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик.

Статья 256 УПК РСФСР предусматривает право судьи по делам, по которым не производилось предварительное расследование, ранее назначения дела к слушанию вызвать обвиняемого, разъяснить ему сущность предъявленного обвинения, опросить обвиняемого, ходатайствует ли он о вызове свидетелей, экспертов и об истребовании других доказательств, с занесением опроса обвиняемого и сделанных им заявлений в протокол. Заявленные при этом обвиняемым ходатайства должны быть разрешены в порядке, указанном в ст. ст. 253 и 254 УПК РСФСР, т. е. если обстоятельства, подлежащие выяснению, могут иметь значение для дела (ст. 113 УПК РСФСР), ходатайства должны быть удовлетворены; в противном случае они должны быть отклонены мотивированным определением.

Использование судьей права, предоставленного ст. 256 УПК РСФСР, имеет значение не только для наиболее быстрого и всестороннего рассмотрения дела, но и для правильного разрешения вопроса о предании суду.

Можно легко себе представить такие случаи, когда в результате предварительного вызова обвиняемого судья получает данные, свидетельствующие об явной необоснованности жалобы потерпевшего, и на основании этих данных должен отказать в возбуждении уголовного дела или же направить дело на предварительное расследование, если это вызывается необходимостью и законом.

Забвение этого права иногда приводит к необоснованному преданию суду граждан и дает возможность некоторым сутягам порочить честных людей, с которыми они пытаются свести свои личные счеты. В этом отношении весьма поучительны дела по обвинению Гарциан и Морозовой, возбужденные по клеветническим заявлениям Рябовой и послужившие основанием к помещению в «Литературной газете» 28 ноября 1950 г. фельетона М. Поляновского «Висит на заборе мочало». В результате небрежного отношения судьи к рассмотрению заявления Рябовой на скамье подсудимых оказались ни в чем неповинные люди, которые были реабилитированы лишь после длительного рассмотрения дел о них в различных судебных инстанциях.

Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик (ст. 28) предоставляет народному судье право в случае необходимости направлять заявления или жалобы следственным органам для расследования. Это право сохраняется за народным судьей и по делам частного обвинения.

С особенной осторожностью народный судья должен подходить к разрешению вопроса о предании суду обвиняемых в случаях, когда дело возбуждается по поводу высказываний лица, выступавшего с критикой действий заявителя. Практика знает случаи, когда некоторые лица пытаются использовать право обращения в суд с жалобой как способ преследования за крити-

[1] Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда СССР, М., 1948 г., стр. 440—441.

[2] Там же.

ку. Своевременное решительное пресечение подобного рода попыток является прямой обязанностью судьи.

Решая вопрос о предании суду обвиняемого по делу частного обвинения, народный судья должен также тщательно проверить, относится ли дело по своему характеру к делам частного обвинения, чтобы не допустить внесения в судебное заседание дел с неправильной квалификацией преступления и с нарушением требований закона о производстве предварительного расследования. Всякого рода ошибки в этом отношении приводят к волоките с рассмотрением дел и ослабляют борьбу с преступлениями.

На практике иногда встречаются случаи неправильной квалификации, как оскорбления, легкого телесного повреждения или побоев (ст. 159, 143, 146 УК РСФСР), таких преступных действий, которые по характеру своему являются хулиганством. В основе этих ошибок лежит недопустимое смешение посягательств против личности с характерным для хулиганства нарушением общественного порядка, свидетельствующим о неуважении преступника к обществу.

Приведем примеры из судебной практики. Колбин и Уржумов, находясь в нетрезвом виде, зашли в общежитие кондукторского резерва. Когда начальник резерва Гримбовецкий предложил им оставить помещение в связи с предстоящей очередной поездкой, Уржумов нанес ему оскорбление, а Колбин чайником с горячей водой ударил кондуктора Колмакова по голове, причинив ему ожог второй степени и легкое телесное повреждение, вызвавшие утрату трудоспособности в течение пяти дней. Линейный суд осудил Колбина по ч. 1 ст. 143 УК РСФСР к исправительно-трудовым работам, а Уржумова по ч. 1 ст. 159 УК РСФСР к денежному штрафу. По протесту Генерального Прокурора СССР Пленум Верховного суда СССР отменил этот приговор и направил дело на новое рассмотрение, указав, что инкриминируемые осужденным действия, выражающиеся в грубом нарушении правил социалистического общежития, сопровождавшиеся явным неуважением к обществу и заключавшиеся в буйстве и бесчинстве, подлежат квалификации по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР как хулиганство, а никак не по ч. 1 ст. 143 и ч. 1 ст. 159 УК РСФСР [1].

В ряде случаев суды неправильно квалифицируют по статьям Уголовного кодекса, относящимся к делам частного обвинения, действия, которые вполне сходны с ними, но по своему характеру выходят за пределы этих составов преступлений, представляя собой злостное нарушение общественного порядка.

Так, Вахидов во время демонстрации в кинотеатре картины начал во всеуслышание ругать свою жену нецензурными словами, а затем повалил ее на пол и нанес ей несколько ударов кулаком, причинив ей легкие телесные повреждения. Верховный суд Узбекской ССР, рассматривавший это дело в порядке надзора, переквалифицировал преступление Вахидова с ч. 1 ст. 97[1] УК Узбекской ССР (хулиганство) на ст. 197 УК, предусматривающую умышленное нанесение легких телесных повреждений. Верховный суд СССР определением от 7 марта 1951 г. в порядке надзора отменил определение Верховного суда Узбекской ССР и оставил в силе приговор народного суда, указав, что преступление Вахидова по своему содержанию выходит за пределы причинения телесного повреждения и представляет собой злостное нарушение общественного порядка, сопряженное с явным неуважением к элементарным правилам социалистического общежития [1].

Судебная практика по делам частного обвинения знает также случаи неправильной квалификации преступлений в связи с ошибками в определении характера телесных повреждений. Так, Савин на почве неприязненных отношений с Некрасовым нанес ему ножом удар в лицо, причинив телесные повреждения. Народный суд 1-го участка Рудничного района Кемеровской области осудил Савина по ст. 143, ч. 1, УК РСФСР, предусматривающей умышленное легкое телесное повреждение, не опасное для жизни, но причинившее расстройство здоровья. Между тем по заключению судебно-медицинской экспертизы, нанесенное Некрасову ранение было «травмой тяжелой, ведущей к обезображению лица». В акте судебно-медицинской экспертизы указано, что в результате нанесенных Некрасову ножевых ранений, у последнего левая бровь опущена, глазная левая щель сужена, левая носогубная складка сглажена, рот при оскале имеет грушевидную форму, отмечается тик (подергивание левой половины лица), что «данные повреждения не опасны для жизни, но оставили после себя стойкие рубцы на лице и стойкое поражение левого лицевого нерва, что обусловило стойкую ассиметрию лица». Вопреки такому заключению судебно-медицинской экспертизы, суд пришел к выводу, что нанесенные Некрасову ранения не вызвали стойких изменений в области лица, обезображивающих его. При этом суд, вопреки ст. 298 УПК РСФСР, не привел никаких мотивов, опровергающих заключение экспертизы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, рассматривавшая это дело в порядке надзора, на основании изложенного пришла к выводу, что суд неосновательно переквалифицировал преступление с ч. 1 ст. 142 УК РСФСР на ч. 1 ст. 143 УК и отменила приговор с направлением дела на новое

[1] «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 2, стр. 16.

[1] «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 7, стр. 20—21.

рассмотрение со стадии судебного разбирательства [1].

Или другой пример.

По делу Самохвалова Ф., осужденного народным судом по ч. 1 ст. 142 УК РСФСР, Верховный суд СССР, отменив определение Верховного суда Литовской ССР, переквалифицировавшего преступление по ч. 1 ст. 143 УК РСФСР, указал: «Согласно заключению судебно-медицинского эксперта, нанесенные Самохвалову Д. повреждения, относятся к разряду тяжелых с опасностью для жизни. Потерпевший находился длительное время на излечении в больнице. Нанесенными ударами потерпевшему были повреждены черепная кость и мозговая ткань, и Самохвалову Д. была произведена операция. При наличии этих обстоятельств, не опровергнутых кассационным определением, у Верховного суда Литовской ССР не было оснований для переквалификации преступления Самохвалова Ф. на ч. 1 ст. 143 УК РСФСР» [2].

Следует иметь в виду, что в силу примечания первого к ст. 63 УПК РСФСР вопросы, относящиеся к определению характера телесных повреждений, должны разрешаться судом с обязательным производством судебно-медицинской экспертизы. Судебно-медицинский эксперт при исследовании несмертельных повреждений должен определить характер повреждения (кровоподтек, рана, перелом кости), время, к которому относится нанесение повреждения, тип орудия, которым это повреждение было нанесено, а также степень тяжести повреждения и причиненный ими вред здоровью, их опасность для жизни и исход повреждений.

В силу ст. 298 УПК РСФСР заключение эксперта для суда необязательно, но несогласие суда с экспертизой должно быть им подробно мотивировано в приговоре или особым определением. Нарушение этого требования уголовно-процессуального закона, как правило, ведет к отмене приговора.

Следует также иметь в виду, что определение характера телесных повреждений должно производиться в соответствии с «Правилами для составления заключений о тяжести повреждения тела», утвержденными Наркомздравом и Наркомюстом РСФСР 27 января 1928 г.

В этих правилах указано, в частности, что телесными повреждениями называются нарушения анатомической целости или физиологической функции тканей и органов человеческого тела, вызванные механическими, физическими, химическими, инфекционными факторами или психическими инсультами. Эксперт обязан определить тяжесть повреждения согласно принятой в Уголовном кодексе классификации. К легким телесным повреждениям, не опасным для жизни, но причинившим расстройство здоровья, следует отнести такие, которые повлекли за собой или постоянную утерю трудоспособности менее одной трети, или длительное нарушение функции какого-либо органа, или какие-либо длительные заболевания, но неопасные для жизни. К легким телесным повреждениям, не причинившим расстройства здоровья, следует отнести такие, которые повлекли за собой кратковременную утрату трудоспособности или кратковременное ослабление функции какого-либо органа, или какое-либо незначительное проходящее заболевание. Под побоями понимаются множественные удары, под истязаниями — сечение розгами или другие действия, рассчитанные на причинение особенной боли. Под мучениями — действия, причиняющие потерпевшему страдания путем лишения пищи, тепла, питья и свободы способом, опасным для жизни и здоровья лишенных свободы [1].

Народный судья при приеме жалобы потерпевшего и разрешении вопроса о предании суду должен вдумчиво отнестись к квалификации преступления, чтобы не допустить какой-либо ошибки.

Следует остановиться также и на вопросе об оформлении предания суду по делам частного обвинения. В ст. 247 УПК РСФСР и соответствующих статьях УПК других союзных республик указано, что вопрос о предании суду по делам, поступившим непосредственно в суд, народный судья разрешает единолично своим постановлением. О постановлении народного судьи по вопросу о возбуждении уголовного преследования либо об отказе в этом говорится также и в ст. 28 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик. Таким образом, закон требует вынесения по этим вопросам постановления, под которым следует понимать мотивированный процессуальный документ, содержащий, в частности, указание на обстоятельства дела, на основании которых возбуждается уголовное дело. Поэтому следует признать неправильной практику некоторых народных судей, которые вместо таких постановлений ограничиваются наложением лаконичных резолюций о назначении дела к слушанию, из которых даже не видно иногда, какое деяние вменяется в вину обвиняемому.

При рассмотрении частного обвинения в судебном заседании применяется общий порядок, установленный для судебного рассмотрения уголовных дел, и перед судом стоит та же задача всесторонней, глубокой, тщательной проверки обвинения путем исследования доказательств, как и по всем другим уголовным делам.

По делам частного обвинения, поскольку по ним, как правило, предварительное расследование не проводится и обвинительное

[1] «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 8, стр. 21—22.

[2] «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 11, стр. 40.

[1] Справочник по организации здравоохранения, 1950, стр. 747—749.

заключение не составляется, на обязанности суда лежит вручить обвиняемому повестку о вызове его в суд к слушанию дела.

Уголовно-процессуальное законодательство (ст. 235 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик), устанавливая обязанность вручения обвиняемым копии обвинительного заключения не позднее чем за три дня до слушания дела, не содержит прямых указаний о сроках вручения повестки по делам, по которым предварительное расследование не производится. Однако, исходя из ст. 111 Сталинской Конституции, гарантирующей право обвиняемого на защиту, следует считать (и этого придерживается судебная практика), что по делам частного обвинения вручение повестки обвиняемому должно быть произведено также не позднее чем за три дня до слушания дела. Именно такой вывод следует сделать из указаний Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Фалевской и Соколова, осужденных по ч. 1 ст. 159 УК РСФСР. В определении по этому делу сказано: «Одним из основных начал нашего уголовного процесса, вытекающим из обеспечения законом права обвиняемого на защиту, является такое производство дела, при котором обвиняемому обеспечивается возможность подготовиться к своей защите. Отсюда — правила о вручении ему копии обвинительного заключения не позднее установленного законом срока (ст. 235 УПК РСФСР)...» «Хотя речь идет о делах, требующих предварительного расследования,— читаем мы в этом определении, — однако, эти же правила относятся к делам, по которым предварительное расследование не проводится. Это вытекает из вышеуказанного основного начала, обеспечивающего право обвиняемого на защиту...»[1].

По делам частного обвинения нередки случаи, когда обвиняемый со своей стороны подает жалобу на действия потерпевшего и требует привлечения его к уголовной ответственности, ссылаясь на то, что оскорбление или побои носили обоюдный характер и т. д.

Спрашивается, как в таких случаях должен поступить суд? В силу ст. 311 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик рассмотрение дела в судебном заседании, как известно, может проводиться лишь в отношении лиц, до открытия судебного заседания преданных суду. При возникновении обвинения в отношении лица, вызванного в суд в качестве потерпевшего, суд прежде всего должен разрешить вопрос о привлечении его к уголовной ответственности и предании суду. При этом должны быть соблюдены все указанные выше требования, относящиеся к разрешению данного вопроса, т. е. суд должен проверить, имеются ли достаточные основания для предания суду. Вопрос о привлечении к уголовной ответственности и предании суду должен быть разрешен определением суда, если такая жалоба поступила при рассмотрении дела в судебном заседании, и единоличным постановлением народного судьи в случаях поступления жалобы до слушания дела. При положительном разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела и предании суду дело должно быть отложено слушанием с тем, чтобы лицу, вновь привлеченному к ответственности, был предоставлен срок не менее трех дней для подготовки к защите.

Приведенные выше указания Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Фалевской и Соколова как раз относятся к таким именно случаям привлечения к уголовной ответственности в судебном заседании лица, вызванного по делу в качестве потерпевшего.

В законе указано, что дела частного обвинения при примирении потерпевшего с обвиняемым подлежат прекращению, причем в РСФСР, Белорусской ССР и Узбекской ССР примирение допускается только до вступления приговора в законную силу; в Украинской ССР — до момента удаления суда на совещание для постановления приговора; в Грузинской ССР — до вынесения приговора. Однако, если прокуратурой признано будет необходимым вступить в дело частного обвинения в целях охраны публичного интереса, то поддержание обвинения в этом случае принадлежит только прокуратуре, и дело не подлежит прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым.

Так, дело по обвинению Величко и Лысенко по ст. 159 УК РСФСР было возбуждено прокурором Веселовского района, который просил суд вызвать его для поддержания обвинения. Однако прокурор не был извещен о дне слушания дела, в судебном заседании не участвовал, и суд за примирением сторон прекратил это дело производством. Верховный суд СССР отменил это определение и направил дело в народный суд для рассмотрения по существу, указав: «Поскольку прокурор от обвинения не отказался, суд нарушил ст. 10 УПК РСФСР»[1].

В практике может возникнуть вопрос, в какой стадии рассмотрения дела частного обвинения прокурор может вступить в дело. По общему положению прокурор вправе вступить в дело в любой стадии процесса, и это общее положение сохраняет свою силу и для дел частного обвинения. Практически отсюда следует, что прокурор, установив в порядке надзора, что прекращенное за примирением сторон дело частного обвинения имеет публичное значение,

[1] Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда СССР, М., 1948, стр. 273—274.

[1] Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда СССР, М., 1948, стр. 447.

должен сделать представление прокурору союзной республики или Генеральному Прокурору СССР об опротестовании определения суда о прекращении дела.

Некоторые дела частного обвинения имеют такое общественное значение, что участие прокурора в них является необходимым. По таким делам суды по своей инициативе должны сообщать прокурору о времени слушания их в суде, чтобы тем самым обеспечить возможность участия прокурора в деле.

Законом (ст. 270 УПК РСФСР) установлено, что при неявке потерпевшего или представителя его интересов по делам частного обвинения дело подлежит прекращению, подсудимый, однако, вправе просить суд о рассмотрении дела по существу, и в этом случае рассмотрение дела является для суда обязательным. Поскольку в ст. 10 УПК РСФСР указано, что в случаях вступления в дело частного обвинения прокурора оно не подлежит прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым, следует считать, что при участии прокурора в деле оно не может быть прекращено и по мотивам неявки потерпевшего.

Необходимо отметить и ряд других процессуальных особенностей, связанных с рассмотрением дел частного обвинения. Так, судебное следствие по делам частного обвинения начинается чтением жалобы потерпевшего, если предварительного расследования по делу не было (ст. 279 УПК РСФСР).

Потерпевший по делу частного обвинения, являясь обвинителем и пользуясь всеми правами стороны, т. е. правом задавать вопросы подсудимому, свидетелям, экспертам, возбуждать различного рода ходатайства и т. д., в то же время может быть допрошен судом в качестве свидетеля по делу (прим. к ст. 284 УПК РСФСР). Вполне понятно, что допрос потерпевшего в качестве свидетеля целесообразнее всего проводить в начале судебного следствия для того, чтобы в дальнейшем он мог беспрепятственно осуществлять свои права стороны в процессе.

Поскольку потерпевший является обвинителем, он в соответствии со ст. 304 УПК РСФСР имеет право на участие в прениях сторон [1]. Причем по общему положению в этих случаях при отсутствии защитника право произнесения защитительной речи принадлежит подсудимому, что не лишает его права на последнее слово (ст. 309 УПК РСФСР).

[1] Согласно ст. 51 УПК РСФСР и соответствующим статьям УПК других союзных республик в качестве представителя интересов потерпевшего в тех случаях, когда ему предоставлено право поддержания обвинения, могут участвовать в деле члены коллегии адвокатов, близкие родственники потерпевшего или его законные представители, а также уполномоченные профессиональных союзов.

В ст. 10 УПК РСФСР указано, что если прокуратура признает необходимым вступить в дело в целях охраны публичного обвинения, то поддержание обвинения в этом случае принадлежит только прокуратуре. Из этого следует, что при вступлении прокурора в дело потерпевший перестает быть обвинителем в процессе и, если гражданский иск им не заявлен, он не пользуется правами стороны в процессе, в частности, не участвует в прениях сторон и не пользуется правом на обжалование приговора. В указанных случаях потерпевший участвует по делу лишь в качестве свидетеля, как это имеет место по делам публичного и частно-публичного обвинения.

В заключение следует остановиться на вопросе о том, как должен поступить суд, если он при рассмотрении дела публичного обвинения устанавливает, что действия обвиняемого должны быть квалифицированы по статьям УК, относящимся к делам частного обвинения. Такие случаи в практике встречаются довольно часто, в особенности по делам о хулиганстве, когда суд устанавливает, что в действительности в действиях обвиняемого имеется лишь состав такого преступления, как оскорбление, нанесение побоев, не носящих характера истязаний, и т. п.

Разрешение этого вопроса не представляет никаких трудностей, когда в деле имеется жалоба потерпевшего. Но, спрашивается, как же должен поступить суд при отсутствии жалобы потерпевшего? Вправе ли он продолжать производство по делу, изменив квалификацию преступления на статью УК, относящуюся к делам частного обвинения?

Вопрос этот должен получить положительное разрешение для тех союзных республик, законодательство которых предоставляет суду или судье право признать дело частного обвинения имеющим общественное значение, в случаях, конечно, когда суд по обстоятельствам дела приходит к такому выводу и выносит мотивированное определение о признании дела имеющим общественное значение. Законодательство РСФСР, Белорусской ССР и Грузинской ССР не предусматривает права суда признать по собственной инициативе дело имеющим общественное значение и не подлежащим прекращению за примирением сторон. Следовательно, в этих союзных республиках дела частного обвинения в таких случаях подлежат прекращению производством за отсутствием жалобы потерпевшего.

Но могут сказать, не означает ли самый факт возбуждения уголовного дела прокурором признания того, что дело по своему характеру имеет общественное значение и, следовательно, подлежит рассмотрению в порядке, установленном для дел публичного обвинения, даже и в том случае, если в процессе расследования или рассмотрения дела квалификация преступления бу-

дет изменена на статью УК, относящуюся к делам частного обвинения.

Такого рода рассуждения едва ли можно считать правильными потому, что изменение квалификации преступления обычно связано с определенными выводами по существу фактических обстоятельств дела и, следовательно, не всегда имеются основания для предположения, что и при изменившихся обстоятельствах дела сохраняется отношение прокурора к этому делу, как к делу, имеющему общественное значение.

В этом можно убедиться хотя бы на деле Мустафьина. Мустафьин обвинялся в том, что, находясь в столовой сельпо в нетрезвом состоянии, произвел хулиганские действия, выражался нецензурными словами, оскорбил буфетчицу столовой Файзельханову, брошенными в нее счетами попал в бутыль с водкой, которая вылилась, ударил Закирова. Исходя из таких фактических обстоятельств дела, прокурор возбудил уголовное преследование против Мустафьина, квалифицировав его действия по ст. 74, ч. 2, УК РСФСР. Но при рассмотрении этого дела Верховный суд Башкирской АССР пришел к выводу, что причиной всего случившегося являются неправильные действия буфетчицы Файзельхановой, которая, не разобравшись, кто не уплатил деньги за обед, сняла с Мустафьина фуражку, чем оскорбила его публично, и на этой почве между ними произошла ссора. Не ясно ли, что при этих совершенно иных фактических обстоятельствах дела нет никаких оснований полагать, что прокурор сохранит свое отношение к этому делу, как к делу, имеющему общественное значение, и требуется какое-то положительное действие со стороны прокурора, подтверждающее признание им дела частного обвинения имеющим общественное значение.

Иногда на практике возникает вопрос, вправе ли потерпевший по делу частного обвинения подать кассационную жалобу на оправдательный приговор, а также на обвинительный приговор по мотивам излишней его мягкости. Вопрос этот должен быть разрешен положительно, так как в силу ст. 10 и п. 6 ст. 23 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик потерпевший пользуется всеми правами стороны в процессе, следовательно, и правом подачи кассационной жалобы на мягкость приговора. Этот вопрос разрешен постановлением Пленума Верховного суда СССР № 20/7У от 22 мая 1941 г. Право «на обжалование оправдательного приговора, — читаем мы в этом постановлении, — как приговора, отвергающего виновность подсудимого, принадлежит той стороне, которая по закону обладает правом поддержания обвинения в суде».

Советский закон возлагает на суд защиту личности советского гражданина, его чести и достоинства. В соответствии с этим суд должен вести борьбу со всякого рода посягательствами на личность советского человека.

Применяя меры наказания к лицам, виновным в подобного рода нарушениях правил социалистического общежития, суд должен обеспечить определенное воспитательное воздействие судебного процесса и самого приговора. Всей своей деятельностью суд должен способствовать искоренению пережитков капитализма в сознании людей, внедрению нового быта, новой, социалистической культуры, внедрению правил социалистического общежития.

О Б М Е Н О П Ы Т О М

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ РАБОТЫ УПРАВЛЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РСФСР ПРИ ЧКАЛОВСКОМ ОБЛАСТНОМ СОВЕТЕ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

На протяжении последних лет работа Чкаловского областного управления МЮ РСФСР была неудовлетворительной. Бывший начальник управления МЮ, продолжительное время работавший в этой должности, свыкся с недостатками и не принимал необходимых мер к улучшению деятельности судебных органов области. В народных судах были большие остатки неразрешенных гражданских дел, многие дела рассматривались несвоевременно. Областным судом отменялась почти половина обжалованных и опротестованных решений народных судов и четвертая часть обжалованных и опротестованных приговоров.

Неудовлетворительная работа управления МЮ и судебных органов области объяснялась тем, что руководство управления работало в отрыве от областных и районных руководящих советских и партийных органов: не информировало их о состоянии дел в органах юстиции, не ставило вопросов, вытекающих из судебной практики. Руководство управления не уделяло должного внимания подбору, расстановке и воспитанию кадров, не вело борьбы за строгое соблюдение государственной дисциплины, не осуществляло конкретного руководства судебными органами, не поддерживало должной связи в работе с областными судами.

За последние полтора—два года, с момента прихода на должность новых начальника управления МЮ т. Булаева и председателя суда т. Дубенского, деятельность управления, областного суда и народных судов значительно улучшилась, повысился организационный и политический уровень их работы, из квартала в квартал улучшается качество рассмотрения уголовных и гражданских дел. В первом квартале 1952 года у половины народных судей области не было отмены приговоров, у четвертой части их не было отмены решений. Обращает внимание высокое качество работы молодых судей — молодых специалистов, впервые избранных: почти все они не имеют отмены приговоров, вынесенных под их председательством.

Коллегия Министерства юстиции РСФСР, обсудив итоги ревизии Чкаловского управления МЮ и доклад т. Булаева, отметила, что достигнутые управлением МЮ успехи являются результатом большой и кропотливой работы, проделанной им и его начальником т. Булаевым, коллективом областного суда и председателем суда т. Дубенским. Коллегия МЮ РСФСР одобрила положительный опыт работы Чкаловского управления МЮ и признала его заслуживающим распространения. Министр юстиции РСФСР за хорошую работу объявил благодарность начальнику управления МЮ т. Булаеву, старшему ревизору т. Маркианович, старшему консультанту Васильеву, консультанту по судебной статистике т. Борисенко, председателю областного суда т. Дубенскому, членам областного суда тт. Шевкопляс, Маховых, Куц и Козлову. Все они представлены Министру юстиции СССР к премированию.

Методы работы Чкаловского областного управления должны вызвать интерес практических работников органов юстиции.

Приняв дела управления МЮ, т. Булаев поставил задачу перестроить работу так, чтобы деятельность управления и народных судов более успешно содействовала выполнению хозяйственно-политических задач, стоящих перед трудящимися области и советскими и партийными организациями.

Областными руководящими органами в течение последних двух лет трижды обсуждалась работа судебных органов области. Районные руководящие организации глубоко вникают в работу судов и оказывают им повседневную помощь.

Внимание руководящих организаций области и районов к работе народных судов повысило авторитет судей, способствовало правильному разрешению судебных дел и воспитанию народных судей в духе большевистской принципиальности при разрешении судебных дел.

Руководствуясь указаниями товарища Сталина, что нет плохих учреждений, а есть плохие руководители, что кадры, люди решают успех дела, управление МЮ уделяло большое внимание подбору, расстановке и воспитанию кадров.

На должность заместителя начальника управления МЮ был выдвинут т. Шевеленко — один из лучших судей г. Чкалова, имеющий высшее юридическое и педагогическое образование и опыт судебной работы. Заместителем начальника управления по отделу народных судов выдвинут т. Мягков — также один из лучших судей области.

Из аппарата управления были освобождены люди, скомпрометировавшие себя, потерявшие чувство нового, не обладающие

большевистской принципиальностью и настойчивостью.

Однако меры дисциплинарного воздействия не являлись основным методом воспитания кадров и укрепления трудовой и государственной дисциплины. Главным в этом деле управление МЮ считало идейно-политическое воспитание кадров, повышение их деловой квалификации, воспитание в духе высокой требовательности к выполнению порученного дела.

Управление МЮ наладило связь с секретарями первичных партийных организаций народных судов и интересуется учебой работников суда в сети партийного просвещения; по окончании учебного года оно получает сообщения от секретарей первичных партийных организаций, с какими результатами окончен учебный год каждым работником.

Все народные судьи охвачены производственной учебой. В 1950—1951 гг. ряд народных судей окончил заочное юридическое образование, часть народных судей обучается в заочном юридическом институте и в заочной юридической школе. В 1950—1951 гг. 20 народных судей закончили ленинградские девятимесячные курсы переподготовки юристов.

Ежеквартально проводятся кустовые семинарские занятия народных судей, тематика которых составляется с учетом характера поступающих дел в народные суды и ошибок, допускаемых народными судьями при их разрешении. Кроме систематически проводимых семинарских занятий для оперативных работников управления, областного суда и народных судей г. Чкалова, организованы постоянно действующие семинары в городах Чкалове, Бузулуке, Бугуруслане и Орске. Занятия на этих семинарах проводятся еженедельно по специально разработанной тематике.

Управление МЮ успешно решает задачу вовлечения всех судебных работников сельских районов и городов с небольшим количеством судебных участков в работу по повышению деловой квалификации.

Совместно с областной прокуратурой и управлением МГБ в ряде районов организованы объединенные семинары работников суда, прокуратуры и милиции. К участию в семинарах привлекаются судебные исполнители и народные заседатели, на которых возлагаются обязанности народных судей.

Путем семинарских занятий осуществляется юридическая подготовка судебных исполнителей народных судов городов Чкалова, Орска, Бузулука и Бугуруслана, а для остальных судебных исполнителей разработаны индивидуальные планы повышения общеобразовательного уровня и деловой квалификации с учетом подготовки и качества работы судебного исполнителя.

Работа Чкаловского управления МЮ по организации семинаров заслуживает особого внимания в связи с тем, что при проведении семинарских занятий им во многом удалось избежать формализма и школярства. Если ранее занятия только назывались семинарскими, а на самом деле проводились лекции и доклады, при которых все, кроме лектора, пассивно воспринимали материал, сейчас к занятиям готовятся в равной степени все участники. Заранее сообщаются тема и литература к ней, выделяется руководитель занятий по данной теме. Этот метод проведения занятий заставляет всех слушателей серьезно готовиться к занятиям, так как любой из них участвует в обсуждении вопроса. Семинарские занятия подчинены практическим потребностям судебных работников. Управление МЮ добилось такого положения, что занятия стали способствовать улучшению судебной работы.

Во исполнение указания Министерства юстиции СССР от 25 июня 1949 г. организовано изучение народными судьями «Библиотеки народного судьи». С участием народного судьи составлен индивидуальный план изучения «библиотеки» и определен срок. Проверка усвоения судьей книг «библиотеки» проводится работниками управления и членами областного суда, о чем составляется специальная справка.

В г. Чкалове систематически работает лекторий для народных заседателей народных судов и областного суда. Силами руководящих работников судебных и прокурорских органов народным заседателям прочитан цикл лекций.

Управлением МЮ внесены некоторые изменения в порядок прохождения производственной практики народных судей. В индивидуальный план практики включается не только практический разбор дел тех или иных категорий, но также и изучение под руководством члена областного суда законодательного материала и других теоретических вопросов, по которым народный судья допускал ошибки. После практики в областном суде народный судья проходит практику в управлении по вопросам организации работы суда, обобщения судебной практики, кодификационно-справочной и статистической работы и работы судебного исполнителя. Результаты практики обсуждаются на оперативном совещании, и судье даются указания, как он должен работать над собой в дальнейшем.

Прохождение практики благотворно сказывается на улучшении качества работы народного суда. Так народный судья Екатериновского района т. Веденин до прохождения практики имел большой процент отмены приговоров и решений, а после практики в течение года добился оставления в силе всех обжалованных и опротестованных приговоров и решений. То же можно сказать и о народном судье 1-го участка Соль-Илецкого района т. Юркове и других.

Вновь принимаемые работники на должности судебных исполнителей и секретарей народных судов обязательно проходят двухнедельную практику у опытных судеб-

ных исполнителей и секретарей судов в г. Чкалове. По результатам практики руководитель дает письменное заключение, и в отделе кадров проводятся собеседования. Такая работа с вновь подобранными судебными исполнителями и секретарями судов себя полностью оправдывает. Новые работники, восприняв хорошие образцы работы опытных судебных исполнителей и секретарей судов, по их примеру строят работу у себя. Управление МЮ провело областное совещание секретарей народных судов и семинарские занятия для изучения инструкции по делопроизводству, организовало изучение на местах всеми работниками канцелярии суда инструкции по делопроизводству и указаний по вопросам организации работы народного суда. В большинстве народных судов секретари под руководством судей изучили книгу «Организация работы народного суда». Аттестация судебных исполнителей, подбор их с участием местных руководящих органов помогли укрепить кадры судебных исполнителей и улучшить работу по исполнению судебных решений.

Лучшие работники юстиции области поощрялись. В 1951 году была объявлена благодарность многим народным судьям, приказы об этом были разосланы всем народным судьям области. Народные судьи тт. Метальников, Веденин и Салихов премированы Министром юстиции СССР.

Отмечалась хорошая работа судебных исполнителей. За последние полтора года несколько судебных исполнителей награждены ЦК профсоюза государственных учреждений и Министром юстиции СССР грамотами. Лучших судебных исполнителей тт. Якунина и Маракулина трудящиеся района избрали народными судьями.

Была отмечена хорошая работа секретарей народных судов: 2-го участка Дзержинского района т. Матвеевой, 1-го участка Дзержинского района т. Беловой, Грачевского района т. Гончаровой, которым Министром юстиции СССР объявлена благодарность и выдана денежная премия.

Поощрение лучших работников, выдвижение их на высшую должность явились важным средством воспитания кадров юстиции области, содействовали улучшению работы, повышали чувство ответственности за порученное партией и государством дело.

Управление МЮ не только выявляло хорошо работающих судей, секретарей и судебных исполнителей, но заботилось о распространении этого опыта. Воспитание всех работников на положительных образцах деятельности других являлось одним из основных методов работы управления МЮ.

Распространение положительного опыта работы не ограничилось только рассылкой приказов и писем. В отстающие суды выезжали хорошо работающие судьи для обмена опытом работы. Данное мероприятие дало положительные результаты. Например, народный судья Ново-Сергеевского района т. Севостьянов заявил, что советы, полученные им по вопросам организации работы от посетившего его народного судьи т. Веденина, положительно сказались на всей организационной работе народного суда.

В первом квартале 1952 года в народный суд Кувандыкского района, который был в числе отстающих, была направлена бригада в составе народного судьи г. Медногорска т. Кручининой, судебного исполнителя 1-го участка Дзержинского района т. Косыревой и секретаря народного суда 3-го участка Кагановичского района т. Зинченко. Бригада ознакомилась с работой народного суда, поделилась опытом своей работы и оказала практическую помощь.

В целях обмена опытом положительной работы управление МЮ издало три бюллетеня о ходе социалистического соревнования судебных исполнителей и нотариальных контор и два сборника о положительной работе народных судов.

Перед нами сборник № 2 по обмену опытом работы народных судов области. Наряду с отдельными недостатками сборник имеет несомненные достоинства. В сборнике напечатаны статьи народного судьи Екатериновского района т. Веденина «Мой опыт изучения судебной практики и рассмотрения дел», народного судьи Мордово-Боклинского района т. Носырева «Как я добился высокого качества рассмотрения гражданских дел», народного судьи 2-го участка Дзержинского района т. Бутовского «Как я учусь». Народные судьи на конкретных примерах своей работы показывают, как они добились хороших результатов в судебной практике. В этом ценность заметок судей. Вторая половина сборника посвящена обмену опытом работы аппаратов народных судов и улучшению делопроизводства. Здесь опубликованы заметки народного судьи 1-го участка г. Соль-Илецка т. Юркова и письма лучших секретарей народных судов Грачевского и Ново-Сергеевского районов тт. Гончаровой и Пореневой.

Управление МЮ практикует посылку запросов народным судьям о том, как они внедряют в своей работе положительный опыт, популяризируемый журналом «Социалистическая законность», предлагает обсуждать конкретные статьи с коллективом народного суда.

Следует порекомендовать управлению МЮ, чтобы оно чаще практиковало заслушивание и обсуждение докладов лучших народных судей, судебных исполнителей, нотариусов, секретарей на областных и кустовых совещаниях и оперативных совещаниях в управлении МЮ.

Серьезным экзаменом для управления МЮ и судебных органов области явились очередные выборы народных судов.

Выборы народных судов, проведенные на основе Сталинской Конституции и совет-

ского избирательного закона, укрепили состав народных судов. В состав народных судей и народных заседателей избраны лучшие сыны и дочери народа, имеющие не только формальное, но и моральное право судить других.

Управлением МЮ было учтено то обстоятельство, что на судебную работу пришло немало новых людей.

Совместно с областным судом управление МЮ разработало мероприятия по работе с вновь избранными народными судьями. В числе этих мероприятий были предусмотрены и проведены повторные выезды оперативных и руководящих работников к вновь избранным народным судьям, совещания молодых судей и т. д.

Учитывая, что качество работы судов по гражданским делам было неудовлетворительным, что нарушение и незнание требований закона о порядке досудебной подготовки гражданских дел являлось одной из основных причин вынесения народными судами недостаточно убедительных решений, затем отменяемых вышестоящими судами, областным судом было подготовлено, а управлением МЮ издано пособие народным судьям по предварительной подготовке гражданских дел к слушанию. Это пособие особенно оказало помощь вновь избранным народным судьям.

Гордостью нашей советской юстиции является установленная ст. 29 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик обязанность народного судьи систематически отчитываться перед избирателями в своей работе и работе народного суда. Подобного рода порядка не знает и не может знать ни одна судебная система в мире. Народный судья смело идет к народу, чтобы рассказать о своей деятельности и выслушать критические замечания.

Управлением МЮ с помощью областных, городских и районных руководящих органов были приняты меры к активизации работы всех народных судей области по отчетам перед избирателями. Собрания рабочих, служащих, колхозников с отчетами народных судей проходили на высоком политическом уровне, на них подвергались критике недостатки в работе судов, высказывались пожелания и предложения по улучшению их работы.

Критические замечания и пожелания избирателей содействуют дальнейшему улучшению деятельности судов по укреплению социалистической законности, усилению охраны прав и интересов граждан, ликвидации случаев волокиты и бюрократизма в работе судов.

Совершенно правильно поступило управление МЮ, когда оно приняло меры к тому, чтобы народные судьи немедленно устранили недостатки в своей работе, отмеченные избирателями.

Управление МЮ обобщило и учло все замечания и предложения избирателей и совместно с областными руководящими органами разрабатывает и проводит в жизнь мероприятия по дальнейшему улучшению работы судов.

Одной из причин плохой прежней работы судебных органов области, как указывалось, являлось отсутствие конкретного, дифференцированного руководства судебными органами. В целях устранения этих недостатков управление МЮ повысило ответственность ревизоров за работу народных судов, за которыми они закреплены. Учетно-статистическая работа в управлении МЮ организована по зонам. Ревизоры ежемесячно анализируют состояние работы народных судов и принимают оперативные меры по поводу выявленных недостатков в работе. На оперативных совещаниях при начальнике управления МЮ по предложению ревизоров периодически обсуждаются итоговые данные о работе того или иного участка народного суда.

Серьезное внимание было уделено руководством управления МЮ улучшению ревизионной работы — основной деятельности управления, направленной на осуществление контроля над работой судов и оказание им помощи в работе. Наряду с тем, что в 1951 году управление с помощью областного суда обревизовало все народные суды области, были достигнуты некоторые результаты в улучшении качества ревизии. Удалось изжить созерцательный характер ревизий, добиться того, что ревизоры в процессе ревизий не ограничивают свою роль вскрытием недостатков, а центр тяжести ревизионной работы переносят на устранение отмеченных недостатков, на оказание всемерной помощи народным судьям в улучшении их работы, на воспитание кадров. Ревизоры во время ревизий совместно с народным судьей проводят обобщение судебной практики по одной из важнейших категорий дел, чтобы научить народного судью проведению этой работы. Ревизоры присутствуют на отчетных собраниях, после которых разбирают с народным судьей недостатки его доклада и помогают их устранению. В ряде случаев ревизоры принимали меры к устранению вскрытых ими недостатков в работе других организаций и ведомств, мешающих нормальной деятельности суда. Проводились совещания и с работниками районного финансового отдела, уполномоченного Министерства заготовок и другими, на которых обсуждались недостатки их работы. По итогам ревизии не раз проводились совместные совещания с судебными и прокурорско-следственными работниками, на которых подвергались критике недостатки следствия, влияющие на работу суда.

Акты ревизии народных судов обсуждаются на оперативных совещаниях, в которых обязательно участвуют обревизованные народные судьи и судьи соседних участков. Итоги многих ревизий заслушаны в руководящих районных органах. К каждому акту ревизии прикладывается кон-

трольный лист с указанием сроков и способа последующего контроля над работой народного суда и над выполнением указаний ревизора.

Управление МЮ практикует выезды в народные суды не только для общей ревизии, но и для оказания помощи по отдельным вопросам. Например, в Ташлинском и Павловском народных судах была большая отмена гражданских дел в связи с тем, что народные судьи тт. Петрикеева и Пальчикова в результате плохой организации работы народного суда систематически нарушали требования ст. 98 ГПК при разрешении гражданских дел. В эти суды были командированы работники управления тт. Маркианович и Васильев, которые помогли народным судьям наладить организационную работу и устранить указанные недостатки.

В народных судах Ново-Орского и Ворошиловского районов были большие остатки неразрешенных дел. Выехавшие на место товарищи обнаружили, что народные судьи Удиванов и Шорин неправильно планируют рабочее время. Им была оказана на месте помощь, и остаток неразрешенных дел доведен до минимума.

Система выездов для оказания помощи по отдельным вопросам себя полностью оправдала, ибо она отличается оперативностью и конкретностью руководства. В последнее время управление МЮ перешло от подведения итогов работы по кварталам к ежемесячному.

Областной суд регулярно представляет управлению МЮ копии определений кассационных коллегий областного суда по каждому отмененному приговору и решению, по которым управление МЮ принимает немедленно необходимые меры.

Правильно организованное и хорошо сделанное обобщение судебной практики является важным средством улучшения работы судов. Управление МЮ регулярно обобщает судебную практику по делам о хищениях и растратах социалистической собственности, о хулиганстве, о невыработке колхозниками обязательного минимума трудодней, о прогулах и самовольных уходах с предприятий, по искам о выселении, по искам районных уполномоченных министерств заготовок и по ряду других.

Результаты обобщения, как правило, обсуждаются на семинарах народных судей. Вытекающие из обобщения вопросы ставятся перед партийными и советскими органами.

Например, по итогам одного обобщения было доведено до сведения руководящих областных органов о том, что в ряде районов неправильно предъявляются МТС иски к колхозам. По другому обобщению были внесены предложения по борьбе с самовольным уходом с предприятий. Оба эти вопроса были обсуждены руководящими областными органами. По представлению управления МЮ исполком областного совета рассмотрел вопрос о фактах нарушения Устава сельскохозяйственной артели в колхозах и принял соответствующее решение. По ряду обобщений были сделаны представления областному прокурору, в областное управление сельского хозяйства, областной отдел здравоохранения, областной торговый отдел и в другие областные организации.

Управление МЮ практикует обобщение отдельных категорий дел непосредственно на месте, при выезде в народные суды. Например, консультант отдела народных судов т. Васильев выезжал с этой целью в народные суды г. Медногорска и на месте провел обобщение по делам о прогулах и самовольном уходе с производства. Преимущество такого обобщения заключается в том, что обобщающий пользуется не только письменным материалом в виде судебных дел, а дополняет свои впечатления посещением предприятий; по выводам, вытекающим из обобщения, он имеет возможность информировать местные партийные, советские и профсоюзные органы для принятия мер к исправлению обнаруженных недостатков.

Улучшению работы народных судов во многом содействовала хорошая работа областного суда и деловая связь в работе управления МЮ и областного суда. Председателем Чкаловского областного суда год тому назад был избран т. Дубенский — один из лучших народных судей Ленинграда, неоднократно отмеченный за хорошую работу приказами МЮ СССР.

Тов. Дубенский, несмотря на то, что до этого не имел опыта руководящей судебной работы, успешно справляется со своими обязанностями. С момента его прихода в областной суд значительно активизировалась работа по оказанию помощи управлению МЮ в улучшении работы народных судов.

На совместных оперативных совещаниях работников управления и членов областного суда регулярно подвергается анализу работа каждого народного суда, и здесь же по каждому суду намечаются мероприятия, которые необходимо провести, чтобы помочь судье устранить недостатки.

Члены областного суда систематически выезжают в народные суды, участвуют в ревизиях и проверках. Члены суда — обычные участники семинаров для народных судей.

В г. Чкалове за каждым народным судьей закреплен член областного суда, который оказывает судье систематическую помощь. В результате этого удалось намного улучшить работу ряда народных судов.

Серьезная работа проделана областным судом по созданию пособия для народных судей по предварительной подготовке гражданских дел.

Таковы основные мероприятия, проводимые управлением МЮ по Чкаловской области по улучшению работы народных судов.

Было бы неправильным представлять себе, что в работе управления МЮ и народных судов Чкаловской области нет недостатков. Некоторые народные суды г. Чкалова допускают элементы формализма при разрешении гражданских жилищных дел, в некоторых народных судах велики сроки разрешения дел и жалоб. Управление МЮ не всегда доводит до конца намеченные мероприятия, несвоевременно реализует итоги ревизии народных судов, не разобралось в причинах применения судами ст. ст. 51 и 53 УК РСФСР к значительной части осужденных по указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Мало уделялось внимания управлением МЮ органам нотариата и адвокатуры области.

Задача работников юстиции Чкаловской области состоит в том, чтобы устранить имеющиеся недостатки, совершенствовать стиль и методы своей работы, неустанно добиваться новых успехов.

Заместитель Министра юстиции
РСФСР **Г. Анашкин**

НЕРАЗРЫВНАЯ СВЯЗЬ С МАССАМИ — ПЕРВЕЙШАЯ ОБЯЗАННОСТЬ НАРОДНОГО СУДЬИ

Быть на высоте задач, поставленных народом, оправдать его доверие, пользоваться уважением с его стороны может только тот народный судья, который всегда связан со своими избирателями, постоянно ощущает контроль с их стороны. Вот почему Закон о судоустройстве (ст. 29) предусматривает отчетность народного судьи перед избирателями в своей работе и в работе народного суда. Отчитываться перед населением, постоянно укреплять связь с избирателями — одна из важнейших обязанностей каждого народного судьи.

Рассматривая дела, суд оказывает огромнейшее влияние как на привлекаемых к ответственности, так и на присутствующих, говорил т. Калинин в своей речи, посвященной десятилетию Верховного суда СССР. Подобное влияние оказывают и отчетные доклады народных судей и доклады о социалистической законности. Они подымают общественное мнение на борьбу за устранение преступности. Народный судья, популяризируя свою работу, разъясняя советские законы, содействует более успешной борьбе с преступностью.

Отчеты народных судей являются средством ознакомления населения с задачами, стоящими перед судами, и с тем, как эти задачи судом выполняются. Отчеты народных судей обеспечивают контроль со стороны широких масс над деятельностью народного суда.

В своих трудах Ленин и Сталин учат нас поддерживать нерушимую связь с массами, укреплять эту связь.

Обязанность судьи — постоянно общаться с массами, прислушиваться к голосу масс, учиться у них, проверять на этом правильность своих действий и проводимой судом борьбы за укрепление социалистической законности. Судья, общаясь с массами, узнает их запросы, он должен откликаться на их нужды и запросы, на их критику и пожелания. Тесная связь с избирателями повышает чувство ответственности судьи за порученное дело, дисциплинирует его, является источником постоянного совершенствования своей работы.

Подавляющее большинство народных судей систематически отчитывается перед избирателями.

Народными судьями Астраханской, Великолукской, Вологодской, Грозненской, Ульяновской областей и Башкирской АССР сделано большое число отчетов перед избирателями. Улучшили работу по отчетам перед избирателями и народные суды Воронежской, Кировской, Куйбышевской, Калужской, Ленинградской, Орловской, Курганской и других областей.

Отчетные доклады проводятся на предприятиях, учреждениях, в колхозах, совхозах, МТС, лесоучастках, в различных населенных пунктах.

В своих отчетных докладах судьи рассказывают избирателям о принципах работы советского суда, его карательной и воспитательной роли. Используя конкретные факты, они разоблачают подлинное лицо буржуазной юстиции, которая жестоко расправляется с прогрессивными деятелями, с борцами за мир и безопасность народов. На примерах конкретных дел из судебной практики они разъясняют советские законы и их значение в борьбе с пережитками капиталистического прошлого, в коммунистическом воспитании масс. Они показывают, как народные суды борются с ворами, хулиганами, спекулянтами и другими нарушителями советских законов, как, сурово карая действительных преступников, они тщательным выяснением всех обстоятельств не допускают осуждения необоснованно привлеченных к уголовной ответственности. Народные судьи подробно останавливаются и на характере гражданских дел и на том, как суды восстанавливают нарушенные личные, имущественные, жилищные и другие права граждан.

На отчетных собраниях присутствует много трудящихся. С большим вниманием выслушав доклады судей, многие из них задают вопросы и выступают по докладам. Наибольшее число вопросов относится

к области трудовых отношений и связаны с правом администрации на увольнение рабочих и служащих, с оплатой труда, исчислением стажа работы, сверхурочной работой и т. п. Значительный интерес проявляется избирателями и к вопросам брачно-семейного и наследственного права, жилищного законодательства, к вопросам возмещения ущерба. Избиратели интересуются размерами ответственности, установленной за преступные действия, в том числе за хулиганство, за хищение государственной и общественной собственности, за нарушение правил советской торговли (обмеривание и обвешивание), за преступное нарушение трудовой дисциплины.

Отличительной чертой выступлений избирателей является их высокий идейно-политический уровень, государственный подход к оценке роли и деятельности судебных органов. Выступления избирателей проникнуты непримиримостью к недостаткам и заботой об улучшении работы судов. Положительно характеризуя и одобряя в целом работу народных судов в их борьбе с преступностью и за укрепление социалистической законности, избиратели подвергают критике имеющиеся недостатки, допущенные судами ошибки, подсказывают пути и методы их устранения и недопущения в последующей работе.

Что прежде всего подвергается критическим замечаниям, на какие недостатки и ошибки обращают внимание избиратели, какие вносят они предложения, чего требуют от народных судей?

Чаще всего критика касается организации работы народных судов, своевременности начала судебных заседаний, рассмотрения дел, исполнения решений и разрешения жалоб. Рабочий фабрики имени Дзержинского т. Жуков по отчету народного судьи т. Барбакадзе (2-го участка Пушкинского района Московской области) сказал: «Существенным недостатком в работе суда является неуменье регулировать время для рассмотрения дел. Свидетели вызываются на определенный час и вынуждены ждать долгое время, так как рассмотрение дел затягивается». За это же критиковали народные суды 2-го участка Кривандинского и 1-го участка Звенигородского районов Московской области избиратели Семенов и Ровинский. На собрании избирателей Пожевского сельского совета Чермозского района Молотовской области по отчету народного судьи т. Черенцова работник сельпо т. Багаутдинов указал: «Народный суд вызывает по повесткам к 10 часам утра, а ожидать иногда приходится до вечера, судебное заседание начинается позже на несколько часов. Нужно завести такой порядок, чтобы не терять зря рабочее время». Избиратели особенное внимание обращают на необходимость своевременного рассмотрения дел, правильно оценивая этот фактор, обеспечивающий политический эффект от всей судебной работы.

Серьезной критике подвергалась работа отдельных судов по исполнению судебных решений. На собрании работников Кучинского птицерассадника избиратель т. Вислоушкин по отчетному докладу народного судьи 3-го участка Балашихинского района Московской области сказал: «Судебный исполнитель затягивает исполнение судебных решений. Приходится неоднократно обращаться по этому поводу к народному судье, но должных мер с его стороны не принимается». На грубое отношение со стороны судебного исполнителя народного суда 5-го участка Пушкинского района Московской области обратила внимание избиратель т. Соколова. По отчетному докладу т. Выгузова (народный суд 1-го участка Ворошиловского района Молотовской области) на собрании членов Усольской артели им. Чкалова избиратель т. Клопов указал на плохую работу судебного исполнителя: «По делу Ворониной, растратившей 24 000 руб., была произведена опись имущества, но судебный исполнитель приступил к его реализации спустя год после вынесения приговора, когда уже все ценное было изношено и пришло в негодность». Избиратель т. Ямов, выступая по отчетному докладу народного судьи 1-го участка г. Соликамска Молотовской области т. Субботина, сказал: «Большим недостатком в работе суда является длительное неисполнение многих судебных решений».

Острую реакцию встречают факты бюрократизма, проявляющегося в бездушном отношении к жалобам, заявлениям и письмам трудящихся, в бессодержательных отписках на них. Избиратель т. Скворцова на собрании членов Томилинской перчаточной артели (Московская область) в своем выступлении по отчетному докладу народного судьи т. Петровой обратила внимание на то, что поданные в народный суд заявления и жалобы долго не разбираются и ответы даются с большой задержкой. На этом же собрании т. Гурин отметил грубое и нечуткое отношение работников суда к некоторым посетителям. Собрание рабочих и служащих Кунгурского завода по отчетному докладу народного судьи 1-го участка г. Кунгура (Молотовской области) т. Рубяновой в своем постановлении предлагает «работникам суда быть более отзывчивым к жалобам трудящихся, разбирать каждую поступающую жалобу в установленные сроки и давать на них исчерпывающие ответы».

На собраниях рабочих и служащих Потевского завода, завода им. Молотова, древесно-массового завода г. Краснокамска (Молотовской области), Орского горпищекомбината (Чкаловская область) по отчетным докладам народных судей приводились факты неправильного разрешения судами отдельных дел, благодушного отношения к преступникам, в частности, к расхитителям государственного добра и хулиганам, отсутствия предупредительных мероприятий в борьбе с преступностью, редкого прове-

дения выездных сессий по наиболее важным делам.

Придавая должное значение ознакомлению народных заседателей с советскими законами, как одному из средств более активного их участия при рассмотрении дел и правильного их разрешения, многие избиратели упрекали тех судей, которые не проводят занятий с народными заседателями. Об этом говорили избиратели в адрес народного судьи т. Пятницкой (Ордынский район Молотовской области), народного судьи т. Козловой (1-го участка Орджоникидзевского района г. Молотова).

На собрании работников Чусовского городского исполкома по отчетному докладу народного судьи 1-го участка г. Чусовой т. Радченко избиратель т. Никепелов заявил: «Некоторые заседатели слабо разбираются в законах, недостаточно активны в судебных заседаниях, а народный судья мало занимается с ними, не знакомит их с особенностями работы суда. Делу подготовки народных заседателей нужно уделить больше внимания».

Население проявляет живейший интерес к отчетным докладам народных судей и прежде всего критикует тех из них, кто слабо связан с избирателями, кто редко выступает с отчетами о своей работе и не проводит работы по популяризации советских законов. Такой критике подверглись народные судьи 8-го участка г. Молотова т. Горшкова (избиратель Солодников), 4-го участка г. Чусовой т. Денисова (избиратель Меркулов) и др.

В своих выступлениях советские граждане требуют от народных судов дальнейшего улучшения качества разрешения гражданских и уголовных дел, полностью устранить факты волокиты при рассмотрении дел, усилить контроль над работой судебных исполнителей, не допуская задержки в исполнении судебных решений.

Касаясь вопроса о правильном и своевременном исполнении судебных решений, работники Молотовской межобластной базы снабторга предложили народному судье 3-го участка Кагановичского района г. Молотова т. Осиповой провести несколько совещаний бухгалтеров для разъяснения им порядка исполнения судебных решений по исполнительным листам, находящимся в организациях.

Большой интерес со стороны трудящихся к социалистической законности находит свое выражение в том, что почти на всех собраниях выносятся постановления, обязывающие народных судей чаще выступать с отчетными докладами и с докладами на правовые темы.

Вот выступления избирателей по этому вопросу. На общем собрании шахтоуправления треста «Красноармейскуголь» по отчетному докладу народного судьи 3-го участка Донского района Московской области т. Секлетовой избиратель т. Фатихов говорит: «Одним из недостатков работы народного суда является то, что народный судья мало провел докладов о социалистической законности». Тов. Петров—народный заседатель — на общем собрании Малаховского экспериментального завода «Гипроуглемаш» по отчетному докладу народного судьи 2-го участка Ухтомского района Московской области говорит о необходимости усиления массово-разъяснительной работы среди населения в целях снижения преступности. Избиратель т. Костина на собрании рабочих, инженерно-технических работников и служащих швейного цеха фабрики имени Дзержинского по отчетному докладу народного судьи 2-го участка Пушкинского района Московской области т. Барбакадзе высказала следующее: «Мое пожелание, чтобы у нас чаще проводились беседы в обеденные перерывы на темы о правах граждан, об охране социалистической собственности и другим вопросам. Это поможет нам воспитывать людей в духе социалистической сознательности». Общее собрание граждан Измалковского сельского совета Кунцевского района Московской области по отчетному докладу народного судьи 5-го участка т. Ивановой высказывает пожелание народному судье «как можно чаще организовывать выездные сессии народного суда и доклады на юридические темы». Общее собрание избирателей — рабочих, инженерно-технических работников и служащих прядильно-ткацкой фабрики Щелковского прядильно-ткацкого и отделочного комбината Московской области по отчетному докладу народного судьи 1-го участка Щелковского района т. Лобановой в своем постановлении записало: «Общее собрание обращает внимание на то, что на хлопчатобумажном комбинате мало проводится работы по разъяснению советских законов, особенно трудового законодательства. Общее собрание предлагает народному судье чаще отчитываться в своей работе и в работе народного суда перед избирателями, систематически проводить доклады и беседы по разъяснению рабочим советских законов, привлекая к этому всех работников юстиции г. Щелково». На собрании избирателей жильцов общежития шахты имени Ленина в г. Кизель Молотовской области молодой избиратель т. Шестовский, обращаясь к судье 3-го участка т. Кочегаровой, сказал: «Мы, молодежь, просим вас включить в план своей работы проведение лекций среди молодежи о правах и обязанностях советского гражданина и по другим вопросам нашего советского законодательства».

Выражая волю народа, выступающие по отчетным докладам давали наказ судам не ослаблять борьбы с ворами, хулиганами и другими противообщественными элементами.

Так в своих выступлениях избиратели, правильно оценивая общественную опасность хулиганства, особенно заостряют вопрос о необходимости усиления мер борьбы с этим видом преступлений. По отчетному докладу народного судьи 3-го участка

Загорского района Московской области т. Петрунина избиратель т. Безукладов заявил: «Я прошу суд применять более строгие меры к хулиганам». Тов. Корнеева, выступая на собрании рабочих Михневского торфопредприятия по отчетному докладу народного судьи 6-го участка Раменского района Московской области т. Пижонкова, сказала: «Народному суду нужно вести решительную борьбу с хулиганством и сурово карать нарушителей общественного порядка». Пожелания об усилении мер борьбы с хулиганством высказывают избиратели: т. Зибров — на общем собрании избирателей поселка Захарково по отчетному докладу народного судьи 1-го участка г. Тушино т. Кудрявцевой; т. Клочков — на собрании рабочих, инженерно-технических работников и служащих экспериментального завода по отчетному докладу народного судьи 2-го участка Кунцевского района т. Марченко; т. Капустин — на собрании рабочих и служащих Звенигородского хлебокомбината по отчетному докладу народного судьи 1-го участка т. Стученкова; т. Хордин и т. Анисимов — на собрании колхозников Архангельского сельского совета по отчетному докладу народного суда 4-го участка Наро-Фоминского района Московской области т. Миловой и др. На собрании рабочих и служащих завода «Лаборприбор» Клинского района Московской области т. Тябликов обратил внимание судьи на целесообразность — «слушание дел о хулиганстве выносить в общественные места, что будет иметь большое значение в предупреждении таких преступлений». О важности такого мероприятия говорили избиратели т. Косихин и т. Беликова по докладу народного судьи 1-го участка г. Бугуруслана Курганской области т. Ганечкина, члены колхоза имени 17-го партсъезда Бузулукского района той же области по докладу народного судьи т. Федоровой и многие другие.

Некоторые избиратели требуют усиления санкции за убийство.

По ряду докладов были высказаны пожелания об установлении вечерних часов приема народными судьями. Такие пожелания были сделаны по отчетным докладам народных судей 1-го участка Звенигородского района и 1-го участка г. Тушино Московской области, тт. Стученкова и Кудрявцевой. Избиратель Петрова в своем выступлении говорила: «Надо просить народного судью изменить часы приема посетителей, а то не всякий обращающийся может попасть на прием днем, нужно принимать людей и после шести часов вечера».

Предметом обсуждения на некоторых собраниях являлось размещение народных судов. По отчетному докладу народного судьи 2-го участка Пушкинского района т. Барбаскадзе на собрании рабочих и служащих швейного цеха фабрики имени Дзержинского т. Воробьева заявила: «Очень часто рабочие стремятся послушать судебный процесс. Такой возможности иногда не предоставляется, так как зал суда слишком мал. От имени рабочих я вношу предложение поставить вопрос перед городским советом о предоставлении суду другого помещения». Собрание вынесло постановление: «ходатайствовать перед Пушкинским районным исполкомом о предоставлении народному суду другого годного для работы помещения».

На отчетных собраниях трудящиеся делают много справедливых критических замечаний в адрес народных судов, дают много полезных наказов.

Многие народные судьи, по-большевистски восприняв критику избирателей, принимают немедленные меры к выполнению постановлений, выносимых по их отчетным докладам. Так, народный судья 1-го участка Долматовского района Курганской области т. Аносов произвел новую проверку правильности исполнения судебных решений о возмещении ущерба, причиненного колхозам, и убедился, что правы были избиратели колхоза, когда они в своих выступлениях отметили необоснованное составление судебным исполнителем актов о несостоятельности по отдельным исполнительным листам. Благодаря принятым мерам народный суд возместил убытки ряда колхозов на 17 300 руб. Выполняя наказ избирателей, народные суды Шадринского, Гладянского и других районов Курганской области улучшили показатели по срокам и качеству рассмотрения дел.

Работа судов может совершенствоваться лишь в условиях широкого развертывания критики и самокритики.

Избиратели глубоко вникают в работу народных судов, вскрывают недостатки и вносят свои предложения, как улучшить деятельность судебных органов. Ни одно замечание, ни одно предложение не должно остаться забытым. Отчетные доклады, постоянно совершенствуемые и самокритичные, должны вызывать со стороны советских граждан все более глубокий интерес к работе судов, к социалистическому правосудию, социалистической законности.

Каждый судья должен систематически отчитываться перед избирателями, шире проводить массовую работу, охватывая ею широкие круги трудящихся.

Но дело не только в этом. За годы социалистического строительства наши люди выросли, поднялся их культурный и политический уровень, из этого факта судьи обязаны сделать для себя практические выводы и добиваться того, чтобы доклады о работе суда становились более содержательными и глубокими.

Народный судья — избранник народа, его слуга и потому должен выполнять его волю, постоянно быть связан с массами, отчитываться перед ними, получать от них указания, черпать животворную силу критики своих действий.

Т. Воробьева

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПО РАССМОТРЕНИЮ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ

На территории района, которую обслуживает наш народный суд, имеется немало промышленных предприятий, заводов, шахт, несколько трестов, два сельских Совета. В народном суде проходит большое количество разнообразных гражданских дел.

Народный суд добился улучшения в работе, в частности, по гражданским делам. Я хочу рассказать об опыте работы нашего суда по гражданским делам.

Исковые дела назначаются мною к слушанию, как правило, в десятидневный срок, а дела особого производства — в пятидневный срок, с указанием часа рассмотрения дела.

При приеме исковых заявлений я сразу же истребую все необходимые документы от граждан и учреждений и в процессе досудебной подготовки принимаю меры к тому, чтобы стороны приходили к соглашению до внесения дела в судебное заседание.

Нередки случаи, когда спор граждан с предприятиями и учреждениями устраняется после переговоров с руководителями предприятий и учреждений или с главными бухгалтерами. Так, Пронина просила в своем заявлении взыскать с предприятия заработную плату, которую ей не выплачивали потому, что сама она должна была предприятию квартирную плату. После моих переговоров с администрацией предприятия заработная плата Прониной была выплачена, а квартирную плату она внесла. В автобазе комбината «Москвоуголь» кондуктор автобуса Чуева, имеющая грудного ребенка, без согласования с профессиональным союзом угольщиков была уволена с работы по ст. 47, п. «а», Кодекса законов о труде. После разъяснения начальнику автобазы незаконности увольнения Чуевой приказ об ее увольнении был отменен, и она попрежнему работает в автобазе.

Иногда в народный суд до рассмотрения дела вызываются истец и ответчик, и после разъяснения им закона стороны приходят к соглашению без рассмотрения заявления в судебном заседании. Престарелый Лубин просил взыскивать алименты с совершеннолетних детей. До рассмотрения заявления в суде были вызваны для переговоров в суд двое сыновей Лубина. Им были разъяснены законы, и они дали согласие добровольно платить алименты отцу. Последующая проверка показала, что свои обязанности сыновья выполняют.

Судебные повестки у нас направляются сторонам своевременно; возвращение расписок контролируется до рассмотрения дела. Суд реагировал на недостатки в работе конторы связи. В адрес конторы связи судом было вынесено частное определение, в котором указывалось, что в течение пятнадцати дней не возвращалась расписка о вручении повестки по гражданскому делу, что повлекло за собой задержку рассмотрения дела. После этого повестки и расписки стали доставляться своевременно.

На основании определения народного суда управляющий трестом наложил взыскание на юрисконсульта, который систематически не являлся без уважительных причин в суд по делам треста, вследствие чего дела откладывались слушанием.

В случаях необходимости суд вызывает экспертов. По уголовным и гражданским делам, связанным с причинением вреда вследствие увечья, в суде часто выступают технические и судебно-медицинские эксперты. По спорам о разделе строений вызывается эксперт из инвентаризационно-технического бюро отдела коммунального хозяйства. По сложным делам суд приглашает эксперта-бухгалтера. Участие эксперта обеспечивает правильное рассмотрение дел.

Суд дисциплинирует граждан и представителей предприятий и учреждений прежде всего тем, что судебное заседание открывается точно в назначенное время и вызываемым в суд лицам не приходится ждать.

Народные заседатели вызываются в суд за два часа до открытия судебного заседания. За это время они знакомятся с делами и получают от меня разъяснения по всем неясным вопросам. В 1951 году вызывались все народные заседатели для рассмотрения дел в суде. Практикуется вызов народных заседателей в суд не более как на два-три дня подряд. В тех случаях, когда при рассмотрении гражданских дел необходимы специальные познания, по возможности вызываются народные заседатели, обладающие такими познаниями. Это дает возможность суду глубоко исследовать в судебном заседании собранные доказательства и вынести правильное решение.

Занятия с народными заседателями проводятся по тематике управления Министерства юстиции по Московской области, с использованием пособия для народных заседателей. На занятиях разъясняются законы, указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления Пленума Верховного суда СССР. Явка народных заседателей на занятия у нас хорошая.

С народными заседателями, временно исполняющими обязанности народного судьи, я провожу дополнительно занятия, знакомлю их с делами, которые предстоит им рассмотреть в суде, с текущей перепиской суда, с работой канцелярии суда и судебного исполнителя.

Большую работу народный суд проводит по контролю над исполнением решений суда по делам о взыскании алиментов на детей. В случае несвоевременного получе-

ния истцами алиментов на детей народный суд оказывает им всемерную помощь. Мы ведем по этим вопросам переписку с другими народными судами, с управлениями Министерства юстиции, добиваемся аккуратной выплаты алиментов. Так Ломовская начала получать алименты с двух сыновей после того, как я обратился в народные суды по месту жительства ответчиков. Аналогичные случаи были по другим делам.

На территории, которую обслуживает наш народный суд, в 1951 году была проведена проверка правильности взыскания алиментов предприятиями и учреждениями. Было обнаружено много недостатков в их работе. По определениям народного суда семь бухгалтеров были оштрафованы на основании ст. 291 ГПК РСФСР. На некоторых бухгалтеров были наложены дисциплинарные взыскания руководителями предприятий. В том же году было проведено совещание главных бухгалтеров и бухгалтеров расчетных отделов предприятий и учреждений, на котором присутствовало 53 человека. На совещании были разобраны все недостатки, допускаемые бухгалтерами при удержании средств по исполнительным листам. Кроме этого, в газете «Московская кочегарка» была помещена статья о нарушениях закона при взыскании средств по исполнительным листам и были указаны фамилии лиц, которые допускали эти нарушения.

При обнаружении невыполнения решений по алиментным делам народный суд в соответствии с законом взыскивал задолженность с предприятия или учреждения, а виновные должностные лица привлекались к ответственности и одновременно с них взыскивались эти суммы в пользу предприятия или учреждения. Московский областной суд отменил одно такое решение народного суда по иску Авериной и предложил взыскать неудержанные деньги с ответчика по исполнительному листу. Верховный суд РСФСР отменил это определение областного суда и оставил в силе решение народного суда.

В своей статье «Выше уровень работы судов и органов юстиции», напечатанной в журнале «Социалистическая законность» № 11 за 1951 год, Министр юстиции СССР тов. Горшенин указал, что некоторые народные суды при установлении фактов неправильного увольнения трудящихся не выполняли требований закона о возложении на должностных лиц, виновных в неосновательном увольнении, обязанности возместить предприятию или учреждению ущерб, причиненный выплатой вознаграждения за вынужденный прогул неправильно уволенному работнику.

Это не всегда выполнялось народным судом 2-го участка Сталиногорска, но в этом частично повинен и Московский областной суд, который ни в одном своем определении не указал народному суду на необходимость вызова руководителя предприятия в качестве соответчика по делам, когда трудящийся восстанавливается на работе.

Наоборот, своими определениями областной суд иногда освобождал руководителей предприятий от взыскания с них сумм, присужденных народным судом. Так, Легкова была восстановлена народным судом на работе в родильном доме с оплатой за вынужденный прогул, со взысканием с заведующего родильным домом ущерба, причиненного учреждению неправильными действиями; Московский областной суд, оставив в силе решение народного суда, освободил заведующего от уплаты денег, совершенно не мотивировав этого изменения решения народного суда.

Дела об исключении имущества из описи народный суд рассматривает с участием прокурора, с вызовом свидетелей, а в качестве ответчиков вызываются представители соответствующих учреждений или городского финансового отдела, если имущество описано в связи с конфискацией имущества.

В работе народного суда при рассмотрении гражданских дел все еще есть недостатки.

Народ оказал мне большое доверие, вторично избрав меня народным судьей. Я обязуюсь устранить все недостатки в работе народного суда и оправдать доверие своих избирателей.

Народный судья 2-го участка
Сталиногорского района
Московской области

Г. Казнин

ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Научные приемы исследования судебных доказательств все больше внедряются в судебную практику. Правильное и своевременное применение этих приемов повышает качество судебной работы, позволяет более всесторонне и объективно исследовать обстоятельства дела.

По уголовным делам судебная экспертиза, назначаемая на предварительном следствии, проверяется в суде. В связи с этим задачи суда по уголовным делам сводятся, главным образом, к вызову экспертов, постановке вопросов, оценке заключения. Весь материал для экспертизы, как правило, собран и надлежаще подготовлен на предварительном следствии.

Совсем другое положение имеется в гражданском процессе, где весь материал

экспертам готовит сам суд. При рассмотрении гражданских споров значительно чаще стала назначаться криминалистическая экспертиза документов, в частности, графическая экспертиза почерков и подписей. Это обстоятельство свидетельствует о том, что криминалистическая экспертиза при разрешении гражданских споров становится одним из важных средств установления истины по делу. На исследование поступают расписки о займе, договоры купли-продажи, договоры дарения, подписи в ведомостях на выплату заработной платы, договоры о получении ссуды из Госбанка и т. д. В каждом из этих документов оспариваются ответчиками тексты и подписи либо только подписи, иногда оттиски печатей, вставки и дописки. Естественно, что установление исполнителя текста или подписи имеет важное значение для решения дела по существу. Однако заключение экспертизы будет обоснованным, доказательным и объективным в том случае, если суд подготовит достаточный материал для исследования, соберет исчерпывающие сведения об обстоятельствах возникновения документа, надлежаще процессуально оформит назначение экспертизы.

Практика экспертно-криминалистических учреждений Украинской ССР показывает, что многие суды справляются с этой задачей крайне неудовлетворительно. В 1950 году криминалистические учреждения Украинской ССР половину материалов, поступивших для экспертиз по гражданским делам, возвратили без исследования либо же запрашивали дополнительные материалы, что вело к значительной затяжке рассмотрения дел.

Основные недостатки судебной работы по подготовке материалов для графической экспертизы по гражданским делам заключаются в следующем.

1. Не все судьи отчетливо представляют себе вид криминалистической экспертизы документов, который необходимо назначить. Некоторые судьи не различают графической экспертизы, исследующей только почерк, и технической экспертизы документов, исследующей материал документа. Отдельные судьи вообще не знают, как назвать экспертизу документов. Народный судья Долинского района Кировоградской области по делу Долбенко назначил «судебно-следственную графическую экспертизу». Народный судья Покровского района Ворошиловградской области по иску орса Жердеву направил материал для «судебно-каллиграфической экспертизы». Красноярский краевой суд по иску Птицекомбината к Хейри и Довганюку своим определением предложил народному суду 4-го участка гор. Армавира назначить «каллиграфическую экспертизу». Народный судья Балаклейского района Харьковской области в одном случае назначил «графическую» экспертизу, а в другом — «экспертивно-графическую» экспертизу. Судебная коллегия по гражданским делам Ворошиловградского областного суда по делу Ретивой, не называя в определении экспертизу, указала: «потребовать от ответчика несколько образцов таких расписок и направить их в Харьковский Бокариус при юридическом институте». Народный судья Волновахского района Сталинской области по иску Ленского к Шляховой назначил «каллиграфическую экспертизу». Были случаи, когда некоторые судьи именовали экспертизу почерка «орфографической» и даже «полиграфической».

Приведенные факты свидетельствуют о том, что некоторые судьи, не зная вида экспертизы, не представляют ее компетенции и возможности.

2. Вторым существенным недостатком является отсутствие сведений об обстоятельствах дела, вызвавших необходимость в назначении экспертизы документов. В том случае, когда документы присылаются вместе с гражданским делом, можно эти обстоятельства выяснить из материалов дела. Но в большинстве случаев суды ограничиваются кратким письмом, в котором излагается просьба «определить идентичность посылаемых на экспертизу подписей». Такие письма не позволяют уяснить, кто и по каким мотивам оспаривает подпись, текст, отдельные записи, при каких условиях возник оспариваемый документ, какие показания дают истец и ответчик относительно оспариваемых фрагментов документа.

Суды в нарушение ст. 154 ГПК РСФСР редко выносят определения о назначении графической экспертизы, не ставят конкретных вопросов перед экспертизой. Например, народный судья 2-го участка Баландинского района Саратовской области направил в Харьковский научно-исследовательский институт судебной экспертизы им. Бокариуса три гражданских дела по искам лесхоза к Костерову В. П., Костерову В. Т., Суркову Н. И. Ни в одном деле не оказалось определений о назначении экспертизы. В сопроводительном письме указывалось: «необходимо определить подлинность подписей ответчиков в актах на самовольную порубку леса». Из протокола судебного заседания видно, что ответчики оспаривают по одной подписи, в актах же имелось по три подписи ответчиков. Дело было возвращено для дополнительного оформления.

В большинстве случаев при заявлении одной из сторон о подложности документов суды непосредственно не производят проверки подлинности документов посредством способов, указанных в ст. 150 ГПК РСФСР и соответствующих статьях ГПК других союзных республик, а немедленно назначают экспертизу. Например, народный суд 3-го участка Куйбышевского района г. Сталино (народный судья т. Перепелкин) по гражданскому делу по иску Матюхиной Е. к Матюхину П., назначил экспертизу подписи от имени Матюхина П., имеющейся в договоре купли-продажи домостроения. Подписи продавца и покупателя удосто-

верены двумя свидетелями и управляющим домом, который приложил к документу печать. Суд в соответствии с п. 2 ст. 170 ГПК Украинской ССР обязан был вызвать и допросить этих свидетелей для выяснения обстоятельств составления документа. Возможно, что назначения экспертизы и не потребовалось бы. Кроме того, выяснение этих обстоятельств имело важное значение и для экспертизы.

В другом случае народный суд 1-го участка Октябрьского района г. Харькова направил на экспертизу по иску Чубаровой к Пузиной договор дарения и поставил вопрос: «Идентичны ли подписи на договоре дарения, анкете, заявлении и подписке?» Изучение договора дарения показало, что он засвидетельствован нотариусом, имелись подпись и печать нотариуса. Суд не выяснил, при каких обстоятельствах производилось засвидетельствование, не вызвав нотариуса, направил дело на экспертизу.

В таких случаях криминалистические учреждения возвращают дела для выполнения проверочных действий, либо запрашивают дополнительные сведения, и в каждом таком случае происходит длительная затяжка рассмотрения дела.

3. Наиболее существенным недостатком материалов для графической экспертизы по гражданским делам является крайне неудовлетворительное качество и количество подписей и почерков, доставленных как образцы для сравнительного исследования.

Многие судьи считают, что вполне достаточно в зале судебного заседания отобрать две-три подписи в качестве образцов и направить их для экспертизы.

При отобрании образцов почерка или подписей не соблюдаются элементарные требования криминалистики по этому вопросу. К таким требованиям относится представление свободных почерков и подписей (выполненных до возникновения данного дела) в значительном количестве. Из возвращенных судам дел 90% возвращены вследствие неудовлетворительности образцов. Нередко образцы отбираются карандашом, а исследуемый документ выполнен чернилами.

По ряду гражданских дел спорный документ возник двадцать лет тому назад, однако судьи представляют только такие образцы (экспериментальные), которые получены от истца или ответчика при судебном разбирательстве.

Вот несколько примеров. По упомянутому делу по иску Матюхиной к Матюхину договор купли-продажи выполнен в 1927 г., экспертиза производится в 1951 г. Не нужно быть специалистом по исследованию почерков, а только изучить курс криминалистики хотя бы в пределах программы юридической школы, чтобы знать, что почерк относится к относительно изменяемым объектам криминалистической идентификации. Невозможно, конечно, во всех случаях требовать образцов подписей двадцатипятилетней давности, но суд может и должен найти свободные подписи, более близкие ко времени исполнения документа. По иску Чубаровой к Пузиной, упомянутому выше, в качестве образца подписи дарителя Пузина была доставлена его подпись в письме, отправленном в 1915 г. с фронта первой мировой войны, а договор дарения датирован 4 марта 1951 г. Судья мотивировал представление этой подписи тем, что даритель умер в конце марта 1951 г. Однако, когда ему было указано, что Пузин работал до 1 марта 1951 г. на заводе и там имеются его подписи в ведомостях на выплату заработной платы, подписи были найдены.

Судам необходимо проявлять больше инициативы и активности в собирании образцов почерка и подписей по месту службы (например, заявление о прописке, о выдаче пенсии, уплате налога, регистрации радиоприемника и т. д.).

Свободные образцы — наиболее ценный сравнительный материал.

Образцы почерка и подписей, исполненные по требованию суда, также имеют значение для графической экспертизы, если суд отбирает их правильно, с соблюдением требований криминалистики. Этих образцов следует собрать всегда значительное количество (на пяти-десяти листах, пятнадцать-двадцать подписей), при этом по своим качествам (содержание, материал, расположение) они должны быть сходными с исследуемыми.

Имеется значительное число случаев, когда суды отбирают две-три подписи ответчика или истца не таким прибором (карандашом, пером, шариковой ручкой), как в исследуемом документе.

Например, оспаривается подпись истца Петрова, подозревается, что эту подпись выполнил ответчик Сергеев, а суд доставляет несколько подписей Сергеева и не доставляет подписей «Петров», выполненных Сергеевым.

Имеют место отдельные случаи, когда суды возлагают отбирание образцов подписей на криминалистическое учреждение, направляя граждан туда с соответствующим письмом. Так сделал народный судья 2-го участка Катыковского района Сталинской области по делу Козловского и Филина, направив их в Харьковский институт судебной экспертизы для экспертизы паспортов.

Имеют место недопустимые способы получения образцов подписей. Народный суд 4-го участка г. Армавира по иску Птицекомбината к Хейри и Довганюку отобрал по две подписи от указанных лиц на обороте поручительства, в которых оспаривались подписи ответчиков.

Имел место случай, когда образец подписи был отобран рядом с оспариваемой подписью. После этого, забыв, какая из подписей оспаривается, а какая является образцом, орган, назначивший экспертизу, поставил такой вопрос: «Определить, какая

подпись подделана, какая не подделана, т. е. является образцом, потом по образцу определить, которая все же является поддельной или неподдельной, т. е. отказуемой».

Как правило, судьи не удостоверяют собранных образцов подписей или почерков, не указывают, при каких условиях выполнены экспериментальные образцы. Не сообщаются также сведения о личности истца или ответчика, образцы почерка которых доставлены (фамилия, имя и отчество, год рождения, происхождение, национальность, каким языком владеет, состояние здоровья и зрения, какой рукой пишет). Эти сведения важны для эксперта.

4. Следует отметить небрежное хранение документов, направляемых на экспертизу. Как правило, документы оказываются подшитыми к гражданскому делу, на них делаются различные пометки, стрелки и т. д. Документы ветхие, быстро изменяются либо повреждаются.

В ряде случаев судьи направляли гражданские дела в институт в открытом виде, передав их для этого заинтересованным лицам (истцу или ответчику).

Министр юстиции Украинской ССР издал приказ о ликвидации недостатков в работе судебных органов по подготовке и назначению криминалистической экспертизы и инструкцию о порядке подготовки и направления документов для графической экспертизы. К сожалению, начальники управлений Министерства юстиции по ряду областей положили эту инструкцию под сукно, не ознакомили всех судей с ее требованиями, и недостатки продолжают отрицательно отражаться на качестве судебной работы по гражданским делам.

Было бы целесообразным, чтобы Министерство юстиции СССР издало инструкцию для всех республик и обязало суды широко руководствоваться ею при подготовке и направлении документов на экспертизу. Это, несомненно, повысило бы качество судебной работы по гражданским делам.

Директор Харьковского научно-исследовательского института судебной экспертизы

В. Колмаков

ПРИМЕНЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В ПРАКТИКЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И СУДА УЗБЕКСКОЙ ССР

Для успешного решения задач наших судебных и следственных органов исключительно важное значение имеет постановка расследования преступлений и судебного рассмотрения дел на научных основах, широкое применение в следственной работе научных приемов уголовной техники.

Практика органов прокуратуры и суда Узбекской ССР свидетельствует, что с каждым годом все шире применяются научные приемы и методы при расследовании преступлений в судебном рассмотрении дел. Одним из показателей этого служит возрастающее обращение органов прокуратуры и суда в криминалистическую лабораторию Ташкентского юридического института относительно исследования разных вещественных доказательств.

Между тем применение научных приемов при расследовании преступлений в практике органов прокуратуры Узбекской ССР все еще недостаточно. Об этом свидетельствует то, что криминалистические экспертизы ограничиваются производством, главным образом, экспертиз, связанных с исследованием документов, т. е. графических, технических и сфрагистических экспертиз. Ничтожное количество иных экспертиз, в частности, дактилоскопических, трасеологических, баллистических, связанных с исследованием различных следов и вещественных доказательств, свидетельствует, что эти ценнейшие доказательства, ведущие к раскрытию преступлений и изобличению преступников, используются крайне недостаточно. Такое положение можно объяснить, во-первых, недооценкой многими следователями значения различного рода следов, оставляемых преступниками на месте совершения преступления, и, во-вторых, недостаточным умением многих следователей обнаружить, фиксировать и использовать эти следы для раскрытия преступлений и изобличения преступников.

Недооценка следов и вещественных доказательств отрицательно отражается на качестве расследования преступлений.

Криминалистическая лаборатория института оказывает значительную помощь органам суда и прокуратуры Узбекской ССР в расследовании преступлений и судебном рассмотрении дел, в установлении материальной истины как в уголовных, так и в гражданских делах. В ряде случаев экспертиза является одним из решающих доказательств изобличения преступника. Лаборатория имеет немало сообщений, когда преступник, прежде отрицавший вину, по ознакомлении с актом экспертизы признавал факт совершения им подлога и т. п. При восстановлении текста, уничтоженного механическим или химическим путем, либо умышленно закрытого красящим веществом, при установлении последовательности исполнения фрагментов документа, при восстановлении текста, выполненного симпатическими чернилами, и т. п. экспертиза способствует, прежде всего, установлению факта совершения преступления.

Качество экспертизы, достоверность выводов эксперта и своевременность производства экспертиз во многом зависит от

того, насколько умело и правильно подобран материал для экспертизы, в частности, сравнительный материал (образцы почерка, подписи, оттисков печати и т. д.). Между тем практика криминалистической лаборатории института показывает, что подготовку материалов для экспертизы органы прокуратуры и суда Узбекской ССР производят зачастую еще плохо. Это относится преимущественно к графическим и сфрагистическим экспертизам, поскольку абсолютное большинство экспертиз, производимых лабораторией, связано с исследованием документов.

Часто в постановлении следователя или определении суда не указываются обстоятельства дела, в силу которых возникла необходимость графической или сфрагистической экспертизы, вопросы, которые ставятся экспертам, сформулированы неясно, путано, поэтому нередко нельзя понять, что именно надлежит исследовать, в каком объеме, на какие вопросы должен ответить эксперт и что представляется в качестве сравнительного материала.

Приведем один пример неясной постановки вопросов эксперту. Следователь прокуратуры г. Андижана т. Набиев в своем постановлении о производстве экспертизы от 21 октября 1950 г. по делу Бондарева поставил перед экспертом два вопроса в следующей формулировке: «1) Не совпадают ли бесспорный почерк Бондарева, выполненный на получение малоценных отходов по фактуре № 306 от 20 мая 1950 г. в количестве 430 кг, по фактуре № 307 от 30 мая 1950 г. в количестве 1300 кг, по фактуре № 1016 от 30 мая 1950 г. в количестве 60 кг или почерки Райфмана, Кадырова, Бахрама, Жукова. 2) Не совпадает ли бесспорный почерк Рябова, выполненный на получение 20181 кг пшеницы по отвесу без номера на 1949 г. 1950 г.».

Иногда материалы присылаются в лабораторию для производства экспертизы без постановления следователя или определения суда о производстве экспертизы. Вследствие подобных недостатков лаборатория часто вынуждена возвращать материал для надлежащего оформления или делать запросы для выяснения и уточнения тех или иных обстоятельств. Все это, естественно, приводит к затяжке производства многих экспертиз, следовательно, и к затяжке расследования преступлений или судебного рассмотрения дел.

Иногда в постановлении следователя или определении суда ставятся такие вопросы, ответить на которые, как заведомо известно самому следователю или судье, эксперт не в состоянии. Например: «Кто из числа указанных выше лиц зачеркнул прямой горизонтальной линией текст на десятой строке этой накладной?».

Направление материалов в криминалистическую лабораторию в подобных случаях приводит только к излишней затяжке расследования преступлений или судебного рассмотрения дела, так как эксперт не может ответить на такой вопрос.

В качестве сравнительного материала часто представляются только образцы почерка или подписи, выполненные по предложению следователя или суда, тогда как известно, что в качестве сравнительного материала всего ценнее образцы свободных почерка и подписи. В подобных случаях лаборатория часто вынуждена запрашивать образцы свободных почерков или подписей, что опять ведет к затяжке производства экспертиз. Иногда в постановлении или определении о производстве экспертизы или в препроводительном письме следователь или судья указывают, что в качестве сравнительного материала представляются образцы свободного почерка или подписи, а фактически высылаются образцы почерка, выполненные под диктовку следователя или председательствующего в судебном заседании, или образцы подписи, выполненные по предложению следователя или суда. Это свидетельствует, что некоторые следователи и судьи еще не понимают разницы между образцами свободного почерка и образцами почерка, выполненного под диктовку.

Некоторые следователи и судьи, отбирая образцы подписи в кабинете следователя или во время судебного заседания, предлагают лицу, подпись которого на том или ином документе является сомнительной, выполнить несколько подписей на одном полулисте бумаги и высылают их в качестве образцов подписи на экспертизу.

Например, народный следователь прокуратуры Октябрьского района г. Ташкента т. Исламов, назначив экспертизу по делу Полесного, представил в криминалистическую лабораторию двадцать образцов подписи Михайловой, выполненных по предложению следователя на одном полулисте. Народный судья Чимбайского района Кара-Калпакской АССР т. Тленов, направляя на экспертизу материал по делу Гульманова, выслал семнадцать образцов подписи последнего, выполненных по предложению суда на одном полулисте.

Ошибка такого метода отбора образцов подписи состоит в том, что если данное лицо в целях уклонения от ответственности решило умышленно изменить свою обычную подпись, то, выполнив искаженно первую подпись и видя ее, он имеет возможность все остальные подписи выполнить с подражанием первой подписи, т. е. выполнить так же, как выполнена им первая подпись.

В практике органов прокуратуры Узбекской ССР бывает, что следователь высылает на экспертизу в качестве образцов свободного почерка документы, написанные от имени подозреваемого, не проверив, действительно ли эти документы написаны рукой подозреваемого.

Например, следователь прокуратуры г. Ташкента т. Никитина вместе с постановлением о производстве экспертизы по

делу Берковича представила в криминалистическую лабораторию в качестве образцов свободного почерка Берковича текст двух закупочных квитанций, его автобиографию и листок по учету кадров. По этому делу была произведена графическая экспертиза. Впоследствии выяснилось, что текст этих двух закупочных квитанций, автобиографии и листка по учету кадров был написан не рукой Берковича, а его женой. Таким образом, из-за небрежности следователя пришлось производить повторную экспертизу, а это затянуло расследование преступления.

Иногда подсудимый, желая затянуть рассмотрение дела, уклониться от ответственности, в судебном заседании заявляет, что документы, использованные в качестве образцов его свободного почерка при производстве экспертизы, выполнены не им и поэтому заключение эксперта, признающего его, подсудимого, автором тех или иных документов, ошибочно. В подобных случаях суд обычно вынужден назначить повторную экспертизу и чаще всего с направлением дела на доследование.

При высылке на экспертизу тех или иных документов в качестве образцов свободного почерка следователь должен убедиться, что эти документы написаны именно рукой подозреваемого, что подозреваемый подтвердил этот факт, и это обстоятельство следует отразить в протоколе его допроса, чтобы в последующем, в частности, в судебном заседании, подсудимый не мог отказаться от авторства этих документов.

Иногда эксперту ставится вопрос, кем из заподозренных лиц выполнена подложная подпись от имени того или иного лица, без постановки вопроса о подлинности подписи, и ставится вопрос так только потому, что то или иное лицо отказалось от своей подписи и, по предположению следователя, эта подпись является подложной.

Например, Иванов утверждает, что в ведомости на заработную плату подпись от его имени в получении денег им не выполнялась и указанную в ведомости сумму он не получал. Следователь, исходя из объяснений Иванова, делает предположение, что эта подпись подложна, и ставит перед экспертом вопрос, не выполнена ли эта подпись от имени Иванова бухгалтером Петровым или кассиром Сидоровым. Между тем в подобном случае в первую очередь эксперту следует ставить вопрос, примерно, так: подлинна ли подпись Иванова в получении 700 рублей (в такой-то ведомости) и в отрицательном случае не выполнена ли эта подпись рукой Петрова или Сидорова.

Ставить эксперту вопрос только о том, кем из подозреваемых лиц выполнена подпись от имени того или иного лица, можно лишь в тех случаях, когда следователь бесспорно установил подложность подписи. Например, лицо, от имени которого выполнена подпись, в действительности не существует, так как оно вымышленное или задолго до оформления данного документа умерло или выбыло. Но это обстоятельство должно быть отражено в постановлении о производстве экспертизы или в препроводительном письме при высылке материала на экспертизу.

При высылке материалов для производства графической экспертизы очень часто не сообщаются такие сведения о предполагаемом авторе, как его возраст, образование, родной язык, профессия, состояние зрения, какой рукой пишет, правой или левой. Эти сведения при производстве графической экспертизы имеют существенное значение и должны сообщаться в препроводительном письме.

Иногда в постановлении следователя или в определении суда о назначении графической экспертизы указывается назначить «каллиграфическую» или «графологическую» экспертизу. Подобные методы исследования письма не являются научными, и в практике советских криминалистических учреждений такие экспертизы не производятся, поэтому эту терминологию в постановлениях о производстве экспертизы не следует применять.

Отдельные работники прокуратуры не понимают разницы между судебно-графической и судебно-медицинской экспертизой.

Например, Ташкентская областная прокуратура направила в криминалистическую лабораторию материал по делу Тураева для проведения графической экспертизы со следующим препроводительным письмом: «Ташкентская областная прокуратура просит вас произвести судебно-медицинскую экспертизу по делу по обвинению Тураева, Сагдулла и др. об уточнении подделки председателя колхоза», и это препроводительное письмо подписано заместителем прокурора области.

При подготовке материалов для судебно-фрагмистической экспертизы (исследования оттисков печати и штампа) недостатки состоят прежде всего в том, что образцы оттисков печатей и штампов отбираются часто без учета того, к какому времени относится документ с сомнительным оттиском печати или штампа, образцы оттисков присылаются в крайне ограниченном количестве, а иногда даже только один оттиск, оттиски неясны, часто несколько раз перечеркнуты чернилами или карандашом. Все эти недостатки часто вызывают у эксперта затруднения в решении поставленных ему вопросов.

Для устранения ошибок, допускаемых некоторыми следователями при подготовке материалов для экспертизы, Генеральный Прокурор СССР дал указание, чтобы все материалы из районных прокуратур направлялись на экспертизу в криминалистические лаборатории через следственные отделы областных прокуратур. Это указание Генерального Прокурора СССР многие прокуратуры не выполняют. Некоторые же следственные отделы выполняют это указание формально, не проверяя качества материала, подготовленного для экспертизы

районной прокуратурой, и в результате пересылают в лабораторию на экспертизу недоброкачественный материал.

Строгое выполнение этого указания Генерального Прокурора СССР, причем выполнение не формальное, а по существу, является важнейшим средством устранения имеющихся недостатков при подготовке материалов для производства экспертизы.

Криминалистическая лаборатория нашего института обслуживает органы прокуратуры и суда и других республик Средней Азии, в частности, Туркменской, Таджикской, Киргизской. Оказывается, что в работе и этих прокуратур имеют место те же недостатки в области применения криминалистических экспертиз.

Качество криминалистических экспертиз, достоверность выводов эксперта также зависит от компетентности в данном вопросе лица, производящего экспертизу, от наличия у эксперта специальных познаний в этой области, от условий, в которых производилась экспертиза (наличие аппаратуры, оборудования, необходимых для производства экспертиз).

Несмотря на наличие в Узбекской ССР криминалистической лаборатории, производящей криминалистические экспертизы для органов суда и прокуратуры, имели место случаи привлечения следователями в качестве экспертов по криминалистическим, в частности, по графическим экспертизам, частных лиц, не имеющих специальных познаний в нужной области. К сожалению, подобные факты имели место даже в г. Ташкенте, где следственные работники наиболее квалифицированы и где находится криминалистическая лаборатория.

Приведем примеры, показывающие, к чему приводит такая практика. Народный следователь прокуратуры Куйбышевского района г. Ташкента т. Лобачева, назначив графическую экспертизу по делу Кордуб, поручила произвести эту экспертизу Пудовкину, не имеющему специального образования в этой области, по профессии учителю. На разрешение эксперта был поставлен вопрос: рукой Кордуб или Плешивцевой были исправлены три цифры в накладной за № 1206? Эксперт пришел к выводу, что три цифры в указанной накладной исправлены рукой Кордуб, причем такое заключение обосновано следующим образом: «При сравнении с цифрами Плешивцевой и Кордуб со сделанными на копии фактуры № 1206, устанавливается иной характер изображения (особенно восьмерки) у Плешивцевой и полное тождество начертания деланных цифр в фактуре у Кордуб (особенно шестерки с завитком внизу, пятерки с прогнутым верхним элементом и оригинальной восьмерки, написанной в один прием»). Мы уже не говорим о терминологии, примененной в акте, а хотим указать на более важное обстоятельство по существу вопроса, а именно, что у эксперта не было никаких оснований давать такое заключение, и это подтверждено двумя повторными экспертизами, произведенными позднее по данному делу. Первая из них была произведена в научно-техническом отделе управления милиции Узбекской ССР и вторая в криминалистической лаборатории. В обоих случаях эксперты пришли к выводу, что на поставленные следователем вопросы ответить не представляется возможным ввиду крайней ограниченности подлежащего исследованию сомнительного текста, который состоит всего лишь из двух цифр «5» и «8», причем эти цифры выполнены не вновь, а в виде подрисовки и исправления имевшихся там ранее других цифр.

Народный следователь прокуратуры Ленинского района г. Ташкента т. Бударная, назначив графическую экспертизу по делу Хусанова и Волощука, поручила произвести экспертизу упомянутому Пудовкину. На разрешение эксперта был поставлен вопрос: подлинны ли подписи Волощука на двух фактурах в получении товара и — в отрицательном случае — не выполнены ли эти подписи от имени Волощука рукой Малетиной? Эксперт пришел к выводу, что подписи в получении товара (кстати, на крупную сумму) на указанных выше двух фактурах сделаны Волощуком. Любопытно отметить метод производства данной экспертизы и мотивы, по которым эксперт пришел к такому выводу. «Эксперт-почерковед» (как именует себя в актах Пудовкин), производя экспертизу, предложил Волощуку выполнить несколько подписей на чистом листе бумаги. Увидев, что эти подписи Волощука по способу их начертания ничего общего не имеют с сомнительными подписями на фактурах, Пудовкин сам выполнил две подписи с подражанием сомнительным подписям, а затем предложил Волощуку выполнить несколько подписей так, как выполнил он, Пудовкин, т. е. выполнить их с подражанием подписям, выполненным Пудовкиным, что Волощуком и было сделано. Это обстоятельство в акте экспертизы изложено следующим образом: «особенно ярко этот росчерк выразился в подписях в моем присутствии, где после обычных подписей Волощука я ему показал вольные штрихи, приближенные к подписям на фактурах № 35, 36, а Волощук начертал свои тождественные концовкам подписи с чрезвычайно характерной петлей, где резкий поворот влево (без нажима) и волнообразный росчерк (с нажимом) вправо могли сделать только привычные к этим нюансам мускулы пальцев Волощука». Поскольку Волощуком последние подписи были выполнены с подражанием подписям, выполненным экспертом Пудовкиным, следовательно, с подражанием сомнительным подписям, естественно, они в известной мере были похожи на сомнительные подписи. На этом основании эксперт пришел к выводу, что сомнительные подписи от имени Волощука на фактурах выполнены Волощуком. Данный акт экс-

пертизы (если так можно его назвать) был положен в основу обвинения Волощука в растрате товаров, полученных по указанным выше двум фактурам, и он был предан суду. В дальнейшем по определению народного суда по данному делу были произведены в криминалистической лаборатории две повторные экспертизы, причем в обоих случаях эксперты пришли к выводу, что подписи на указанных выше двух фактурах от имени Волощука выполнены не Волощуком, а другим лицом. Волощук был оправдан. Правда, по кассационному протесту районного прокурора областной суд этот приговор отменил и возвратил дело на доследование, однако прокуратура, не призводя никаких дополнительных следственных действий, это дело прекратила.

Народный следователь прокуратуры Каракульского района Бухарской области (в акте фамилия следователя не указана), назначив графическую экспертизу по делу Гафурова, решил произвести ее коллегиально в составе: старшего инспектора районного финансового отдела, главного бухгалтера отделения Государственного банка и старшего бухгалтера райпелка. Экспертам был поставлен вопрос о подлинности подписи заведующего районного отдела социального обеспечения Гафурова на двух расписках в получении 5765 руб. В акте экспертизы, произведенной указанными выше лицами, написано: «Подпись Гафурова, поставленная на расписках, при сличении с образцами подписей, имеющихся в прокуратуре, а также при сличении документов отдела социального обеспечения, на коих имеется подпись Гафурова, не тождественны и говорят за то, что подпись Гафурова подделана. О чем и составлен настоящий акт».

Приведенные примеры свидетельствуют, что такая практика обычно приводит к недоброкачественности экспертизы и часто к несоответствию выводов эксперта действительным обстоятельствам дела.

Судя по номерам двух приведенных выше актов экспертиз «эксперта» Пудовкина, случаи проведения графических экспертиз частными лицами не единичны. Практика привлечения частных лиц в качестве экспертов по криминалистическим, в частности, по графическим, экспертизам недопустима. Нам представляется, что Генеральный Прокурор СССР и Министерство юстиции СССР должны категорически запретить подобную практику и обязать органы прокуратуры и суда при назначении криминалистических экспертиз направлять материалы только в существующие для этих целей учреждения.

В ряде случаев при расследовании по одному делу, а иногда и по поводу одного объекта, возникает необходимость в производстве разных экспертиз, в частности, графической, химической, биологической, между тем как учреждения, производящие эти экспертизы в Узбекской ССР рассредоточены в разных местах, что создает ряд неудобств. Целесообразно производство криминалистических, химических, биологических экспертиз сосредоточить в одном учреждении, создав по примеру Министерства юстиции Украинской ССР научно-исследовательский институт судебной экспертизы при Министерстве юстиции Узбекской ССР, который обслуживал бы и остальные республики Средней Азии. Если в Украинской ССР оправдывают свое существование три таких института, то целесообразность создания хотя бы одного такого института для всех республик Средней Азии не вызывает сомнений.

Доцент Д. Рассейкин

НАМ ПИШУТ

СУДЕБНАЯ ВОЛОКИТА

На органы юстиции и прокуратуры возложена обязанность борьбы с преступностью. Ни одно преступление не должно остаться без внимания. Быстрое реагирование органов следствия на совершенное преступление, расследование его органами предварительного следствия и рассмотрение судами поступающих дел в установленные сроки способствуют искоренению преступности. Судебный приговор в этих случаях имеет большое воспитательное значение, повышает авторитет наших судебных органов. Кроме всестороннего и тщательного расследования, необходимо, чтобы и судебные органы тщательно рассматривали дела в первой инстанции и проверяли их в кассационном порядке и в порядке надзора.

Изучая некоторые уголовные дела, приходится прийти к выводу, что до сих пор встречаются у отдельных членов суда поверхностное изучение уголовных дел и в связи с этим различные выводы из этого изучения, а в конечном результате разноречие в определениях и бесконечная судебная волокита.

Примером может служить дело по обвинению Милицина, Оплеухина и других по закону от 7 августа 1932 г. и ст. 59—3 УК РСФСР.

Дело было возбуждено органами милиции г. Прокопьевска 16 апреля 1947 г. 2 ноября 1947 г. оно было направлено в Кемеровский областной суд. 26—29 января 1948 г. все подсудимые были осуждены Кемеровским областным судом к длительным срокам лишения свободы.

17 апреля 1948 г. Верховный суд РСФСР, рассмотрев это дело в кассационном порядке по жалобам осужденных, отменил приговор Кемеровского областного суда. 21 октября 1948 г. Кемеровский областной суд возвратил дело на доследование. 21 марта 1949 г. дело прокуратурой Кемеровской области вновь направлено в областной суд. 24 марта 1949 г. определением подготовительного заседания дело было возвращено на доследование.

Прокурор РСФСР на это определение принес частный протест в порядке надзора. Определением Верховного суда РСФСР от 30 мая 1949 г. определение подготовительного заседания Кемеровского областного суда было отменено. Верховный суд РСФСР нашел, что данных для рассмотрения дела в судебном заседании достаточно.

22 июня 1949 г. Кемеровский областной суд признал всех подсудимых виновными и осудил их к длительным срокам лишения свободы.

15 октября 1949 г., рассмотрев дело по жалобам осужденных в кассационном порядке, Верховный суд РСФСР отменил приговор областного суда и направил дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Верховный суд СССР, рассмотрев это дело по протесту Генерального Прокурора СССР, определением от 21 июня 1950 г. отменил определение Верховного суда РСФСР об отмене приговора Кемеровского областного суда от 22 июня 1949 г. и направил дело в Верховный суд РСФСР для рассмотрения в кассационном порядке.

9 октября 1950 г. Верховный суд РСФСР оставил в силе приговор Кемеровского областного суда.

Об этой волоките писал член Кемеровского областного суда Ю. Пушкин в статье «Недостатки в практике Верховного суда РСФСР» («Социалистическая законность» № 3 за 1951 год).

Однако на этом волокита по данному делу не кончилась. 28 ноября 1951 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в составе председательствующего Былинкиной (докладчик), Тухарели, Теймуразяна, рассмотрев это дело по протесту Председателя Верховного суда СССР, своим определением отменила приговор Кемеровского областного суда от 22 июня 1949 г. и направила дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Итак, с момента возбуждения дела прошло пять лет, а дело все еще окончательно не разрешено. Только в результате поверхностного отношения со стороны членов судов, по одним и тем же фактам, по одним и тем же доказательствам давались разноречивые толкования и выносились противоречащие друг другу определения. И последнее определение Верховного суда СССР, составленное т. Былинкиной, страдает рядом недостатков: без достаточной критической оценки отвергнут ряд доказательств.

Видимо, учитывая, что с момента совершения преступления прошло много времени, обвиняемые уже давно в судебном заседании отказались от ранее данных показаний, дополнительным расследованием добыть что-либо новое в настоящее время не представляется возможным.

Так в результате волокиты и недобросовестного отношения отдельных членов судов к исполнению служебного долга преступники остаются ненаказанными.

До сих пор встречаются определения Верховного суда РСФСР, при прочтении которых приходится удивляться наивности доводов для отмены приговора и направления на доследование.

Так народным судом 2-го участка Центрального района г. Кемерово 24 апреля 1950 г. были осуждены по ст. 1, ч. 2, указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» Платохина, Сурин и Лапченко. Кемеровский областной суд оставил в силе приговор народного суда. В своей жалобе Платохина утверждала, что ее неправильно осудили, так как она занималась карманными кражами, а ее осудили за соучастие в квартирной краже. Учитывая такие доводы жалобы, Председатель Верховного суда РСФСР принес протест на приговор народного суда и определение Кемеровского областного суда в порядке надзора, а Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР по докладу члена суда Кузьмина определением от 24 апреля 1951 г. удовлетворила этот протест. Не сделав критического анализа доказательств, коллегия отменила приговор и направила дело на доследование, дав единственное указание — проверить доказательства обвинения. Так как осужденные отбывали меру наказания в различных областях, определение выполнялось восемь месяцев. Почти через два года, в декабре 1951 года, Сурин, Лапченко и Платохина были вновь осуждены, и в январе 1952 года областной суд оставил в силе приговор суда.

Так в результате несерьезного подхода к рассмотрению данного дела Верховным судом РСФСР в течение длительного времени проводилось повторное расследование.

Некоторые члены судов, видимо, не вполне понимают, что значит отмена приговора с возвращением дела на доследование, и допускают подобные ошибки.

Помощник прокурора Кемеровской области
А. Белов

ОШИБКИ КАССАЦИОННОГО РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ В ПРИМОРСКОМ КРАЕВОМ СУДЕ

Отдельные члены Приморского краевого суда допускают серьезные ошибки при рассмотрении уголовных дел по жалобам и протестам на приговоры и определения народных судов. В ряде случаев вместо того, чтобы правильно направлять судебную деятельность народных судов, члены краевого суда необоснованно изменяли приговоры, дезориентируя этим народные суды.

Члены судебной коллегии по уголовным делам иногда без достаточных оснований переквалифицировали хищения социалистической собственности со ст. ст. 2 и 4 указа от 4 июня 1947 г. на ст. ст. 1 или 3 того же указа и смягчали наказание осужденным.

Например, преступление кассира Тигровского леспромхоза Выдрина, систематически занимавшегося присвоением государственных средств, судебная коллегия краевого суда переквалифицировала со ст. 2 на ст. 1 названного указа по следующим нелепым мотивам: «...приговор народного суда подлежит изменению в части квалификации действий осужденного, так как в действиях Выдрина отсутствуют квалифицирующие признаки, предусмотренные ст. 2 указа от 4 июня 1947 г.; Выдрин, работая кассиром, систематически присваивал деньги, что является длящимся преступлением и не должно рассматриваться как повторность, неоднократность».

Из этой цитаты очевидно, что члены суда явно не понимают, что длящимися преступлениями считаются такие, которые непрерывно длятся в течение большого времени, а именно до тех пор, пока не будет прекращено это преступное состояние. Понятие же систематического присвоения выражает собой ряд отдельных эпизодов хищения государственного и общественного имущества, каждый из которых может рассматриваться как самостоятельное преступление. И если повторные хищения, согласно ст. ст. 2 и 4 указа от 4 июня 1947 г., признаются квалифицированными, то тем более квалифицированными следует считать систематически совершаемые в течение длительного времени присвоения государственного и общественного имущества должностными лицами, призванными всемерно охранять это вверенное им имущество. За совершение таких хищений осужденные, конечно, должны нести повышенную ответственность по ст. ст. 2 или 4, а вовсе не по ст. 1 или ст. 3 названного указа.

Неправильная переквалификация хищений социалистической собственности со ст. ст. 2 или 4 на ст. ст. 1 или 3 указа от 4 июня 1947 г. и изменение Приморским краевым судом приговоров по этим основаниям повела к тому, что ряд народных судов был дезориентирован и ослабил борьбу с расхитителями народного добра.

Так народный суд 2-го участка гор. Ворошилова, получив определение краевого суда по делу Сабатиной, преступление которой было переквалифицировано со ст. 2 на ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. с применением условного осуждения, стал применяться к подобным неправильным указаниям краевого суда в квалификации хище-

ний социалистической собственности и ослабил борьбу с этими опасными преступлениями.

В отдельных случаях судебная практика по уголовным делам Приморского краевого суда превышала пределы компетенции суда второй инстанции.

В нарушение требований ст. 421 УПК РСФСР, постановления Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1950 г. и других указаний, судебная коллегия, отменяя определения народных судов о направлении дел на доследование и возвращая в народный суд дела на рассмотрение по существу, в своих определениях делает прямой вывод о доказанности преступлений обвиняемых, предрешает вопрос об их виновности до исследования дел в судебных заседаниях, чем связывает суды первой инстанции в установлении материальной истины и заранее ориентирует народные суды на вынесение обвинительных приговоров.

Так, отменив определение народного суда Ольгинского района о направлении на доследование дела по обвинению Костечко по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г., судебная коллегия указала: «Из дела видно, что Костечко умышленно допускал пересортицу товаров с целью хищения; непонятно, какие документы требует народный суд для приобщения в части присвоения двух ящиков папирос, так как по делу установлено с достаточной ясностью, что Костечко похитил два ящика папирос через возчика Аналикова...»

Подобную практику краевого суда в квалификации систематических хищений социалистической собственности и другие отмеченные ошибки можно объяснить только тем обстоятельством, что члены краевого суда т. т. Светлов, Соболева и заместитель председателя краевого суда по судебной коллегии по уголовным делам Демченко, рассматривающие уголовные дела в кассационном порядке, безответственно относятся к повышению своего идейно-политического уровня и деловой квалификации, к изучению принципов и конкретных норм уголовного процесса, а также судебной практики Верховного суда СССР и не понимают политического смысла указа от 4 июня 1947 г.

Верховный суд СССР неоднократно указывал, что систематические хищения социалистической собственности подлежат квалификации по ст. 2 или ст. 4 и что необоснованная переквалификация таких преступлений на ст. 1 или ст. 3 названного указа, влекущая ослабление судебной репрессии в отношении расхитителей народного добра, недопустима.

Систематическое изучение судебной практики помогло бы избежать указанных ошибок, но члены краевого суда не выполнили этого обязательного требования, и отрицательные результаты такого пренебрежительного отношения к повышению своих юридических знаний не замедлили сказаться.

Такие ошибки членов судебной коллегии по уголовным делам являются и следствием отсутствия контроля со стороны председателя краевого суда над их судебной работой и работой по повышению ими своих юридических знаний.

Члены Приморского краевого суда должны понять, что успешного выполнения возложенных на них задач по осуществлению советского правосудия они могут добиться только при том непременном условии, если будут самокритично подходить к оценке своей работы, глубоко вскрывать свои ошибки и делать для себя правильные практические выводы, если систематически будут работать над повышением своего идейно-политического уровня и деловой квалификации.

М. Хмелинин

О РАБОТЕ ЮРИСКОНСУЛЬТОВ

В конце 1951 года я направил в журнал «Социалистическая законность» свою статью, посвященную вопросу об юрисконсультах. Вопрос этот, уже давно выдвинутый жизнью, не получил сколько-нибудь удовлетворительного решения. К сожалению, многие из юрисконсультов ведут свою работу, не только не внедряя, но подчас систематически нарушая социалистическую законность. Если же юридическая помощь и привлекается, то делается это в весьма ненормальных формах, снижающих и качество и самый авторитет юридической работы. Моя статья в журнале не была напечатана, так как ее содержание не входит в программу журнала. Так ли это?

Ведь в любом номере журнала вы найдете статьи, посвященные вопросам судоустройства, гражданского права и процесса. Почему же журналу не коснуться вопроса хотя бы о представительстве сторон в этом процессе? Конечно, проблема об юрисконсультах значительно шире вопроса о представительстве, но, взятая в целом, она теснейшим образом переплетается с программой журнала «Социалистическая законность» от первой его страницы до последней.

Но не в программе дело. Возьмите работу прокуратуры, и с ней переплетается работа юрисконсульта. Если прокурор получает какой-либо материал от предприятия или учреждения, то, не пройдя через обработку у юрисконсульта, он имеет совершенно сырой вид, и прокурору самому приходится проделывать большую работу

чернового, подготовительного порядка прежде, чем станет возможно начать предварительное следствие.

Вот пример из деятельности лесозаготовительных организаций. В их работе встречаются случаи хищения дров целыми автомашинами, которые, внезапно появляясь с завешенным номером, увозят дрова, несмотря ни на какие предупреждения сторожа. Последнему ничего не остается, как составлять односторонний и малоубедительный акт. Организация, заготовившая дрова, направляет этот акт без всякой юридической подготовки и обработки в прокуратуру, а в свой дебет заносит стоимость этих дров. Но так как участвовать в уголовном процессе от организации некому, а руководству это не по силам, то дело это прекращается, стоимость похищенных дров рано или поздно с дебета под каким-либо благовидным предлогом списывается — и все.

«Все в порядке», как говорят, но порядок-то уж очень скверный.

Программа, конечно, программой, но орган печати, каким является журнал «Социалистическая законность», должен отзываться на живую жизнь.

Важно мнение и голос печати по вопросам, которые ставятся в порядок дня самой жизнью.

А. Баталин

* * *

О важности и полезности работы юрисконсульта вряд ли нужно писать. Это люди, призванные оказывать юридическую помощь в работе предприятий и учреждений, призванные внимательно следить за осуществлением советской законности на тех или иных участках хозяйственной деятельности.

Однако нельзя не отметить, что работа юрисконсультов — совершенно забытый участок правовой деятельности.

Вся беда в том, что ни один занимающийся юридическими вопросами орган работой юрисконсультов не интересуется. Об этом в свое время писала «Литературная газета», но дальнейшего развития выступление газеты не имело.

Количество юрисконсультов велико, но все они предоставлены сами себе. Ни инструктивных бесед, ни консультаций для них никогда не проводится. Контроль над их работой в ряде случаев слаб, осуществляет его, да и то не всегда, лишь руководитель данного предприятия или учреждения, человек в правовых вопросах зачастую недостаточно компетентный.

Многие юрисконсульты имеют, кроме своей основной работы, совместительство, отчего страдает качество их работы как основной, так и совмещаемой. Происходит это исключительно потому, что в централизованном порядке распределением юрисконсультов никто не занимается, из числа молодых специалистов на работу никто не направляется, разве что по так называемым персональным заявкам.

Юрисконсультами должен кто-то заняться, заняться по-настоящему и положить конец создавшемуся положению.

Контроль и руководство правовой деятельностью юрисконсультов может быть возложено, например, на государственные арбитражи при областных исполкомах, поскольку наибольшее количество дел разбирается именно в арбитражах. Осуществляя проверку деятельности юрисконсультов, арбитраж мог бы в надлежащих случаях оказать им существенную помощь. Кроме того, он информировал бы руководство об излишествах в совместительстве, осуществляя в некоторой степени (не сам, а через соответствующих руководителей) целесообразное распределение юрисконсультов.

В административном отношении юрисконсульты, кроме руководителя своего предприятия, должны быть непосредственно подчинены юридическому отделу главка или министерства.

При таком разрешении вопроса министерство могло бы правильно распределять юрисконсультов, и было бы покончено с положением, когда их более чем достаточно в крупных центрах и нехватает на периферии. При таком положении юридические отделы министерств могли бы представлять необходимые данные в Министерство высшего образования СССР для распределения молодых специалистов, оканчивающих юридические вузы.

Вопрос, поднятый мной, должен представлять известный интерес для работников правового фронта, и его следовало бы обсудить. Хотелось бы услышать мнение работников Министерства юстиции СССР и Государственного арбитража при Совете Министров СССР.

Может быть, в результате такого обсуждения вопрос будет, наконец, разрешен.

Юрисконсульт Новгородской областной торговой базы Главтекстильсбыта

Тынтарев

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

В № 2 журнала «Социалистическая законность» была напечатана корреспонденция т. Максимова «О протоколе судебного заседания».

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что предложение т. Максимова установить такой порядок, при котором объяснения сторон и показания свидетелей после их занесения в протокол судебного заседания оглашались бы и тут же подписывались, по мнению Главного управления по делам гражданских судебных органов МЮ СССР, неприемлемо, так как такой порядок крайне осложнил бы судебный процесс; к тому же в этом нет необходимости, поскольку все недостатки протокола судебного заседания могут быть обнаружены и устранены при подписании его председательствующим и секретарем или в связи с замечаниями сторон.

В № 2 журнала была напечатана корреспонденция т. Пчелина «Недооценка работы по уголовно-судебному надзору прокуратуры».

Прокуратура Смоленской области сообщила в редакцию, что корреспонденция была обсуждена на оперативном совещании при прокуроре области. По результатам обсуждения принято соответствующее постановление.

В № 2 журнала была напечатана статья т. Голубовского «Консультационная работа адвокатуры».

Управление Министерства юстиции РСФСР по Тульской области сообщило в редакцию, что в связи с опубликованием названной статьи было проведено заседание президиума Тульской областной коллегии адвокатов, на котором обсуждалась статья. На этом заседании была создана специальная комиссия по проверке фактов, изложенных в данной статье. Результаты работы комиссии будут обсуждены на расширенном заседании президиума. О принятых мерах будет сообщено дополнительно.

В К

Пробле
ного прои
ших проб
процесса,
и практи
До наст
ческой ли
разнообра
Система
процесса
юридичес
Обсужд
ского угол
происходи
сковском
ненное за
цесса Мос
Института
Всесоюзно
тута. В с
участие н
ческой Ак
юридическ
работники
Открыв
федрой у
юридическ
отметил, ч
советского
принципов
изложения
практичес
дискуссия
только пос
уголовного
способство
науки сов
С докла
ветского
доцент М.
Докладч
ципов, пре
не имеет
Строгович
буржуазно
выбирал и
его мнени
ловного пр
При рец
ципов до
исходить
ний, вытек
товарища
языкознани
ловного п
сущность
как части
2) эти пр

В ЮРИДИЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ

ТВОРЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ О ПРИНЦИПАХ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Проблема принципов советского уголовного процесса является одной из важнейших проблем науки советского уголовного процесса, имеющей огромное теоретическое и практическое значение.

До настоящего времени в нашей юридической литературе высказываются самые разнообразные взгляды на этот вопрос. Система принципов советского уголовного процесса по-разному излагается в высших юридических учебных заведениях.

Обсуждению системы принципов советского уголовного процесса было посвящено происходившее в течение трех дней в Московском юридическом институте объединенное заседание кафедр уголовного процесса Московского юридического института, Института международных отношений и Всесоюзного заочного юридического института. В объединенном заседании приняли участие научные работники Военно-юридической Академии, Всесоюзного института юридических наук, а также практические работники органов суда и прокуратуры.

Открывший дискуссию заведующий кафедрой уголовного процесса Московского юридического института проф. Д. Карев отметил, что вопрос о сущности принципа советского уголовного процесса, системе принципов, а также последовательность их изложения имеет большое теоретическое и практическое значение. Творческая научная дискуссия по этому вопросу должна не только послужить улучшению преподавания уголовного процесса в вузах, но и серьезно способствовать дальнейшему развитию науки советского уголовного процесса.

С докладом о системе принципов советского уголовного процесса выступил доцент М. Якуб.

Докладчик отметил, что система принципов, предлагаемая отдельными авторами, не имеет научного фундамента. Так проф. Строгович брал систему принципов из буржуазной процессуальной литературы и выбирал из этих принципов те, которые, по его мнению, пригодны для советского уголовного процесса.

При решении вопроса о системе принципов докладчик считает необходимым исходить из следующих пяти положений, вытекающих из гениальной работы товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»: 1) принципы советского уголовного процесса выражают природу и сущность советского уголовного процесса как части социалистической надстройки; 2) эти принципы проникнуты подлинным социалистическим демократизмом; 3) принципы советского уголовного процесса качественно отличны, принципиально противоположны принципам уголовного процесса эксплоататорских государств; 4) эти принципы воплощают в себе ленинско-сталинские идеи, относящиеся к вопросам правосудия; 5) принципы советского уголовного процесса являются гарантиями осуществления задач социалистического правосудия.

Особое значение для разработки научных проблем государства и права имеет Сталинская Конституция. Только она является тем непререкаемым научным фундаментом, на котором должна строиться система принципов советского уголовного процесса.

Наша прямая обязанность — изучать и популяризировать идеи Сталинской Конституции в практике нашей работы, доводить эти идеи до самых широких масс. Это необходимо и для стран народной демократии, ибо они используют наш опыт.

Принципы советского уголовного процесса, основанные на Сталинской Конституции, характеризуются подлинным, социалистическим демократизмом. Этот демократизм выражается в том, что они проникнуты интересами Советского государства, советского народа, обеспечивают самое широкое привлечение трудящихся масс к отправлению правосудия, доступность советского уголовного процесса (доступность, но не упрощенчество, ибо последнее — это выражение реакции) и осуществление прав и законных интересов советских граждан.

Социалистический демократизм и партийность советского уголовного процесса являются отправными моментами в определении системы принципов. Определению подлежат как сама система принципов, так и последовательность их изложения и терминология.

Исходя из того, что состав судей имеет важнейшее значение для правосудия, что законный состав суда является необходимой процессуально-правовой предпосылкой уголовного процесса, что участие народных заседателей в суде закреплено в Сталинской Конституции, и отмечая организационное единство между принципами организации суда и его деятельности, докладчик предлагает включить в систему принципов советского уголовного процесса принцип отправления правосудия с участием народных заседателей и принцип

отправления правосудия выборными судьями. Докладчик предлагает включить в систему принципов также принцип законности, выраженный не только в ст. 112, но и в ст. ст. 113, 127, 128 Сталинской Конституции. Он считает, что принцип независимости судей и подчинения их только закону относится только к судебной деятельности. Речь, следовательно, идет о двух принципах, органически связанных между собой. Необходимость введения в систему принципов уголовного процесса принципа законности докладчик основывает на том, что, если этот принцип является принципом деятельности всех государственных органов, то тем более нужно говорить о принципе законности в деятельности органов суда, прокуратуры, органов расследования.

Докладчик предлагает следующую систему принципов советского уголовного процесса, как непосредственно установленных Конституцией СССР, так и вытекающих из нее и связанных между собой органическим единством: 1) принцип отправления правосудия с участием народных заседателей; 2) принцип отправления правосудия выборными судьями; 3) принцип ведения судопроизводства на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика и права давать объяснения суду на родном языке; 4) принцип гласности судебного разбирательства; 5) принцип обеспечения обвиняемому права на защиту; 6) принцип независимости судей и подчинения их только закону; 7) принцип социалистической законности; 8) принцип официальности; 9) принцип устности и непосредственности судебного разбирательства; 10) принцип состязательности судебного разбирательства; 11) принцип единого и равного суда для всех граждан.

В заключение своего доклада доцент Якуб указывает на необходимость относить установление истины не к принципам, а к цели уголовного процесса. Он считает, что принцип процесса — это не идея, а выражение идеи, норма, содержащая наиболее общие положения. Эта норма должна отвечать на вопросы как, каким образом, каким методом. А задача, цель процесса, к каковым относится и отыскание истины, отвечают на вопросы: для чего, к чему.

Проф. М. Чельцов в своем докладе полностью разделил положение о том, что единственной политической и научной базой построения системы принципов советского уголовного процесса является Сталинская Конституция. Однако он не считает, что порядок изложения системы принципов должен следовать порядку изложения статей Конституции СССР. Первым в системе принципов должен быть назван принцип социалистической законности, который определяет весь процесс, все его стадии. Рядом с принципом социалистической законности докладчик предлагает поставить принципы, говорящие о составе суда, а также принцип независимости судей, так как стадия судебного рассмотрения дел является важнейшей стадией уголовного процесса. Целесообразно сократить наименование принципа, изложенного в ст. 110 Конституции СССР, ибо при изложении этого принципа, как бы он ни был назван, должно быть раскрыто его богатое содержание. Этот принцип может быть назван «принципом национального языка».

Касаясь вопроса о принципах, прямо не записанных в Сталинской Конституции, но вытекающих из нее, проф. Чельцов предлагает впредь не говорить о принципе официальности (публичности), так как этим словам иногда придается другое значение и это название нуждается в сложных объяснениях. В свете учения товарища Сталина и наших задач всемерного укрепления государства следует заменить название этого принципа принципом государственности процесса. Это наилучшим образом выражает интерес нашего государства и всего советского народа при возбуждении дел и их активном производстве.

Проф. Чельцов считает, что, исходя из принципа социалистической законности, нет необходимости говорить отдельно о принципах советской теории доказательств, а следует основные из них включить в общую систему принципов советского уголовного процесса, в частности, принцип оценки судом доказательств по внутреннему убеждению, выраженный в ст. ст. 57 и 319 УПК РСФСР. Основываясь на методологии марксизма, он предлагает говорить не об истине вообще, а об объективной истине, ибо истина, которой добиваются в процессе, есть та самая истина, которую изучают в диалектическом материализме, т. е. объективная истина. Ст. ст. 111 и 257 УПК РСФСР как раз и выражают стремление найти объективную истину. Проф. Чельцов возражает против того, чтобы принцип объективной истины был устранен из системы принципов советского уголовного процесса. Вся система принципов — это система правовых норм, рисующих демократические черты нашего процесса. Если наш процесс стремится к объективной истине, это одна из его характерных черт. Принцип объективной истины наряду с принципом законности должен считаться принципом процесса. Не случайно ст. 15 Закона о судоустройстве соединяет оба эти понятия: требование проверки законности приговора и требование проверки его обоснованности соответственно объективной истине.

Тов. Гусев (Военно-юридическая академия) не согласен с тем, что принцип процесса является нормой, ибо нет таких норм, в которых непосредственно были бы выражены состязательность или объективная истина. Принципами советского уго-

ловного процесса являются идеи и взгляды рабочего класса и всего советского народа, закрепленные в Сталинской Конституции, по вопросу о деятельности органов юстиции по расследованию преступлений и рассмотрению уголовных дел. Единственно научной системой является Сталинская Конституция, и необходимо придерживаться предусмотренной Конституцией системы построения принципов. Устность в качестве принципа выделять специально не следует, а следует добавить ее к гласности, ибо оба понятия являются идентичными. Не следует также выделять в качестве самостоятельных принципов состязательность и объективную истину, ибо оба эти начала поглощаются принципом обеспечения обвиняемому права на защиту. Не является самостоятельным принципом непосредственность, так как она поглощается принципом независимости судей. Однако совершенно необходимым является выделение в качестве самостоятельного принципа неприкосновенности личности, жилища и тайны переписки.

Тов. Наникашвилли (аспирант Всесоюзного института юридических наук) считает, что ключ к правильному решению вопроса о системе принципов — это решение вопроса о том, что такое принцип советского уголовного процесса. Принципы не изменяются, а нормы изменяются, и именно поэтому принципы не являются нормами. Нельзя согласиться также с тем, что принципы это идеи, так как идеи это более широкое понятие, чем принципы. Принципы — это основные положения. Необходимо возражать против включения в систему принципов советского уголовного процесса предложенного т. Гусевым принципа неприкосновенности личности, жилища и охраны тайны переписки по тем основаниям, что эти гарантии созданы законодателем для честных граждан, но не для преступников. Нельзя согласиться также и с предложением т. Якуба о включении в систему принципов выборности судей и участия народных заседателей, так как эти положения не распространяются на все стадии уголовного процесса. Эти положения Конституции СССР т. Наникашвилли называет «организационными принципами судопроизводства».

Тов. Гинзбург (Прокуратура РСФСР) полностью присоединяется к тому, что основной базой системы принципов советского уголовного процесса является Сталинская Конституция. В систему принципов должен войти и ряд положений, прямо в Конституции СССР не изложенных. Товарищ Сталин неоднократно указывал, что Конституция является не сводом законов, а основным законом, и она предполагает активную деятельность будущего законодательства. Следует научно разработать систему принципов, чтобы она нашла свое выражение в будущем законодательстве, и ввести в систему принципов уголовного процесса принцип демократизма, так как он, как и принцип законности, пронизывает все положения процесса и качественно отличает советский уголовный процесс от процесса буржуазных стран. Именно принцип демократизма включает положения о выборности суда, участии народных заседателей, партийности процесса и его простоте. Серьезные сомнения, по его мнению, вызывает принцип официальности. Об этом принципе говорят в двух смыслах: в смысле возбуждения уголовного дела независимо от желания потерпевшей стороны и в смысле активности органов расследования и суда. Однако значительное число уголовных дел возбуждается не по инициативе органов прокуратуры и расследования, как-то дела частного обвинения, о должностных преступлениях работников профсоюзов и др. Принцип официальности следует заменить принципом активности органов следствия, прокуратуры и суда в борьбе с преступностью; положение ст. 110 Сталинской Конституции именовать «принципом равноправия языков».

Тов. Куцова (Московский юридический институт) считает, что нельзя говорить о принципах, как об идеях. Принципы — это основные начала, основополагающие начала нашего судопроизводства. Необходимо следовать той системе, которая дана в Сталинской Конституции, ибо эта система является единственно научной и изложение каждого из принципов естественно подводит к последующему принципу. Следует возражать против включения в систему принципов уголовного процесса неприкосновенности личности, жилища и тайны переписки, ибо процессуальные гарантии предоставляются лицу, которое так или иначе попадает в сферу уголовного процесса, а включением этих начал в систему принципов уголовного процесса значение этих начал будет недопустимо сужено.

Тов. Лупинская (Всесоюзный институт юридических наук) признает правильным определение принципов как основных начал. Однако это не является решением вопроса, так как следует дать ответ на вопрос о том, что же такое основные начала. Принципами являются те нормы права, которые воплотили в себе основные взгляды, основные идеи о роли судебных органов, их построении, их функциях. Именно к нормам права мы обращаемся, когда мы говорим о принципах процесса.

Доцент т. Радьков (Институт международных отношений) считает, что вопрос о принципах советского уголовного процесса — это вопрос о сущности советского уголовного процесса. Так, проф. Строгович, исходя из того, что советский уголовный процесс представляет систему отношений между субъектами, делает вывод, что руководящим принципом процесса является принцип состязательности. Но едва ли можно согласиться с тем, что советский уголовный процесс отличается от

буржуазного принципом состязательности. Под принципами нужно понимать идеи большевистской партии по вопросу о суде, которые имеют принципиальное значение для раскрытия сущности советского уголовного процесса.

Под принципами советского уголовного процесса нужно понимать такие устои, такие основные положения, которые свойственны только советскому уголовному процессу, которые отличают его от буржуазного процесса. Нельзя отрывать принципы деятельности суда от принципов его организации. Задача советских процессуалистов состоит в том, чтобы раскрыть содержание конституционных принципов. Тогда найдется место и для непосредственности, и для непрерывности, и для состязательности. Следует возражать против разделения принципа законности на два. Законность у нас одна во всех стадиях процесса и выражена она в ряде положений Конституции СССР, в том числе и в ст. 112. При изложении принципов следует строго придерживаться системы, установленной Сталинской Конституцией. Правильное решение вопроса о принципах даст возможность правильно решать вопрос о путях дальнейшего развития социалистического правосудия.

По докладам доц. Якуба и проф. Чельцова высказались тт. Веревкин (ВЮЗИ), Петренко (аспирант МЮИ), Эделев (Главная военная прокуратура), Сенин (член Верховного суда СССР) и другие.

В своем заключительном слове т. Якуб отметил, что обсуждение вопроса о понятии принципов показало, что среди процессуалистов отсутствует спор о сущности принципов, имеется лишь спор о формулировке. Он не настаивает на первоначально данной формулировке, но считает, что в определении понятия принципа необходимо подчеркнуть его нормативный момент, ибо это должно сыграть свою роль в укреплении законности. Нельзя выводить принципы из ст. 102 Конституции, так как не может быть правосудия, не осуществляемого судом. Следует согласиться с проф. Чельцовым о необходимости ставить на первое место принцип законности, ибо это наиболее общий принцип. Затем следует придерживаться порядка статей 103—112 Конституции. Предложенную им вначале систему принципов т. Якуб предлагает дополнить принципом объективности, полноты и всесторонности, а также принципом оценки доказательств по убеждению судей.

Проф. Чельцов в своем заключительном слове заявил о своем согласии с рядом выступавших товарищей, что нельзя отрывать принципы чисто организационные от принципов чисто процессуальных, ибо одних без других нет. Это — принципы деятельности советского суда. Наиболее важный итог прошедшей дискуссии — то единодушие, к которому пришли все участники дискуссии о необходимости излагать систему принципов на базе Сталинской Конституции.

Доц. Малькевич (заведующая кафедрой уголовного процесса ВЮЗИ) считает ошибочным говорить о принципе как об идее. Когда речь идет о положениях закона, здесь уже не взгляды, а учреждения. Кроме принципов должны быть подчиненные им и из них вытекающие обязательные условия. Именно к таким условиям относится внутреннее убеждение судьи. Условиями вынесения правосудного приговора необходимо считать также устность и непосредственность. Принцип состязательности в том виде, как его толкует проф. Строгович, понимая под состязательностью разделение функций обвинения и решения дела по существу, — это принцип буржуазного процесса. Другое понимание вкладывает в состязательность академик Вышинский, когда он говорит об активности сторон и суда. Однако спорным продолжает быть вопрос, является ли состязательность незыблемой основой нашего уголовного процесса, ибо в тех случаях, когда стороны в процессе не участвуют, советский суд также располагает всеми условиями для вынесения правосудного приговора. Касаясь вопроса о презумпции невиновности, т. Малькевич считает, что презумпция вообще не свойственна нашему процессу, что стремление к объективной истине как ближайшей цели процесса исключает всякого рода презумпцию. Презумпция в том виде, как она внесена в наш процесс проф. Строговичем, может лишь породить постоянные сомнения у работников суда и следствия. Тов. Малькевич отметила, что в результате творческой дискуссии научные работники трех крупных юридических вузов столицы достигли полного единодушия в вопросе о том, что единственно научной основой уголовного процесса являются конституционные основы. Положительным итогом дискуссии является также единодушно выраженное мнение о том, что система принципов советского уголовного процесса в равной мере должна включать также принципы, предусматривающие организацию суда. Единодушной является также точка зрения о том, что у нас нет двух групп принципов, а есть одна группа, основы которой определены главой IX Сталинской Конституции.

Отмечая положительный результат творческой научной дискуссии о принципах советского уголовного процесса, т. Малькевич выразила уверенность в том, что эта дискуссия является серьезным толчком для научной мысли, для монографических разработок, для улучшения преподавания в высших юридических учебных заведениях.

Т. Н.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. М. Свердлов, **«Советское семейное право»**, учебное пособие для юридических вузов, Государственное издательство юридической литературы, 1951, стр. 223.

Вопросы советского семейного права, живо затрагивающие интересы граждан СССР, их быт и взаимоотношения, всегда являлись предметом особой заботы и тщательного регулирования в нашем законодательстве. Важнейшие законы о браке и семье до их принятия законодательными органами всенародно обсуждались. Партия и правительство в СССР всегда чутко прислушивались и прислушиваются к мнению советской общественности о мерах дальнейшего улучшения законов, регулирующих семейно-брачные отношения. Забота об укреплении семьи и о государственной охране интересов матери и ребенка всегда являлась одной из важнейших задач социалистического государства.

Естественно поэтому, что особый интерес для нашей науки представляет разработка проблем советского семейного права. Изучение советских законов о браке и семье, обобщение практики применения этих законов являются актуальной задачей теоретических работников советского права, трудами которых пользуются не только в высших учебных заведениях, но и в органах прокуратуры, судах и в других учреждениях; этими трудами весьма интересуются в странах народной демократии, где давно уже широко воспринимается опыт социалистического строительства в СССР, в частности, в области регулирования брачно-семейных отношений.

Несмотря на такое большое значение вопросов семейного права, нельзя сказать, что советские ученые уделяют им необходимое внимание.

Вышедшее в 1951 году учебное пособие для юридических высших учебных заведений «Советское семейное право» Г. Свердлова является по существу первым и единственным учебником, изданным у нас по этой дисциплине.

До настоящего времени семейное право в юридических высших учебных заведениях преподается как часть гражданского права, хотя давно уже установлено как в нашем законодательстве, так и в теории советского права, что в СССР в отличие от буржуазных стран семейные отношения составляют предмет особого регулирования отдельной отрасли советского законодательства, что семейное право занимает самостоятельное место в системе советского права.

В учебном пособии по советскому гражданскому праву (том II, изд. 1951 года) под редакцией проф. С. Братуся специально доказывается, что советское семейное право является особой отраслью социалистического права (стр. 364—365). Тем не менее вопросам семейного права отводится именно здесь всего лишь четыре главы (68 страниц из 500) наряду с главами о договорах купли-продажи подряда, перевозки, комиссии и т. д.

Известно, что в судебной и прокурорской практике, где студенты по окончании вузов будут применять получаемые ими знания, вопросы семейного права занимают несравненно большее место, чем все указанные вопросы гражданского права.

Поэтому, рассматривая книгу Г. Свердлова прежде всего с точки зрения потребностей преподавания в юридических высших учебных заведениях, для которых она предназначена, надо подчеркнуть, что выпуск этого пособия имеет большое значение для надлежащей организации преподавания советского семейного права. Наряду с утвержденной в 1951 году Министерством высшего образования СССР программой по советскому семейному праву теперь уже имеется у нас учебник, который обеспечивает самостоятельное и высококачественное преподавание этого предмета.

Рецензируемое учебное пособие представляет собою итог авторских исследований и, несомненно, является не только необходимым учебником для студентов вузов, но и полезной книгой для практических работников суда, прокуратуры, управлений юстиции и других учреждений.

Книга состоит из пятнадцати глав, освещающих предмет и основные принципы советского семейного права, краткую историю советского семейного права, источники его, а затем отдельные институты семейного права, брак (его формы, условия вступления в брак, недействительность брака, прекращение брака), семью (правовые взаимоотношения супругов и других членов семьи), усыновление и другие институты принятия детей в семью на воспитание. Последняя (15-ая) глава посвящена семейному праву стран народной демократии.

Как видно из сказанного, Г. Свердлов в отличие от авторов других учебников не выделил специальной главы или раздела книги для изложения вопросов семейного права капиталистических стран. Автор поступил правильно, дав к пяти основным главам своей работы дополнительные части, посвященные общей характеристике соответствующих институтов брачно-семейного права капиталистических государств.

Такое построение учебника дает возможность студенту сосредоточеннее изучать советское право, что особенно важно как

для него, так и для практики; такое построение учебника дает возможность после изложения положительного материала о советском семейном праве тут же убедительно показывать реакционную сущность институтов семейного права капиталистических стран.

Автор, давая мелким шрифтом в виде кратких справок сведения о буржуазном законодательстве, в соответствующих главах своей книги политически остро вскрывает всю подлость и лицемерие буржуазного семейного права и убедительно, с примерами и фактами в руках раскрывает и доказывает коренное, принципиальное отличие советского семейного права от семейного права любой из стран капитала.

Читатель книги Г. Свердлова получает цельное и ясное представление о действующем советском законодательстве и о судебной практике по вопросам семьи и брака. Автор показывает революционную роль советских законов о браке и семье, причины изменения этих законов в ходе развития социалистического общества, роль и значение советского семейного права в воспитании социалистических отношений между супругами и другими членами семьи, в преодолении пережитков капитализма в сознании людей, в воспитании преданных родине граждан СССР, забота о которых с самого детского их возраста является важнейшей задачей советского государства.

Особенно хорошо разработаны главы книги: «Предмет и основные принципы советского семейного права» (гл. I), «Основные этапы развития советского семейного права» (гл. II), «Источники советского семейного права» (гл. III), «Усыновление» (гл. XIII).

Основным достоинством книги Г. Свердлова является высокий теоретический уровень работы, в которой изучены и освещены важнейшие высказывания классиков марксизма-ленинизма по вопросам брака и семьи, показана роль советского государства и права в укреплении семьи, обобщена практика применения советских законов о браке, семье и опеке, всесторонне изучены основные проблемы брачно-семейного права, возникающие в советской правовой науке и в судебной практике. Достоинствами учебного пособия являются стройность его системы, простота и ясность изложения материала, полнота освещения норм семейного права всех союзных республик.

Наряду с этим книга содержит ряд недостатков, устранение которых необходимо в новом издании.

Прежде всего надо сказать, что автор чрезмерно краток в освещении многих вопросов семейного права. Основным принципам советского семейного права, например, автор уделяет всего шесть страниц (стр. 21—26), причем он не объясняет, что понимает под принципами советского семейного права; поэтому непонятно, почему «укрепление семьи» названо автором первым основным принципом советского семейного права в то время, как оно является целью и задачей семейного права.

Главы IV («Понятие брака») и IX («Состав семьи и понятие родства») занимают вместе всего пять страниц и по краткости изложения отнюдь не похожи на главы учебного пособия. Излишняя лаконичность имеет место в книге и в ряде других мест.

Главу X («Правовые взаимоотношения супругов») автор начинает сразу с вопроса о фамилии супругов, без вводных объяснений о том, какие взаимоотношения между супругами бывают и каково их значение. «Вопрос о фамилии супругов занимает видное место в истории советского семейного права», говорит автор, начиная с этого указанную главу, но далее не показывает, в чем же важность или «важное место» этого вопроса. То же самое автор делает, начиная изложение вопросов имущественных отношений супругов без объяснения того, что такое имущественное отношение супругов, в чем их отличие от общегражданских отношений. Этот раздел автор сразу же начинает с добрачного имущества супругов (стр. 109).

Автор правильно делает, что на всем протяжении книги показывает реальное и конкретное осуществление основных принципов советского семейного права, в первую очередь равноправия женщины и мужчины, охраны интересов матери и ребенка. Однако он допускает излишние повторения, которые следовало бы устранить (см. например, стр. 107, 150).

Надо указать на излишнюю подробность в изложении вопросов, касающихся недействительности брака, которая редко встречается на практике. Автор не всегда учитывает необходимость пояснения отдельных институтов семейного права и отдельных вопросов применения норм Кодекса законов о браке, семье и опеке конкретными примерами из практики.

Под заглавием «Другие личные права супругов» автор излагает вопросы, относящиеся к их имущественным правам (стр. 108—109).

В главе «Правовые взаимоотношения супругов» нет ответа на вопрос о том, что супруги могут вступать в договорные отношения друг с другом, каковы последствия этих договорных отношений, особенно в случаях, когда затрагиваются интересы третьих лиц. На стр. 115 автор рассматривает спорный вопрос о возможности раздела общего имущества супругов в брачный период и высказывается за то, что в таких случаях допустим раздел общего имущества супругов. Аргументирует он свое мнение тем, что «нарушение начала общности имущества супругов не всегда и не обязательно влечет за собою прекращение брака. Супруги могут разойтись в вопросе об общем имуществе, о том, как этим имуществом распорядиться о размере доли каждого из них в этом имуществе,

и расхождение между ними может вылиться даже в судебный спор. Но это не обязательно будет влечь за собою прекращение брака. Этот спор не следует ставить в зависимость от расторжения брака».

Это рассуждение звучит убедительно. Но оно является односторонним, так как не дает ответа на другое существенное возражение, которое сводится к тому, что согласно закону имущество, нажитое супругами в период брака, является их общим имуществом. Следовательно, сколько бы они ни делили это общее имущество между собой, оно, как нажитое в период брака, продолжает считаться общим имуществом, поскольку брак продолжается. Третьи лица, с которыми супруги также находятся в имущественных отношениях, не обязаны считаться с тем, что супруги разделили свое имущество, нажитое ими в браке. Они обязаны исходить из закона, устанавливающего общность, а не раздельность имущества, нажитого супругами в браке. Эти вопросы остались без внимания со стороны автора.

Нам представляется, что напрасно автор на стр. 149—151 подробно остановился на не имеющем практического значения споре о том, кто в алиментном правоотношении является субъектом прав и обязанностей. «В какой роли выступает здесь,— говорит автор,— с одной стороны, ребенок, а с другой стороны, то лицо, которое предъявляет иск». Г. Свердлов не согласен с ответом на этот вопрос, который может быть дан (неизвестно кем): «Субъектом алиментного права всегда является только несовершеннолетний, а лицо, предъявляющее иск, всегда выступает только как представитель интересов несовершеннолетнего». Свой же ответ автор дает недостаточно четко и определенно. Он говорит, что родитель, предъявляющий алиментный иск, действует, с одной стороны, как представитель прав и интересов ребенка, с другой стороны, как самостоятельный субъект права на алименты на ребенка. Мы устанавливаем, следовательно, известную самостоятельность интересов и прав родителя в алиментном деле. Но эта самостоятельность относительная: «возникновение и продолжительность существования самого алиментного права родителя целиком зависит от прав ребенка» (стр. 151). Эти рассуждения, будучи не очень убедительными, в то же время ничем не обогащают ни теорию, ни практику.

На стр. 156 сказано, что нетрудоспособный и нуждающийся родитель вправе взыскать алименты с одного из своих детей, а последний может предъявить регрессные иски к остальным детям. Источник такого разъяснения не указан, в законе об этом ничего не говорится. Поэтому непонятно, на чем основано такое объяснение автора. Предъявление регрессного иска возможно тогда, когда имеются солидарные обязательства двух или более лиц перед третьим лицом. В отношениях же родителей и детей нет таких обязательств. Нет здесь и надобности в регрессном иске, так как родитель нередко предъявляет требование о своем содержании к одному из своих детей и по тем или иным соображениям не желает содержания от других детей. Поэтому нет надобности навязывать ему алименты от других детей, если он этого не желает. Из дальнейшего изложения автора видно, что он это обстоятельство учитывает и вовсе не навязывает родителю взыскание алиментов с других детей, если он этого не желает. В таком случае не ясно, к чему нужны регрессные иски в этих делах.

Автор употребляет иностранные слова и термины, особой необходимости в которых нет. Например, о том, что брак это — «моногамный союз» (стр. 57), что «ясным случаем бигамии» является заключение брака с лицом, которое уже состоит в другом браке (стр. 79), или на стр. 80 «бигамический брак» и т. д. На стр. 87 говорится о «конститутивном» значении судебного решения и регистрации развода, на стр. 94, 117, 154 и других — об «алиментировании», на стр. 128—о «дискриминации ребенка», на стр. 123 — о том, что «презумпция отцовства мужа матери ребенка в социалистическом обществе получает свое обоснование в самом строе социалистических семейных отношений». Помимо того, что все эти слова могли бы быть с успехом заменены русскими словами, применение их вряд ли вообще оправдывается в учебном пособии, так как не облегчает понимания вопроса. Например, в последнем случае слово «презумпция» ничего не объясняет и практически никакого значения не имеет, так как все равно советский суд не оперирует понятиями «презумпция отцовства мужа матери» и другими презумпциями, он требует представления доказательств для установления того или иного подлежащего доказыванию факта.

Затронув вопрос о том, что при наличии такой презумпции муж все же может оспорить в судебном порядке запись об отцовстве, Г. Свердлов говорит, что в этом случае запись об отцовстве аннулируется (стр. 123). И что же тогда следует отсюда автор не говорит. А между тем это вовсе не так просто, если суд признает, что при наличии у матери брака с отцом ребенка последний родился не от этого лица, а от кого-то другого. В этом случае такой ребенок может оказаться в положении ребенка одинокой матери без права последней на государственное пособие. А если в семье имеются и другие дети, то среди них этот ребенок может оказаться в положении «неравноправного» ребенка.

В книге имеется и много опечаток (см., например, стр. 101, 103, 110, 115, 156, 157, 158, 176 и др.); редакционных неточностей (стр. 103, 104, 117, 119, 145, 150, 153, 154, 157, 161, 184, 210 и др.). В ряде мест нет связи между отдельными частями

глав или перехода от одного вопроса к другому (стр. 138, 149, 151, 152, 165, 189 и др.).

Автор не всегда делает ссылки на закон, который им излагается или приводится. Это затрудняет читателя пользоваться книгой в своей практической работе. Для ссылки на соответствующий закон читатель сам должен найти этот закон или подзаконный акт без помощи автора и не зная при этом, откуда автор приводит тот или иной текст. Особенно это относится к стр. 136 и следующим, где автор говорит о том, что «родители не вправе, например, без согласия органов опеки и попечительства отчуждать имущество, принадлежащее лично детям, отказываться от имущества, которое переходит по наследству детям по завещанию или по закону». Хотелось бы знать, на основании какого закона автор делает такое утверждение, которое не без основания может вызвать недоумение советских родителей. Сам автор на следующей странице подчеркивает другое, а именно то, что в отношении родителей нет таких ограничений или подконтрольности их действий, которым подвергаются опекуны и попечители.

Вопросам опеки и попечительства уделено автором мало места, в книге нет даже такого заголовка или хотя бы подзаголовка об опеке и попечительстве; этим вопросам отведено только немногим больше одной страницы (189—190) в главе о принятии детей в семью на воспитание. Вопросам патроната, который также не выделен, уделено всего три страницы (190—193).

Глава о семейном праве стран народной демократии написана хорошо и представляет большой интерес для читателей. Автор показывает здесь, как эти страны, вступив на путь социализма, коренным образом перестроили семейно-брачные отношения, издав ряд законодательных актов с использованием опыта Великой Октябрьской социалистической революции. Непонятно, однако, чем объясняется то, что автор в этой главе почти ничего не говорит о том, как разрешен в странах народной демократии вопрос о взыскании алиментов.

Перечисленные недостатки в книге Г. Свердлова отнюдь не умаляют указанных выше достоинств этого учебного пособия по советскому семейному праву.

Надо пожелать, чтобы автор во втором издании этой полезной работы устранил указанные недостатки и в ближайшее время дал хороший учебник по советскому семейному праву.

В. Тадевосян

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ

ПО ОБЩЕМУ НАДЗОРУ

Руководитель учреждения или предприятия не вправе считать прогулом невозвращение работника из командировки в установленный срок.

Начальник «Главзапрыбтары» Министерства рыбной промышленности СССР своим приказом установил, что в случае невозвращения работника из командировки в установленный срок, без продления командировки, он привлекается к ответственности за прогул.

Прокуратура СССР опротестовала этот приказ по следующим основаниям. Не может считаться прогулом несвоевременное возвращение работника из командировки в тех случаях, когда работник задержался вне места постоянной работы, выполняя служебные обязанности, и не обеспечил при этом продления командировки. Несоблюдение порядка продления командировки, установленного в данном учреждении или предприятии, является служебным проступком и может повлечь привлечение виновного к дисциплинарной ответственности, однако, нарушителя нельзя рассматривать как прогульщика.

Следует отметить, что прогул без уважительных причин во время командировки может быть совершен работником и без нарушения срока командировки. И наоборот, задержка в командировке может произойти с работником, добросовестно выполнившим задание, но по каким-либо непредвиденным обстоятельствам не уложившимся в установленный срок и не имевшим возможности своевременно оформить продление командировки.

Министр рыбной промышленности СССР согласился с протестом Прокуратуры СССР и отменил приказ «Главзапрыбтары».

Трудовые договоры не могут противоречить закону

Начальник «Союзморпроекта» Министерства морского флота СССР предложил «Дальморпроекту» заключить с лицами, направляемыми на работу в районы Крайнего Севера или в приравненные к ним отдаленные местности, трудовые договоры только при условии, если работники обязуются после трех лет работы в указанных районах продолжать службу в других экспедициях Дальневосточной изыскательской конторы.

Прокуратура СССР опротестовала это указание по следующим мотивам:

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г. «О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера» («Ведомости Верховного Совета СССР» 1945 г. № 51) установлено, что предусмотренные им льготы распространяются на лиц, которые заключили договоры о работе на Крайнем Севере на срок не менее трех лет. Инструкция Наркомфина СССР и ВЦСПС по применению указа от 1 августа 1945 г., утвержденная Правительством СССР, предусматривает право работника по истечении трудового договора не возобновлять его действия и выехать в другую местность, причем предприятие, учреждение или организация обязаны возместить фактические расходы на обратный проезд к прежнему месту жительства. Больше того, за лицами, уволенными по истечении срока договора и получившими компенсацию за неиспользованный отпуск, сохраняется непрерывный стаж, если перерыв в работе продолжается не более двух месяцев, не считая времени проезда к прежнему месту жительства. Требование «Союзморпроекта», обязывающее работников по истечении срока трудового договора к работе в районах Крайнего Севера, незаконно ограничивает предоставленное этим работникам право свободно избирать себе место новой работы после того, как обязательства по срочному трудовому договору ими выполнены, но от возобновления его действия они отказались.

Министерство морского флота СССР с протестом Прокуратуры СССР согласилось и отменило указание начальника «Союзморпроекта».

Обменные операции с товаро-материальными ценностями являются противозаконными

Начальник «Арктикстроя» Главного управления Северного морского пути своим приказом установил, что всякого рода обменные операции строительных контор с товаро-материальными ценностями допускаются только с разрешения «Арктикстроя».

Прокуратура СССР опротестовала этот приказ как незаконный. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1941 г. «О запрещении продажи, обмена

и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия» («Ведомости Верховного Совета СССР» 1941 г. № 8) устанавливает, что все имеющиеся на предприятиях излишки оборудования, а также материалы, оказавшиеся излишними и неиспользованными, подлежат специальному учету и перераспределению в порядке, определяемом Правительством СССР. По действующему законодательству перераспределенные между предприятиями излишние материалы оплачиваются по действующим ценам. Всякие обменные операции (прямой товарообмен) категорически запрещены указом от 10 февраля 1941 г. под угрозой судебной ответственности, а министерствам, ведомствам и хозяйственным организациям не предоставлено права разрешать подчиненным им предприятиям производить обмен излишних товаро-материальных ценностей. Вопреки этому «Арктикстрой» незаконно присвоил себе право разрешать строительным конторам обмен материалов.

Начальник Главсевморпути с протестом прокуратуры согласился и приказ отменил.

Установление незаконного порядка списания недостач товаро-материальных ценностей

Горно-геологическое управление Главсевморпути при Совете Министров своим приказом установило, что списание с балансов подчиненных ему предприятий недостач товаро-материальных ценностей сверх норм естественной убыли производится по актам комиссий, с указанием виновных и только после утверждения этих актов горно-геологическим управлением.

Прокуратура СССР опротестовала этот приказ по следующим основаниям. Положение о бухгалтерских отчетах и балансах государственных, кооперативных (кроме колхозов) и общественных предприятий и организаций предусматривает, что недостачи ценностей сверх норм, а равно потери от порчи ценностей относятся за счет виновных лиц. Поэтому при наличии акта комиссии с указанием виновников недостачи, разрешение на списание этих сумм противоречит закону. Кроме того, Горно-геологическое управление не вправе разрешать списание с балансов недостач ценностей сверх норм, а также порчу товаров или материалов и в тех случаях, когда конкретные виновники недостачи и порчи не установлены. В этих случаях право разрешать указанные списания с балансов государственных предприятий союзного и республиканского значения предоставлено только министрам или руководителям центральных учреждений СССР, союзных и автономных республик, за исключением случаев, когда такое списание может быть произведено только с разрешения Совета Министров СССР или советов министров союзных и автономных республик. Главным управлениям министерств и ведомств не предоставлено право разрешать списание с балансов подчиненных им предприятий недостач ценностей сверх норм, а равно испорченных материалов и товаров.

Начальник Главсевморпути с протестом Прокуратуры СССР согласился,— приказ Горно-геологического управления приведен в соответствие с законом.

Незаконное расширение административных прав рыболовного надзора

Начальник Северного управления рыбоохраны утвердил «Руководство по практическому оформлению дел о нарушениях правил рыболовства» для органов рыболовного надзора.

Ряд пунктов этого руководства опротестован Прокуратурой СССР по следующим основаниям. Руководство предусматривает наложение органами рыболовного надзора штрафа за строительство на береговых участках, не разрешенное рыболовным надзором. Между тем закон не требует получения разрешения рыболовного надзора для производства строительства на береговых участках. Равным образом руководство предусматривает наложение штрафа за непредставление органам рыболовного надзора планов и сведений о вылове рыбы. Это противоречит постановлению Правительства СССР о регулировании рыболовства и охране рыбных запасов, которое предоставляет рыболовному надзору право налагать штрафы только за нарушения правил рыболовства. Обязанность же представления рыбозаготовителями планов и сведений о добыче рыбы правилами рыболовства не предусмотрена, а поэтому налагать штраф за невыполнение этой обязанности органы рыболовного надзора права не имеют. Руководство предоставляет право налагать штрафы за нарушение правил рыболовства участковым инспекторам рыболовного надзора в то время, как законом установлено, что эти штрафы могут налагать только начальники, а также старшие и районные инспектора рыболовного надзора, участковые же инспектора этим правом не пользуются. Руководство не устанавливает срока, в течение которого за нарушение правил рыболовства может быть наложен штраф, что противоречит примечанию 3 к ст. 14 Уголовного кодекса РСФСР, которое устанавливает, что за проступки, преследуемые в административном порядке, наложение взысканий может иметь место только в течение одного месяца со дня их совершения.

Министерство рыбной промышленности СССР с протестом Прокуратуры СССР согласилось и внесло в руководство соответствующие изменения.

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Лица, вселенные на жилую площадь, занимаемую съемщиком на законном основании, без согласия этого съемщика, подлежат выселению

Тарасюк Ш. Ш. предъявила в суде иск к Пироговой о выселении ее из квартиры, ссылаясь на то, что в апреле 1951 года ей была предоставлена одна комната размером 14 кв. м при аптеке № 2, где она и проживала со своим сыном. В июле 1951 года по состоянию здоровья она выехала на лечение в г. Одессу и после возвращения домой в августе 1951 года обнаружила, что в ее квартиру аптечное управление вселило Пирогову с ребенком, которая добровольно отказывается освободить комнату и создает невозможные условия для совместного проживания. Поэтому Тарасюк просила выселить из комнаты Пирогову. Народный суд 2-го участка Сталинского района г. Кишинева решением от 24 сентября 1951 г. в иске Тарасюк отказал за необоснованностью иска. Протест Прокурора Молдавской ССР об отмене этого решения судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда республики определением от 14 декабря 1951 г. отклонила.

По протесту Генерального Прокурора СССР дело было рассмотрено в порядке надзора в Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР.

Соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, коллегия указала, что, отказывая в иске Тарасюк о выселении Пироговой, народный суд мотивировал свое решение тем, что истица и ответчица работают в одном ведомстве, спорная комната является ведомственной и поэтому как истица, так и ответчица имеют равное право на эту комнату, а о том, что ответчица своим поведением создает невозможные условия для совместного проживания, по делу не доказано. По этим же мотивам Верховный суд Молдавской ССР оставил в силе решение народного суда. Между тем, как видно из дела, спорная комната в апреле 1951 года была предоставлена Тарасюк. В этой комнате она проживает со своим сыном. Пирогова вселена в эту комнату во время отсутствия истицы и без ее согласия в августе 1951 года. В результате вселения Пироговой на жилую площадь Тарасюк в одной комнате оказались две семьи и помещены лица разного пола (поскольку истица имеет сына в возрасте 17 лет), что противоречит закону. При таком положении вселение Пироговой в комнату Тарасюк является незаконным, и суд неосновательно отказал в иске Тарасюк о выселении Пироговой.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение народного суда и определение Верховного суда Молдавской ССР, передав дело на новое рассмотрение.

Неправильное применение ст. 42^3 Кодекса законов о браке, семье и опеке

В сентябре 1948 года Белякова, А. П., предъявила в суде иск к Анисимову, А. С., о средствах на содержание ребенка. Народный суд 2-го участка Октябрьского района Ленинграда удовлетворил иск и обязал Анисимова выплачивать алименты на ребенка в размере 1/4 всех видов его заработка. Верховный суд РСФСР отклонил протест Прокурора РСФСР, в котором ставился вопрос об отмене решения народного суда с прекращением дела производством за отсутствием у Беляковой права на иск.

Считая решение суда и определение Верховного суда РСФСР неправильными, Генеральный Прокурор СССР опротестовал их в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного суда СССР.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отметила, что согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. рассмотрению в судебных органах подлежит иск матери о взыскании алиментов на ребенка, родившегося до издания указа от 7 июня 1944 г. от лица, с которым мать не состоит в зарегистрированном браке, при условии, если ответчик записан в качестве отца ребенка в книгах записи актов гражданского состояния. Как видно из материалов дела, Белякова в зарегистрированном браке с Анисимовым не состояла и в свидетельстве о рождении Анисимов не записан отцом ребенка, родившегося у истицы 11 октября 1940 г. Следовательно, у истицы отсутствовало право на предъявление к Анисимову иска об алиментах на ребенка. Совершенно произвольной является ссылка в определении Верховного суда РСФСР на то, что обязанность доставлять средства на воспитание ребенка у ответчика возникает на основании ст. 42^3 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР. Для применения этой статьи необходимо наличие между сторонами таких фактических отношений, из которых явствует, что в течение определенного длительного времени лицо, не обязанное в силу закона воспитывать и содержать несовершеннолетних и нуждающихся нетрудоспособных детей, фактически постоянно воспитывало ребенка, заботилось о нем и содержало его. Между тем в деле нет данных, которые свидетельствовали бы о том, что ребенок Беляковой находился на постоянном воспитании у ответчика или что ответчик хотя бы принимал какое-либо участие в его воспитании. Наоборот, по делу установлено, что ответчик с истицей после рождения у нее ребенка не проживал, и все отношения сторон сводились к тому, что ответчик написал истице в 1947 году несколько писем и выслал ей 300 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила ре-

шение народного суда и определение Верховного суда РСФСР и прекратила дело за отсутствием у Беляковой права на иск.

Жилая площадь в ведомственных домах предоставляется только в пользование работников ведомства по распоряжению администрации этого ведомства

Завод имени 1 мая обратился в суд с иском о выселении из принадлежавшего ему дома Кондрашовой, Е. С., мотивируя свое требование тем, что ответчица без ведома и согласия завода вселилась в одну из квартир этого дома. Народный суд 1-го участка Симферополя в иске заводу отказал. Крымский областной суд оставил в силе это решение, но постановил аннулировать выданный Кондрашовой ордер на спорную площадь. По протесту Председателя Верховного суда РСФСР Верховный суд РСФСР отменил решение народного суда и определение областного суда и направил дело на новое рассмотрение Крымскому областному суду по первой инстанции. При разрешении дела Крымский областной суд установил, что Кондрашова вселилась на спорную площадь незаконно, не имея на то согласия завода. В связи с этим областной суд решил выселить Кондрашову со спорной площади, аннулировать выданный ей жилищным управлением ордер и обязал завод предоставить Кондрашовой другую жилую площадь. Верховный суд РСФСР решение суда оставил в силе.

Считая все состоявшиеся решения и определения неправильными, Генеральный Прокурор СССР опротестовал их в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного суда СССР.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала, что по делу установлено, что Кондрашова без ведома и согласия администрации завода имени 1 мая вселилась в одну из квартир заводского дома, а 3 июня 1950 г. Симферопольское жилищное управление выдало ей на эту площадь ордер. Поскольку Кондрашова заняла спорную площадь в заводском доме без ведома и согласия завода, суд правильно вынес решение о выселении ее с площади, однако, без всяких на то оснований суд обязал завод предоставить Кондрашовой другую жилую площадь. Решение суда, обязывающее завод предоставить Кондрашовой другую жилую площадь, является неправильным и противоречит ст. 23 закона от 17 октября 1937 г., в силу которой жилая площадь в ведомственных домах может быть заселена только по распоряжению руководителей соответствующих ведомств. Жилищные управления могут распоряжаться только той жилой площадью, которая находится в ведении местных советов, и в связи с этим не завод, а жилищное управление должно предоставить жилую площадь Кондрашовой. При таких обстоятельствах возложение на завод обязанности предоставить Кондрашовой другую жилую площадь является незаконным.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение Крымского областного суда в части, в которой завод имени 1 мая обязан предоставить Кондрашовой, Е. С., другую жилую площадь, и обязала жилищное управление Симферопольского городского исполкома в течение трехмесячного срока предоставить Кондрашовой другую пригодную для жилья площадь, не ставя при этом выселение Кондрашовой в зависимость от предоставления другой площади.

Если покупатель в нарушение договора откажется принять купленное имущество или уплатить за него условленную цену, продавец может либо требовать исполнения договора, либо отказаться от исполнения договора

Андреев, Н. Ф., 28 января 1947 г. заключил с Поранины м, А. В., договор купли-продажи дома за 10 000 руб. Согласно условиям договора Поранин уплатил Андрееву 6000 руб. при заключении договора и остальные 4000 руб. должен был уплатить к 1 октября 1947 г. В нарушение договора Поранин 4000 руб. Андрееву не уплатил. В 1948 году после смерти жены (сестры Андреева) Поранин передал своего малолетнего сына на воспитание Андрееву. Вместе с этим Поранин передал Андрееву часть имущества и возвратил дом, стоимость которого в полном размере еще не была оплачена. В 1949 году Поранин взял у Андреева ребенка, а в 1950 году заявил иск об отобрании у Андреева и его матери Андреевой, М. Х., дома и другого ранее переданного Андреевым имущества. Решением Владимирского областного суда от 28 мая 1951 г. было постановлено: «взыскать с Андреевой, М. Х., в пользу Поранина пальто дамское, туфли и др.». Одновременно суд отклонил встречный иск Андреева о расторжении договора купли-продажи дома и взыскал с Поранина в пользу Андреева за содержание ребенка 3120 руб. и 4000 руб. не уплаченных по договору о покупке дома. Верховный суд РСФСР оставил в силе это решение.

Считая состоявшиеся судебные постановления в части, в которой Андрееву отказано в иске о расторжении договора о купле-продаже дома, неправильными, Генеральный Прокурор СССР опротестовал их в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного суда СССР.

Судебная коллегия, соглашаясь с протестом, указала, что Поранин обусловленную по договору купли-продажи дома стоимость его в сумме 10 000 руб. полностью не уплатил (не доплатил 4000 руб.). Андреев этот дом разобрал, перевез его в другую местность и вновь его собрал. При наличии таких обстоятельств и с уче-

том того, что Поранин нарушил условия договора, Андреев на основании ст. 190 ГК РСФСР был вправе требовать расторжения договора, и у суда не было оснований к отказу ему в иске. Обстоятельства дела о взаимоотношении сторон выяснены с достаточной полнотой и в дополнительном исследовании не нуждаются. Поэтому Судебная коллегия считала возможным разрешить вопрос в указанной части по существу. В связи с тем, что дом остается в собственности Андреева, последний должен возвратить Поранину полученные в счет этого дома 6000 руб. за вычетом 3120 руб., присужденных с Поранина Андрееву за содержание ребенка. В итоге Андреев должен возвратить Поранину 2880 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР изменила решение Владимирского областного суда и определение Верховного суда РСФСР в части встречного иска Андреева о расторжении договора купли-продажи дома: договор купли-продажи дома, заключенный сторонами, расторгла и дом оставила в распоряжении Андреева, взыскав с него в пользу Поранина полученные по договору 6000 руб. При исполнении решения в этой части должны быть зачтены присужденные с Поранина в пользу Андреева 3120 руб.

При установлении судебными органами размеров подлежащего возмещению ущерба, причиненного рабочими и служащими предприятию или учреждению, должны учитываться не только причиненные убытки, но и та конкретная обстановка, при которой убыток был причинен

Володенков, Д. И., работал в должности заведующего продовольственной базы Вяземского торга с 1946 по 1949 год. За время работы у Володенкова образовалась недостача соли, стоимость которой решением Смоленского областного суда от 19 апреля 1951 г. взыскана с Володенкова в сумме 24 460 руб. в пользу Вяземского торга.

Считая это решение неправильным, Генеральный Прокурор СССР опротестовал его в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного суда РСФСР. В протесте указывалось, что, удовлетворяя исковое требование и возлагая полную материальную ответственность на Володенкова, суд не принял во внимание обстоятельства, в результате которых образовалась недостача соли. Из искового заявления и других материалов дела видно, что за все время работы Володенкова, т. е. в течение трех лет, администрация торга не производила снятия остатков соли, инвентаризацию проводила не по фактическим остаткам, а по книжным записям, кроме того, соль хранилась в недостаточно приспособленных складах, подвергаясь размыванию от дождей. Наконец, в деле имеются данные о том, что Володенков принимал соль, прибывающую в отдел торга, без веса за отсутствием вагонных весов. Согласно ст. 83—6 Кодекса законов о труде при установлении судебными органами размеров подлежащего возмещению ущерба должны учитываться не только причиненные убытки, но и та конкретная обстановка, при которой убыток был причинен.

Поскольку в образовании недостачи соли имеется не только вина Володенкова, но и вина истца, возлагать материальную ответственность за недостачу соли на одного Володенкова, только потому, что он материально-ответственное лицо, неправильно.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР, соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, отменила решение Смоленского областного суда и передала дело на новое рассмотрение.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Необоснованное применение наказания ниже низшего предела к расхитителю государственных средств

18 сентября 1951 г. линейный суд Ашхабадской ж. д. осудил Шахватова по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к одному году исправительно-трудовых работ с удержанием из зарплаты 25%.

Линейный суд признал Шахватова виновным в том, что он, будучи начальником восстановительного поезда станции Термез, 15 сентября 1950 г. от имени восстановительного поезда заключил с Термезской транспортно-экспедиционной конторой Министерства хлопководства Таджикской ССР договор на производство работ по погрузке тяжеловесов на баржу силами и средствами восстановительного поезда. Работа была оценена в 4000 руб., и эта сумма подлежала перечислению на расчетный счет Сталинградского отделения Ашхабадской ж. д. через Государственный банк. В этот же день Шахватов перезаключил с указанной конторой договор, в котором та же работа была оценена не в 4000 руб., а в 11 000 руб., а в отделение дороги для производства взаимных расчетов направил первый договор на 4000 руб. Разницу в 7000 руб. Шахватов получил наличными и присвоил.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор линейного суда по делу Шахватова ввиду мягкости избранной ему меры наказания, считая, что суд к Шахватову необоснованно применил наказание ниже низшего предела.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР, соглашаясь с доводами протеста, приговор линейного суда отменила и в своем определении № 05/121 — 1952 г.

от 20 февраля 1952 г. указала: «Доводы, изложенные в протесте Генерального Прокурора СССР, основательны. Из материалов дела видно, что Шахватов совершил тяжкое преступление, предусмотренное ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а поэтому избранное в отношении него наказание в виде исправительно-трудовых работ по своей мягкости не соответствует тяжести совершенного Шахватовым преступления. Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила отменить приговор линейного суда Ашхабадской ж. д. от 18 сентября 1951 г. в отношении Шахватова и дело о нем направить на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе со стадии судебного разбирательства.

Неправильная квалификация хищения как халатного отношения к служебным обязанностям

По приговору линейного суда Печорской ж. д. от 9 сентября 1951 г. Поляков был признан виновным в том, что он, будучи начальником станции Тобысь Печорской ж. д., с июня 1950 года по январь 1951 года присвоил 5704 руб. государственных денег, и осужден по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к заключению в исправительно-трудовые лагери на десять лет с поражением в правах и со взысканием 2936 руб. Окружной суд Северо-Западного округа железных дорог 28 сентября 1951 г. переквалифицировал действия Полякова со ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на ст. ст. 111 и 109 УК РСФСР и определил ему наказание в один год исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 15% из заработной платы.

Генеральный Прокурор СССР, считая изменение квалификации преступления Полякова неправильным, а назначенную окружным судом меру наказания Полякову мягкой, опротестовал определение окружного суда и просил направить дело на новое рассмотрение в кассационном порядке.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР удовлетворила протест и в своем определении № 05/115 — 1952 г. от 30 января 1952 г. указала: «Признав обвинение Полякова в присвоении государственных денег материалами дела недоказанным, окружной суд Северо-Западного округа ж. д. в своем определении не дал оценки таким материалам дела, как личные показания Полякова на суде, в которых он не отрицал, что 1300 руб. из общей суммы недостачи он израсходовал на личные нужды. В деле имеется заключение бухгалтерской экспертизы, из которого видно, что Поляков с июня 1950 г. по январь 1951 г. ежемесячно не сдавал полностью в банк поступившие в станционную кассу деньги, вследствие чего у него и образовалась недостача наличных денег на сумму 5704 руб., из которых 1442 руб. Поляков не внес в банк в январе 1951 г. Поляков в судебном заседании не отрицал, что он с 20 по 25 января не сдавал в банк деньги. Эти данные также не нашли отражения в определении окружного суда по делу Полякова, тогда как линейный суд в приговоре сослался на указанные материалы дела, как на доказательства вины Полякова в присвоении государственных средств. Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила отменить определение окружного суда Северо-Западного округа железных дорог 28 сентября 1951 г. по делу Полякова и дело о нем направить на новое кассационное рассмотрение в окружной суд Северо-Западного округа железных дорог.

Необоснованное возвращение дела на доследование

Линейный суд Орджоникидзевской ж. д. 6 декабря 1951 г. дело по обвинению Губатенко, обвиняемой по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», вернул на доследование, а окружной суд Кавказского округа железных дорог, отклонив протест прокурора дороги, оставил это определение в силе. Губатенко вменялось в вину то, что она, являясь заведующей ларьком № 17 орса Орджоникидзевской ж. д., систематически присваивала вверенные ей материальные ценности.

Линейный суд, возвращая дело на доследование, указал, что следствием не установлены причины недостач, выявленных у Губатенко на 21 мая 1950 г. и на 31 января 1951 г., и что последняя по поводу этих недостач не допрашивалась.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал определения линейного и окружного судов, как находящиеся в противоречии с материалами дела.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом в своем определении № 05/107 — 1952 г. от 30 января 1952 г. указала: «Мотивы возвращения дела на доследование неосновательны, так как из протоколов допроса Губатенко видно, что она допрашивалась по существу всех трех случаев обнаруженных у нее недостач, причем, признавая выводы бухгалтерии правильными, показала, что 2808 руб. 94 к. присвоила и обратила в личную пользу, а причины первых двух недостач объяснить не может». Неосновательно указание линейного суда и на то, что в обвинительном заключении не указана сумма недостачи, числящейся за Губатен-

ко, ибо в обвинительном заключении имеет место перечисление всех случаев выявления у Губатенко недостач, а из имеющихся документов видно, какие суммы внесены Губатенко в кассу в возмещение ущерба, причиненного ею. С учетом изложенного у линейного суда имелись все основания для рассмотрения настоящего дела в судебном заседании без возвращения его с подготовительного заседания к доследованию. Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила: протест Генерального Прокурора СССР удовлетворить, отменить определение подготовительного заседания линейного суда Орджоникидзевской ж. д. от 6 декабря 1951 г. и определение окружного суда Кавказского округа железных дорог от 21 декабря 1951 г. по делу Губатенко Екатерины и дело возвратить в линейный суд на новое рассмотрение со стадии предания суду.

Суд в подготовительном заседании не разрешает вопроса о достоверности доказательств

Линейный суд Юго-Восточной ж. д. 10 декабря 1951 г. вернул дело Шевляковой, обвиняемой по ст. ст. 109, 111 и п. «в» ст. 128 УК РСФСР, на доследование. Шевлякова была привлечена к уголовной ответственности за то, что она, будучи заведующей магазином № 28 орса Юго-Восточной ж. д., продавала продукты по повышенным ценам, товары отпускала в кредит разным лицам и брала лично для себя продукты и допустила недостачу на сумму 1370 руб. Окружной суд Донецкого округа ж. д., отклонив частный протест прокурора дороги, оставил в силе определение суда. Линейный суд вернул дело на доследование для установления, на какую сумму Шевлякова раздала продуктов в кредит и взяла лично для себя.

Генеральный Прокурор СССР, считая определения линейного и окружного суда о направлении дела Шевляковой на доследование неправильными, опротестовал их, так как все обстоятельства дела предварительным следствием исследованы, а суд необоснованно в подготовительном заседании занялся оценкой доказательств и установлением их достоверности.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР протест удовлетворила и в своем определении № 05/118 — 1952 г. от 13 февраля 1952 г. указала: «Ознакомившись с материалами дела, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР находит, что определение подготовительного заседания линейного суда о направлении настоящего дела на доследование и определение окружного суда железнодорожного транспорта, которым отклонен частный протест прокурора дороги, являются необоснованными. В подготовительном заседании суд разрешает вопрос о том, основана ли формулировка обвинительного заключения на материалах дела и достаточно ли в деле оснований для предания обвиняемого суду. Суд в подготовительном заседании не разрешает вопроса о достоверности того или иного доказательства. В соответствии со ст. 236 УПК РСФСР суд в подготовительном заседании вправе направить дело на доследование только в том случае, если обнаружена существенная неполнота расследования, когда недостатки предварительного следствия не могут быть восполнены на судебном следствии. Таким образом, по данному делу объяснения обвиняемой Шевляковой о том, что взятые ею в счет заработной платы из кассы магазина 150 руб. она не имела намерения присвоить, подлежали проверке в судебном заседании, так как вопрос о том, поверить или не поверить объяснениям обвиняемой, может быть разрешен только при рассмотрении дела по существу, а не в подготовительном заседании. Остальные вопросы, как-то: о количестве товаров, проданных по повышенным ценам, о необходимости уточнения некоторых обстоятельств дела путем истребования документов и допроса дополнительных свидетелей, как не влияющие на квалификацию предъявленного Шевляковой обвинения, также не вызывали на данной стадии процесса необходимости направления дела на доследование, поскольку все эти вопросы могли быть подвергнуты выяснению в стадии судебного следствия.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила отменить определение подготовительного заседания линейного суда Юго-Восточной ж. д. от 10 декабря 1951 г. и определение окружного суда железнодорожного транспорта Донецкого округа от 26 декабря 1951 г. по делу Шевляковой и дело о ней направить в линейный суд Юго-Восточной ж. д. для рассмотрения по существу со стадии предания суду.

Неправильное прекращение дела в подготовительном заседании суда

Линейный суд Московско-Рязанской ж. д. 7 января 1952 г. в подготовительном заседании прекратил дело Алексеева. Алексееву вменялось в вину, что он, являясь начальником топливного склада станции Моршанск, не принял мер к выяснению причин недостачи масла на складе и при составлении месячных отчетов скрывал эту недостачу. Линейный суд прекратил дело Алексеева по мотивам, что бак, в котором оказалась недостача масла, не был передан ему под ответственность.

Генеральный Прокурор СССР, считая определение линейного суда неправильным, опротестовал его, ибо фактически Алексеев ведал всеми нефтепродуктами, находившимися на складе, и поэтому должен нести ответственность наравне с начальником склада Уваровым, обвиняемым по этому же делу в недостаче 276 тонн масла в баке.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом отменила определение подготовительного заседания линейного суда и в своем определении № 05/117 1952 г. от 13 февраля 1952 г. указала: «Из материалов дела видно, что за сохранность нефтепродуктов на топливном складе станции Моршанск несли ответственность и начальник склада Уваров, и его заместитель Алексеев. По показаниям последнего, он ведал и расходом масла из бака. Вопрос же о том, в какой мере должны отвечать за недостачу масла Уваров и Алексеев, может быть решен линейным судом лишь после всестороннего исследования материалов дела в судебном заседании».

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР определила отменить определение линейного суда Московско-Рязанской ж. д. от 7 января по делу Алексеева и дело о нем направить в тот же линейный суд на новое рассмотрение со стадии предания суду.

Участие в судебном рассмотрении дела в качестве народного заседателя лица, не избранного в установленном законом порядке, является основанием к отмене приговора

Народный суд Сафаралиевского района Азербайджанской ССР приговорил по ст. 151 УК Азербайджанской ССР к семи годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на пять лет со взысканием 13 476 руб. в пользу колхоза им. Сталина с. Ахмедбейли Керимова Насиба Багир-Оглы.

Верховный суд Азербайджанской ССР приговор оставил в силе.

Керимов признан виновным в том, что он, работая в колхозе с. Ахмедбейли, присвоил вверенные ему промтовары на 13 476 руб.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор по следующим основаниям: Проверкой установлено, что дело в отношении Керимова рассмотрено народным судом Сафаралиевского района Азербайджанской ССР в незаконном составе. Привлеченный к участию в рассмотрении дела в качестве народного заседателя Насибов не был избран в установленном законом порядке, что является грубым нарушением ст. 22 Закона о судоустройстве СССР и ст. 38 УПК Азербайджанской ССР. Приговор, вынесенный с таким нарушением закона, не может быть оставлен в силе. Генеральный Прокурор СССР просил приговор отменить и вернуть дело на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

Верховный суд СССР согласился с протестом, приговор народного суда и определение суда СССР отменил и дело вернул на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства (определение от 2 января 1952 г. № 02/4498-у-48 г.).

Необоснованное прекращение дела в отношении расхитителя социалистической собственности

По приговору народного суда 3-го участка Кагановичского района г. Молотова от 31 февраля 1951 г. по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Лобовиков, А. Н. осужден к заключению в исправительно-трудовой лагерь на десять лет с конфискацией имущества. Определением Молотовского областного суда от 2 марта 1951 г. приговор оставлен в силе.

По протесту Председателя Верховного суда РСФСР Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР определением от 20 июня 1951 г. приговор народного суда и определение областного суда в отношении Лобовикова отменила и дело прекратила.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал это определение по следующим основаниям.

Лобовиков признан виновным в том, что, работая на ликеро-водочном заводе инструктором-ревизором и имея свободный доступ в помещение завода, во время обработки архива, находившегося по соседству со столовой, в ноябре 1950 года похитил 3 литра спирта и 10 литров водки. 21 ноября 1950 г. он продал Мартиросову 8,5 литров водки и 0,5 литра спирта за 250 руб. При обыске на квартире у Лобовикова было обнаружено 3 литра спирта, 0,85 литра водки, 19 порожних бутылок емкостью 0,5 литра с датой на этикетке с 3 ноября по 19 ноября 1950 г. Верховный суд РСФСР прекратил дело на том основании, что народный суд в основу обвинительного приговора неправильно положил показания Лобовикова, данные им на предварительном следствии, в которых он признал себя виновным в хищении спирта и водки и от которых он впоследствии отказался. Народный суд неправильно сослался на показания свидетеля Мартиросова, который купил у Лобовикова спирт и водку, ибо эти показания не опровергают показания Лобовикова о том, что он променял свои золотые часы на водку у неизвестного экспедитора, а затем эту водку продал. Верховный суд также признал неправильной ссылку народного суда на вещественные доказательства, обнаруженные в квартире Лобовикова, спирт, водку и посуду из-под водки, поскольку в деле нет данных о том, что спирт и водка похищены Лобовиковым на заводе.

Приведенные доводы являются неосновательными. На предварительном следствии Лобовиков признал себя виновным в хищении спирта и водки. После предъявления обвинения Лобовиков, будучи допрошен в качестве обвиняемого, снова подтвердил, что спирт он похитил. В отношении же водки он показания изменил, заявив, что водку он приобрел у неизвестного экспедитора в обмен на старые золотые часы. Эти

объяснения были опровергнуты показаниями матери Лобовикова, которая, будучи допрошена на следствии, заявила, что золотых часов не было ни у ее сына, ни у его жены.

На предварительном следствии и первом судебном заседании Лобовиков не ссылался на то, что он купил спирт в ларьке у продавца Гриневича, и только в последнем судебном заседании он показал, что спирт купил якобы в ларьке, в подтверждение чего он впервые просил допросить продавца Гриневича в качестве свидетеля. Хотя свидетель Гриневич подтвердил факт покупки у него Лобовиковым спирта по 62 руб. за 0,5 литра, его показания не заслуживают доверия. Во-первых, он не указал, сколько спирта купил у него Лобовиков. Во-вторых, если бы Лобовиков действительно купил спирт у Гриневича, то он об этом заявил бы на предварительном следствии, чего Лобовиков не сделал.

В судебном заседании Лобовиков дал противоречивые показания. Он признал правильными протоколы его допроса на предварительном следствии, но давал показания, «будучи растерянным». Затем он показал, что на предварительном следствии он давал такие же показания, что и на суде, но следователь записал их по-иному. Под влиянием Лобовикова изменила показания и его мать, которая заявила в судебном заседании, что у ее снохи, т. е. у жены Лобовикова, были якобы золотые часы.

Таким образом, первоначальные показания Лобовикова следует признать правильными, подтвержденными другими материалами дела: результатами обыска, показаниями свидетелей и явно неправдоподобными противоречиями объяснений Лобовикова.

На этом основании Генеральный Прокурор СССР просил в своем протесте отменить определение Верховного суда РСФСР и оставить в силе приговор народного суда и определение областного суда, признавших доказанным обвинение Лобовикова в хищении спирта и водки.

Верховный суд СССР согласился с протестом (определение № 02-22750).

Отмена приговора ввиду применения необоснованно мягкого наказания по делу о нарушении правил управления автомашиной

По приговору народного суда 5-го участка Смольнинского района г. Ленинграда от 26 сентября 1951 г. Пархомовский, Л. В., осужден по ст. 75[1] УК РСФСР к одному году лишения свободы. 11 октября 1951 г. Ленинградский городской суд, рассмотрев это дело по кассационной жалобе, заменил Пархомовскому лишение свободы одним годом исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием из заработной платы 25%. Протест Прокурора РСФСР, принесенный на приговор народного суда и определение Ленинградского городского суда, 7 февраля 1952 г. Верховным судом РСФСР отклонен.

Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор народного суда и все последующие определения вышестоящих судебных инстанций по делу Пархомовского.

Протест мотивирован следующим: Пархомовский осужден за то, что 29 июля 1951 г., в десятом часу вечера, управляя лично ему принадлежавшей автомашиной, он во время проезда через панель по направлению к арке дома грубо нарушил правила управления автомашиной: при повороте не уменьшил скорость движения автомашины, не подавал звуковых сигналов и, неправильно регулируя рулевое управление, ударил передней частью автомашины в левый угол арки, наехал на проходившего под аркой Рохина, причинив ему тяжкие телесные повреждения. В результате происшедшего по вине Пархомовского несчастного случая с Рохлиным у него произошел перелом кости правой ноги, а левая нога была впоследствии ампутирована.

Народный суд при рассмотрении этого дела не учел того, что Пархомовским были допущены грубые нарушения правил управления автомашиной, не учел также тяжелых последствий происшедшей по его вине аварии и назначил ему явно мягкое наказание.

Ленинградский городской суд при отсутствии в деле каких-либо смягчающих обстоятельств неосновательно смягчил Пархомовскому и без того мягкое наказание, назначенное народным судом.

По указанным основаниям Генеральный Прокурор СССР в протесте поставил вопрос об отмене приговора народного суда и всех последующих определений по делу Пархомовского и о направлении этого дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР протест Генерального Прокурора СССР удовлетворила (определение от 26 апреля 1952 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая — Борьба за искоренение хищений социалистической собственности — важнейшая задача суда и прокуратуры 1
Г. Александров — За оперативные темпы следственной работы 6
В. Василец — Уголовная ответственность укрывателей по делам о хищениях . . 10
А. Рохленко — Оговор по делам о хищениях 16
Н. Загородников — Назначение наказания при совокупности преступлений . . . 23
А. Безуглов — Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам . . . 31
Б. Тетерин — Протокол судебного заседания по уголовному делу 34
А. Ренев — Усилить борьбу с волокитой 44

В ПОМОЩЬ НАРОДНОМУ СУДЬЕ И НАРОДНОМУ ЗАСЕДАТЕЛЮ

Судебное рассмотрение дел частного обвинения 48

ОБМЕН ОПЫТОМ

Г. Анашкин — Положительный опыт работы управления Министерства юстиции РСФСР при Чкаловском областном совете депутатов трудящихся 56
Т. Воробьева — Неразрывная связь с массами — первейшая обязанность народного судьи 61
Г. Казнин — Из опыта работы по рассмотрению гражданских дел 65
В. Колмаков — Подготовка материалов для графической экспертизы по гражданским делам 66
Д. Рассейкин — Применение криминалистических экспертиз в практике органов прокуратуры и суда Узбекской ССР 69

НАМ ПИШУТ

А. Белов — Судебная волокита 74
М. Хмелинин — Ошибки кассационного рассмотрения дел в Приморском краевом суде 75
А. Баталин — О работе юрисконсультов 76
Тынтарев — О работе юрисконсультов 77

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ В ЮРИДИЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ

Т. Н. — Творческая научная дискуссия о принципах советского уголовного процесса 79

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Тадевосян — Г. М. Свердлов, Советское семейное право 83

ИЗ ПРАКТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ 87

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. И. Зайцев (и. о. редактора), С. В. Бакшеев, С. А. Бордонов, А. Ф. Волчков, Д. С. Карев, С. П. Митричев, В. С. Тадевосян

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Пушкинская, 15а. Тел. К 6-83-06.
Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Товарищеский пер., 19. Тел. Ж 2-46-67

Технический редактор *Е. Н. Косарева*

А-00164 Сдано в производство 20/V 1952 г. Подписано к печати 12/VI 1952 г. Уч.-изд. л. 10,0
Тираж 34 930 экз. Бумага 70×108¹/₁₆ 3 бумажных—8,22 печатных листов Заказ 1112. Цена 3 руб.

13-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Гарднеровский пер., 1а.

Цена 3 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

„СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ"

Орган Министерства юстиции СССР, Прокуратуры СССР и Верховного суда СССР

на 1952 год

Цена одного номера — 3 руб.

Подписка принимается ТОЛЬКО с очередного подписного месяца

Подписка принимается ТОЛЬКО в городских и районных отделениях Союзпечати

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОДПИСКИ НЕ ПРИНИМАЕТ